

Светлана Притчина

В сердце Зеленого Клина

Светлана Притчина

В сердце Зеленого Клина

**история семьи Артюх Евдокии Карповны,
дочери Козуба Карпа Мефодьевича,
первопоселенца села Хороль**

г. Владивосток 2024 г.

ПРИТЧИНА С.В.

В сердце Зеленого Клина

Под общей редакцией Притчина А.А.

Типография «Винсет Ван Гог», 2024 г., 120с.

Посвящается моим близким и дальним родственникам,
в память о первопроходце Уссурийского края,
моём прадедушке, Козубе Карпе Степановиче,
о моих дедушке Артюх Иване Игнатьевиче и бабушке
Евдокии Карповне

От автора

Однажды летом на пляже села Камень-Рыболов, я случайно услышала разговор группы отдыхающих местных жителей о том, как здорово, что их село расположено на берегу такого природного достояния, как озеро Ханка: «У нас Ханка. А в Хороле что? Ничего особенного». Мне стало обидно за свое родное село, раскинувшееся среди живописных сопок, тем более, что по рассказам моей бабушки Артюх Евдокии Карповны, я знала, каким природным богатством отличалась Хорольская земля, когда туда пришли украинские переселенцы. Смелые, мудрые, трудолюбивые люди выбрали эту землю для проживания не случайно. Все было там: река, речушки, ручьи, леса с родниками, богатый животный и растительный мир и, главное, за чем они ехали сюда - плодородная земля, которую брали в свое пользование столько, сколько могли обработать. Земля награждала их высокими урожаями. Вот в чем было и есть богатство Хорольской земли, ради чего стоило покинуть свою родину и образовать новое поселение.

Вспоминая рассказы бабушки и изучая доступную мне литературу об истории заселения Хорольского района, я решила изложить собранные сведения в данной работе. Использовала также воспоминания нашей родственницы Арнаут (Козуб) Катерины Дмитриевны, предоставленные директором Хорольского историко-краеведческого музея им. Бронниковой И.Д. Кокуниной Н.С., а также воспоминания моей мамы Валентины Ивановны.

Мое пожелание нашим детям и внукам – помнить свое родство. Я думаю, моя работа поможет им в этом.

Прибытие в Уссурийский край

Моя бабушка, Артюх (Козуб) Евдокия Карповна, родилась 23 июня 1908 года в семье Карпа Степановича Козуба, который в 1891 году вместе с братьями прибыл на пароходе Добровольного флота «Кострома» из Одессы в Южно-Уссурийский край.

В 1891 году, в марте месяце, из Хорола, Екатериновки, Михайловки – населенных пунктов Полтавской губернии, семьи приехали в Одессу, погрузились со своим скарбом на пароход и поплыли на Дальний Восток. Во Владивостоке высадились 23 мая 1891 года 122 семьи. Согласно архивным данным, 748 душ переселенцев прибыло этим рейсом парохода: 64 семьи из Полтавской губернии, 45 - из Черниговской губернии, остальные из других. Вновь прибывшими было основано пять новых сел: Бельцово, Промысловка, Угловое, Успенка, Хорольское.

Каким было прибытие на новое место жительства пассажиров парохода, мы можем представить благодаря писателю Шрейдеру Д.И., которому довелось путешествовать на этом же пароходе «Кострома» в 1891 году и впоследствии написавшему книгу «Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае)». Вот как описывал он свои первые впечатления о Дальневосточной земле:

«С чувством необыкновенного облегчения приближались мы, наконец, к берегам нашей далекой восточной окраины. Конец качки, конец сорокапятидневному пленению на «Костроме»: мы почти у себя дома!

Константинополь... Африка... Египет... арабы... океан... тропики... пальмы... Индия... факиры... экватор... шквалы... лотос... Япония..., - все это представлялось уже как во сне, и сразу было забыто нами. Мы высыпали на палубу судна и впились глазами в белесоватое пятно, по направлению к которому «Кострома» шла под всеми парами. Там, за этим расплывчатым, неясным пятном скрывается Владивосток, - первый русский город на нашем бесконечно длинном пути; там начинается и простирается далее вплоть до Берингова моря часть нашего обширного отечества, которого мы не видели уже полтора месяца, со дня выхода из Одессы.

Вот показался справа от нас, на траверзе, остров Аскольд, окутанный голубоватой дымкой морского тумана. Еще три-четыре часа, - и мы уже у желанного берега.

Однако едва мы оставили бурные воды Японского моря и вступили в сравнительно спокойный и тихий залив Петра Великого, омывающий южные берега Уссурийского края, - картина резко, точно по мановению жезла чародея, изменилась. Еще только несколько часов назад нам освещало путь горячее, почти знойное солнце, лившее волны ослепительно яркого света, а здесь – какой поразительный контраст! Словно совсем другая часть света.

Впереди нас, на краю горизонта, показалась небольшая полоска белесоватого цвета. «Облако?» - подумали мы, но раньше, чем мы успели хорошенько взглядеться в него и проверить свои наблюдения, - неясное слоистое облачко начало быстро расти, застилая собою и ясное солнце, и синее небо, и гладкие, зеркальные воды залива. Минут пять спустя мы уже очутились в сплошном и плотном кольце густого тумана, компактной массой охватившего весь материк. На нас повеяло холодом и сыростью; вокруг нас стало сразу темно: в двух шагах ни зги не видать, с рубки не видно, что на носу корабля. Тщетно глядят офицеры в морские бинокли и подзорные трубы: - не видать даже собственных мачт.

«Кострома» все больше и больше замедляет свой ход. Мы идем все тише и тише; наконец, и вовсе остановились на месте, быть может, в нескольких милях от желанного берега. Небо и море от нас скрыто густой, непроницаемой, мгlistо-серой пеленой. На минуту ветерок, подувший с залива, разорвал окружающую нас волнующуюся густую завесу тумана, показал нам вдали едва уловимые смутные очертания берега, - мы двинулись вперед и затем должны были снова остановиться на месте.

Пробегающий мимо судовой офицер разъясняет нам, что эти туманы – обычное явление в наших восточных водах, особенно весной и вначале лета... Судьба, наконец, сжалась над нами. Луч солнца скользнул в густую толщу тумана, развеял его на мгновение,

осветил берег. И мы поспешно двинулись в путь. Ближе к берегу туман становился реже, и мы уже можем пододвигаться вперед без оглушительного содействия сирены.

Мы уже идем в виду берегов. Справа от нас – материк, слева – остров, называемый Русским (Дундас), отделенный от материка лишь нешироким проливом.

Неприютны, суровы, почти безжизненны берега нашей далекой окраины: песчаные отмели, ущелья, гигантские голые скалы, кой-где ручейки, ущемленные ими, местами небольшие заливы и бухты, - почти не малейшего признака мощной растительности, столь отличающей внутренние области Уссурийского края. Это прямой результат влияния вечно царящих у побережья туманов, не дающим развиться прибрежным лесам. Деревья, наполняющие их, все сплошь – недоросли с пустыми дуплами. Лишь кой-где местами, унылую картину морского побережья разнообразят сплошные кустарники, да густая трава в человеческий рост.

Мы вступаем в неширокий пролив, отделяющий упомянутый остров от материковой земли. Впереди нас, на самой середине пролива, торчат из воды два огромных исполинских камня, словно два уха колоссального зверя, зарывшего голову в воду. Это – «Ослиные уши», которым нередко случалось в туманную пору ущемлять у себя бока океанских судов.

Мы тихо-тихо проходим мимо «Ослиных ушей», почти прижимаясь к ним правым бортом. Еще полчаса, и перед нами неожиданно открывается неширокий проход между высоких скалистых берегов с почти вертикальными, крутыми боками, поросшими зеленой травой и кустарниками. Здесь – вход в бухту Золотой рог, на северном берегу которой растянулась в узкую линию столица Уссурийского края, - Владивосток... Странное впечатление производит Владивосток, когда видишь его впервые с борта корабля. Городу нельзя отказать в живописности, но его редкие, бесцветные и серые постройки, ютящиеся то у самой воды, то у подножья величественных холмов, не вдохновят кисти художника. Город не лишен своеобразной поэзии, но это – поэзия леса, безжалостно обезображенного немилосердными хищниками. Небольшие одноэтажные домики выглядят одинокими, сиротливыми. Позади них уныло, несмотря на веселое весеннее солнце, смотрятся в изумрудной воде глубокого рейда почти сплошь оголенные скаты холмов, бывших еще недавно гнездилищем тигров. Тоскливое чувство против воли овладевает забравшимся впервые сюда с далекого запада путником. Воображение рисует самые неприглядные, унылые картины окраинной жизни.

Это настроение еще более усиливается необычным видом этих оригинальных - то длинноносых, то с громадными на головах шишками – людей, облаченных в какое-то подобие женского костюма, снующих по рейду взад и вперед на своих плоскодонных, утлых судах. Гортанный, непонятный нам говор этих странных и бедно - почти нищенски одетых созданий еще более усиливает первоначальное впечатление.

Невольно чувствуется, что находишься здесь «на краю света», на одной из самых крайних точек необъятного Старого Света, дальше которой идти уже некуда: дальше этого пункта, действительно, уже нет твердой земли: - здесь начинается беспредельная ширь океана, простирающаяся вплоть до западных берегов Калифорнии.

Однако, по мере того, как корабль приближается к пристани и перед нами раскрывается вся площадь владивостокского рейда, прежние впечатления начинают сменяться другими, более приятными и отрадными для нашего сознания и взора. Сделав последний поворот, мы уже видим вполне оживленный рейд, занятый многочисленными судами нашего военного флота, расцветченными по случаю праздника разноцветными флагами. Ближе к нам нестройной толпой теснятся «Купцы», дымящие своими огромными черными трубами. Китайские неуклюжие джонки, неповоротливые шаланды корейцев допотопного вида и типа теряются в этой массе кораблей - великанов, провозвестников и носителей высшей культуры.

А вот и несомненный признак ея: по юго-восточному берегу бухты, у самой воды, сверкает волнистая извилистая линия рельсов, на которых стоят паровоз и вагоны Уссурийской железной дороги.

Меж тем «Кострома» подошла почти вплотную к перекинутым с берега мосткам Добровольного флота, с треском и грохотом бросила в воду якоря с кормы и носа, вздрогнула всем своим корпусом и внезапно остановилась на месте.

«Мы приехали!» - вырвался единодушный вздох облегчения из уст истомленных бесконечной ездой пассажиров.

«Мы приехали!» - подумалось и мне, и я – в местах, наиболее отдаленных», при одном упоминании о которых у обитателя Европейской России сжимается сердце.»

Вот такой предстала восточная окраина России и перед нашими предками Козубами, пустившимися в опасное путешествие, не побоявшимися трудностей, тяжелого труда на пустынных далеких землях.

Что было дальше по прибытии во Владивосток? Обращаемся к рассказу Екатерины Дмитриевны Арнаут (Козуб):

«Переселенцы высадились с парохода, осмотрелись, поспрашивали людей: куда поехать, где побольше земли? На рынке купили лошадей, пароконные телеги, погрузились и поехали искать землю.

Владивосток, манзовский рынок. Начало XX века.

С Козубами ехали Сынчуки, Найденко, Сыняговские, Шевели, Старченко. Петр Козуб по праву старшего брата решал за всех. Он говорил: «Поедем туда, где нет еще ни одного дома».

Ему нигде не понравилось. На третий день приехали в Никольск (Уссурийск). Там остановились, переночевали. Наутро выехали из Никольска и продолжили путь по тракту на север. Спрашивали у прохожих, куда идет дорога. Петр уточнял при этом: «Ищу землю - сеять и траву косить, да чтоб вода была». Кто отвечал, что не знает, куда ведет дорога. А знающие люди говорили, что на Камень-Рыболов: «Езжай, батя, найдешь, чего ищешь!» В пути были целую неделю, везде присматривались: где не нравилось, а где было заселено - не хотели останавливаться. Добрались до Михайловки. Михайловка была еще мало заселена. Им

там не понравилось. Поехали дальше. Едут и глазам своим не верят: земли много, пустота, раздолье. Пошли сопки, поросшие лесом. Петр обрадовался: «Будут дрова».

Как выглядела местность, по которой ехали переселенцы? Узнаем подробнее из книги путешественника Шрейдера:

«Странное, необычное впечатление производят на путника места, находящиеся к северу от села Никольского по направлению к озеру Ханка. Глаз, привыкший видеть раньше только горы, покрытые непроницаемою броней тайги, да поросшие цепким кустарником глубокие ущелья-впадины, начинает заметно отвыкать от этого зрелища. Горы с каждым шагом постепенно и заметно понижаются к северу, очертания их становятся мягче. Здесь приходится ехать не гористою, а холмистою местностью, самой по себе очень красивой и живописной, с синюющими далеко на горизонте горами. Местами дорога проходит почти настоящею степью, - обширную травянистую степью, богатою растительностью и полевыми цветами. Травянистая растительность здесь весьма роскошна, разнообразна и представляет собой замечательное смешение видов, - прямой результат обилия влаги, долго задерживаемой корнями. Местами попадаются отдельные довольно большие пятна кустарников, шиповника, боярышника и, особенно - дикого уссурийского рододендра, резко выделяющегося своими розовыми цветами. Рододендр покрывает иногда обширные пространства холмов, отчего они издали кажутся оригинальными, пышными, огромными бутонами гигантской, еще не распустившей своих лепестков розы. По мере приближения к бассейну реки Лефу, орошающей собой плодородную долину, окрестные виды теряют характер первобытной нетронутой степи. Здесь уже царство мирной культуры: все чаще и чаще встречаются отдельные хутора новоселов-переселенцев, обнесенные изгородями или домики отдельных фермеров-землевладельцев. Розовые пятна рододендра сменяются полями распаханной и сплошь покрытой желтыми колосьями земли. Мы здесь - в центре пространств, колонизируемых переселенцами из далекой Европейской России, - в сердце «Зеленого Клына» - как называют малороссы весь этот край. Уже с первого взгляда бросается в глаза разница в типе построек и в характере самого расположения местных хуторков. Стоит только издали посмотреть на раскинутый близ речки (все хутора строились близ рек) хутор, чтобы заранее решить, кто в нем живет: - малороссы или великороссы? Первые и здесь, как у себя на далекой окраине, строят плетеные хаты, вымазанные глиной и тщательно выбеленные «крейдой» (мелом), отчего весь хуторок производит при свете лучей палящего солнца жизнерадостное, веселое впечатление на путешественника. Хуторки же великороссов, сплошь состоящие из бревенчатых изб неуклюжей приземистой архитектуры, производят, напротив, угрюмое впечатление. Впечатление это усиливается, главным образом, еще благодаря полному отсутствию признаков какой-либо растительности в противоположность малороссам, поэтическая натура которых побуждает их разводить около своих хат «садоочки» из дикой яблони, груши и ползучего винограда».

«И, вот, приехали по прямой дороге до этого места, поднялись на гору, - продолжает рассказ Катерина Арнаут (сейчас это перекресток улиц Калининской и Ленинской в Хороле), - и стали решать, ехать дальше или осмотреться. Пошли на разведку. Здесь не было ни одного дома. Кругом сопки, большие дубы и березы, камыш и трава выше человеческого роста. Речка протекала, было много родников, озер и болот, а также много зверья и птиц: фазанов, уток, тетеревов. Петр вместе с двоюродным братом Лывком пошли по дорожке в сторону Поповки. Немного прошли и увидели две китайские фанзы. Братья постояли немного, посоветовались, решили зайти. Когда вошли внутрь фанзы, увидели китайцев, человек 6, которые курили что-то с резким запахом. Братья стояли, оторопев, при виде людей, непохожих на них. Один китаец сказал: «Откуда твоя?» Петр и Лывко, придя в себя, ответили, что приехали издалека жить сюда. А китаец сказал: «Пожалуй. Земля много, иди - смотри».

Китайские фанзы стояли на месте, где сейчас дом Прокофия Козуба и дом Ущиповских, а также, на перекрестке Тракта и будущей улицы Козубиевки, там, где потом построили

школу. Позже, переселенцы узнали, что китайцы сеяли опиумный мак в местности, где сейчас Пушкинская улица, делали из него опиум и курили его. Китайцы были жестянщиками: из цинка изготавливали ведра и кружки.

«После разговора с китайцами братья прошли еще версты полторы. Им понравилось: орешник, ракета, березы, осины, дубки, а на сопках большие дубы. Братья Козубы вернулись за остальными. Все вместе посоветовались и решили обосноваться на этом месте».

Они сделали кой-какие шалаши и пошли смотреть землю, где можно сеять хлеб, а где сено косить. Потом стали выбирать место, где кому строиться. Козубы стали строиться рядом друг с другом вдоль дорожки, что шла на Поповку. Сейчас это улица Калининская. А Сынчук, Найденко, Сынязовский, Старченко, Шевель пошли место выбирать там, где сейчас улица Ленинская. И пошла работа. На строительство хат стали возить дубы с сопки, крышу крыли камышом. Камыша здесь было много. Окна делали маленькие. Стекло покупали в Камне-Рыболове. Русские печки клали из кирпича, который тогда китайцы возили из Бельмановки. Дома были маленькие: одна комнатка. Пол делали земляной. Хаты по улице стояли не так как сейчас, а дальше, к современным огородам. Рядом с хатой копали погреб. А к улице сады садили. Сады были большие.

Внизу, там, где сейчас улица Луговая, росла большая лоза, из которой делали все: и черенки к вилам и лопатам, и оглобли для телег, и изгородь. Земли брали столько, сколько могли обработать. Возле дома были огороды по гектару. Огороды начинали садить с 20 мая и так и садили. Работали все: и взрослые, и дети. Много работали. Сразу по приезду купили в Поповке и в Камне-Рыболове пшеницы, овса, картошки. В первый год уродило хорошо. Так и стали разживаться. На следующий год написали в Полтаву своим. Еще приехало 5 семей Козубов и стали заселяться. Построили конюшни для лошадей, амбары для зерна. Коров сразу не было, а потом завели. В семьях было у кого 10, у кого 5, у кого 3 коровы. Обязательно у каждого была пара лошадей, овечки, свиньи (свиноматки тоже были свои), а также, куры, до ста гусей.

Созревший хлеб косили вручную, снопы из колосьев вязали на поле, в копны сносили, 15-20 дней копны сушились в поле под открытым небом, а потом перевозились домой. Петр Козуб купил молотилку с приводом в Поповке. Как с делами управятся, начинали молотить. К молотилке был сделан привод. Лошадь ходила по кругу, ремни крутились, и машина работала. Зерно шло чистое, отходы – отдельно, а солома с другой стороны выходила. Зерно веяли на ручной веялке, очищали от половы, затем чистое зерно ссыпали в мешки и носили в комору в закрома. Солому складывали в скирды. Сходились люди: одному хозяину помогают, потом переходят к другому и так далее. Люди были дружные. Работали с песнями. Пели, как хорошо! Запоют, аж дом дрожит!

Потом зерно сушили на печке и драли на крупу или мололи на муку. Гречку и на крупу драли, и на муку мололи. Из гречневой муки стряпали вкусные оладьи. А лен молотили цепом. Из семян били масло для себя и для продажи. Масло, муку, зерно, макуху (жмых) возили в Никольск и Харбин на лошадях. Там это продавали или меняли на другие товары.

Выращивали лен и коноплю и для пряжи. Когда лен и конопля вызревали, семена обмолачивали, а стебли мочили, чтобы помягче были, а потом «типалы (били), трепалы, и мнялы на прядиво». Этой работой занимались женщины, а дети помогали. Потом пряли и ткали на полотно. Пряли на пряхках и веретенах. Были у некоторых семей кросны (самодельные ткацкие станки). Полотно отбеливали в золе. Оно становилось белое. Из полотна шили одежду, рушники. Носишь сорочку, а она не рвется, аж надоедает. Из пряжи потолще ткали ковры, ткали цветные рядна и лижники, которыми укрывались и подстилали на солому и так спали. Ряднами пользовались, как простынями, а также застилали пол. Из овечьей шерсти вязали рукавицы, носки, валяли валенки. У Даценко даже была своя валяльня. Мануфактуру покупали в Камне-Рыболове и Никольске. Из нее шили свитки и пиджаки. На ноги шили ичины и аулы.

После обоснования в этих местах украинских переселенцев, китайцев прибыло. Они нанимались строить дома и рыть колодцы. С 1893 по 1895 приехали из украинского Хорола

еще переселенцы. Несколько семей приехали из других сел. Те, которые приехали из Хорола, продолжали строиться по улице, где поселились Козубы. И эту улицу стали называть Козубиевка. А те, кто приехали из других сел, селились, где кто хотел. «Но ехали, - дедушка говорил, - не густо».

Год основания села-1891, но участок на 209 номеров крестьянам отвели только в 1895 году по 100 десятинам на семью, то есть земельные наделы, которые уже закрепили за своими семьями крестьяне, были официально оформлены государством в 1895 году. Это подтверждает рассказ Катерины Арнаут, что место для поселения крестьяне выбирали самостоятельно по своему усмотрению и только в 1893 году участок был отведен (признан).

Когда село разрослось, собрали сход и стали решать, как назвать село. Её дедушка Петр Андреевич Козуб сказал: *«Як нас бильше приихало с Хорола, так нэхай будэ Хорол»*. На топографических картах того времени селение обозначалось, как деревня Хорольская.

«В 1900 году дома стали строить большие и крыши крыть цинком. Дома ставили ровно, чтобы улица получалась. Лес уже в это время возили из Черниговки, а цинк покупали в Харбине. Дома были на две половины. В дальней половине был пол деревянный, а в передней земляной. В передней половине пол сначала ровно трамбовали, потом мазали глиной. В хатах всегда было чисто. У каждого в хате висели иконы, украшенные вышитыми рушниками. Стол был большой, вокруг стола стояли лавы, на которых усаживалась вся семья за обедом. Праздники православные и посты все соблюдали. К постам люди готовились, и было что готовить в пост. Вот, например, перед Рождеством пост: готовят борщ из картошки, свеклы, моркови, капусты, фасоли и заправляют растительным маслом. Кашу варили пшеничную, гречневую, добавляя в нее льняное масло. Как набьют его килограммов пятьдесят - хоть купайся! И картошку жарили на постном масле. Пирог пекли с фасолью, пасленом, тыквой, капустой. А рыбы сколько было! Ловили даже зимой и жарили. Скоромного ничего не кушали. Молока было много. Его в пост не ели, а собирали и делали творог. Творог солили в кадку. Масло сбивали и тоже в кадку. За пост наготовляют много. А потом начинался праздник. На Рождество резали кабана или чушку. Делали колбасы и окорока, запекали в русской печи. Обязательно варили вареники с творогом - объедение! А какой хлеб пекли хороший, вкусный, мягкий!» - рассказывала Катерина Арнаут.

Первоначально деревня Хорольская административно относилась к Григорьевской волости Южно-Уссурийского уезда. До Григорьевки, волостного центра, было тридцать две версты. По меркам того времени далеко. Поэтому крестьяне Хороля обратились в июне 1906 года с прошением к губернатору об образовании Хорольской волости с волостным правлением в деревне Хорольской. Прошение удовлетворили и 15 июля 1907 года была образована Хорольская волость, в которую вошли деревни Хорольская, Поповка, Бельмановка, Девица. Волостным старшиной выбрали крестьянина Павла Яхно, помощником - старшину крестьян села Поповка Петра Чечеля. Волостное правление построили на том месте, где сейчас редакция газеты «Рассвет».

По архивным данным в 1909 году у первопоселенцев имелось:

- у Петра Макаровича Козуба в семье 5 человек мужчин, 5 женщин, в хозяйстве 3 лошади, 2 пары быков;
- у Кирилла Козуба - 7 мужчин, 4 женщины, 2 лошади, 1 пара быков;
- у Григория Козуба - 2 мужчин, 1 женщина, 2 лошади, 1 пара быков;
- у Леонтия Козуба - 5 мужчин, 6 женщин, 5 лошадей, 1 пара быков;
- у Петра Андреевича Козуба - 3 мужчин, 5 женщин, 2 лошади, 1 пара быков;
- у Гаврика Павла - 4 мужчины, 4 женщины, 5 лошадей, 1 пара быков.

Согласно метрическим книгам церкви, которые появились в Хороле в 1899 году, браки заключались в большинстве случаев: крестьяне с крестьянками, казаки с казачками, казаки с крестьянками, отставные солдаты с крестьянками. До 1906 года ни одного случая крестьянин-казачка. Односторонняя избирательность по сословному признаку была нарушена в 1906-1908 годах, когда в Хороль приехала очередная партия переселенцев. В этот период заключались браки крестьян с молодыми казачками Полтавской губернии.

Крестьяне Хороля пахали землю плугами Сакка, запрягая в них быков (волов) так же, как делали их предки в Малороссии. Там землю пахали с помощью таких плугов, в отличие от великороссов, которые пахали землю сохой, запрягая лошадей. Плуг глубже обрабатывал почву, что для малороссийских сухих степей было важным. А соха для лесных великорусских земель была более удобной. Она вспахивала почву неглубоко. Этого было достаточно. Плуги Сакка завозились из Германии, но и производились на заводах в России.

В 1912 году в Хороле работали две паровые мельницы: Власа и Моисея Рыбалка (выше по реке, там, где была совхозная баня) и Ефима и Никифора Сидоренко. Помимо паровых, были и ветряные мельницы. Ими владели Дмитрий Тур, Иван Тур, Никита Артюх, Иван Яценко, Митрофан Даценко. На мельницах мололи муку, драли крупу, просо и гречку. В селе организовали три маслобойни. Хозяевами их были Ефим Сидоренко, Прохор Проценко, Влас Рыбалка. Действовали кирпичный и дегтярный заводы. На кирпичном заводе работали корейцы. Было сельпо, в котором продавалась мануфактура и продукты: рыба, крабы, конфеты, пшено, «сага».

Саго - пищевой продукт, получаемый из сердцевины саговой пальмы. Употребляется в пищу в качестве загустителя для соусов и пудингов с незапамятных времен в Юго-Восточной Азии и Океании.

Саго местные хозяйки использовали, видимо, как заменитель крахмала в приготовлении кулинарных блюд.

На большой площади перед церковью 2 раза в году проводили сельскохозяйственные ярмарки, на которые приезжали жители местных деревень и соседних уездов. В селе был даже кабак.

За медицинской помощью обращались в больницы Камня-Рыболова и Григорьевки. С 1912 года в Хороле работали врач по фамилии Мацакини и фельдшер Лука Тимофеевич Бегейма. Доктор и фельдшер вели прием, в больничке были даже палаты, где пациенты получали стационарное лечение. Но в селе были и свои народные целители – костоправы и повитухи, бабушки-знахарки, лечившие молитвами и заговорами.

Нелегко было переселенцам в первые годы жизни на новом месте. Общество села Поповки и казаки Благодатного являлись с требованием убраться. Для разрешения конфликта крестьянам Хороля пришлось обращаться за поддержкой к губернатору Приморской области. И он, приехав на место, разрешил конфликт. Две семьи из первоначально прибывших, не выдержав тяжелых местных условий, вернулись на родину. Тем не менее, селение росло и развивалось. В 1896 году в Хороле насчитывалось 97 дворов, в 1899 – 133 двора, в 1906 году - 142 двора, в 1912 году дворов было 274 и 2055 человек населения. В 1915 в селе проживал 2341 человек.

«Стали решать, как и где построить церковь. Строили церковь «гуртом». Церковь построили деревянную, обшили цинком. Было у нее 3 колокола: один большой и два поменьше. Сделали вокруг церкви очень красивую железную изгородь. Звонарь был Марченко. Внутри церкви большой зал, налево крыласы - там певчие пели. Сначала пел дьяк Гриценко, потом певчими были девушки и женщины. Поп в золотистой ризе кадил кадилом, вел службу. Рядом с церковью был дом дьяка, поп жил дальше, на Козубиевке», - рассказывала Катерина Арнаут.

Церковь построили в 1899 году. Она получила имя Рождественской (Рождества Пресвятой Богородицы). Метрические книги начали вести с 1901 года. В 1901 году священником церкви был Иннокентий Михайлович Боженков, псаломщиком - Илья Алексеевич Семенов.

Евдокия Карповна, моя бабушка, тоже, рассказывала, что в церкви было очень красиво. Особенно ей нравилось, когда пел церковный хор. «А спивают как хорошо!» - говорила она. Бабушка церковь называла «храм».

Жители Хороля были набожными. Соблюдали посты и православные праздники. В селе какое-то время работал немец-инженер. Помогал сельчанам осваивать сельскохозяйственную технику. Немцу не нравилось, что по православным праздникам крестьяне не работали, в частности, в Первую Пречистую (28 августа - праздник Успения Богородицы), во Вторую

Пречистую (21 сентября - день Рождества Пресвятой Богородицы). И он возмущался: «Одна прочиста, вторая прочиста! Что за прочиста такая? Опять не работать!» По-украински слово «Пречистая» произносилось, как «Пречиста», а немец проговаривал его на свой манер.

Дом священника на Первомайской улице

Церкви были почти во всех окрестных селах. Особенно почитаемые - в Поповке (Свято-Георгиевская, с 1894 года), в Старой Девице (Спасо-Преображенская, с 1903 года), в Лучках (Покрова Пресвятой Богородицы), в Сиваковке (Святого Василия Великомученика). Бабушка рассказывала, что прихожане деревенских церквей общались между собой. Отмечать большие праздники собирались по очереди в одной церкви, в следующий раз - в другой. Хорольцы ездили чаще в Поповку и Девицу. Церковь в Поповке местные жители построили еще в 1894 году деревянную на каменном фундаменте. Позже к ней добавили пристройку с колокольней. Стояла церковь на возвышенности. Рядом построили школу. На праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы (отмечали по старому стилю в конце ноября) прихожане съезжались в Хороль. Отстояв на службе в церкви, они расходились по родственникам в Хороле.

В двадцатые годы попом хорольской церкви был Алексей. Первоначально он жил в доме на современной улице Первомайской (фото выше по тексту). В 1924 году в Хороле появился врач - немец по национальности - Гольд Вольштейн. В работе ему помогала сестра милосердия по имени Наташа. Поп Алексей уступил доктору свой дом для амбулатории. А сам попросил разрешения Петра Андреевича Козуба на то, чтобы поселиться в доме Олексы Козуба на Козубиевке.

Дети обучались в четырехлетней церковно-приходской школе. По воспоминаниям Катерины Дмитриевны, построили ее в 1910 году на Козубиевке. В ней было 3 классные комнаты, учительская и комната для сторожа. Отапливалась школа печками. Дрова возили по очереди родители, чьи дети учились в школе. Первыми учителями были Тупчий Василий Иванович и его жена Вера Прокофьевна. Обучение в школе велось на украинском языке, так как большинство учеников были малороссы. Помимо основных дисциплин преподавали Закон божий. Преподавателем был сельский священник.

Моя бабушка Евдокия полностью закончила 4 класса. Знания, полученные в школе, сохранились в ее памяти на всю жизнь. Евдокия Карповна даже в пожилом возрасте наизусть читала внукам стихотворения, которые учила в школе. «Ласточка», «Бобыль», «Сирота»,

«Курган» - вот эти стихи. «Ласточка» и «Курган» входили и в современную школьную программу по литературе. Стихотворение «Курган» Евдокия Карповна рассказывала в дореволюционном варианте. Советская цензура его изменила, и в наших учебниках оно печаталось с сокращениями. Наизусть, также, она помнила молитвы, знала даты православных праздников, церковные обычаи - все то, чему обучал священник в школе. В дальней комнате ее дома в углу висела иконка с ликом Иисуса Христа в обрамлении бумажного веночка. Иконка была прикрыта чистенькими занавесками. Когда одна из внучек впервые увидела иконку, и то, как бабушка произносит перед ней молитву, Евдокия Карповна сказала: «Не говори никому в школе, что видишь, а то засмеют». В советское время, действительно, осуждали веру в бога. В школе детей воспитывали в духе атеизма. Евдокия Карповна не принуждала своих детей и внуков верить в бога. Она это делала сама так, как научили в церковно-приходской школе. Веру она пронесла через всю свою жизнь, которая была очень нелегкой. Вера в бога давала ей поддержку и опору, приносила утешение. Муж, Иван Игнатьевич, в бога не верил и часто укорял Евдокию Карповну за то, что она молится. Евдокия Карповна отвечала на его укоры так: «Никто еще не доказал, что бога нет». Ее бы никто не переубедил. Праздник Христовой Пасхи был для нее самым важным праздником в году. Она всегда тщательно готовилась к нему: пекла праздничные куличи в печке (духовых печей тогда не было), жаворонки (булочки в форме птичек), готовила пироги и другое угощение, полагавшееся на такой праздник. Утром рано на Пасху дети и внуки собирались за большим столом в родительском доме. Всегда отмечали в семье и Рождество Христово. В канун праздника, 6-го января, до появления первой звезды на вечернем небе, по всем правилам, садились за стол, чтобы отметить праздник. На столе среди разных блюд непременно была кутья - кушанье из компота и риса. Для нас, внуков, в этом зимнем празднике было что-то сказочное и чудесное благодаря атмосфере бабушкиного дома. За окном поздний вечер. Луна освещает зимний пейзаж, блестит снег, морозно, а в доме тепло, и за столом взрослые отмечают Рождество.

Родословная первопоселенцев Козуб

Козубы до переселения проживали в городе Хорол Хорольской волости Хорольского уезда Полтавской губернии, принадлежали к сословию казаков. Прибыли в Приморье братья: Петр Андреевич - самый старший, Евфим, Андрей, Степан, Кирилло, Олекса, Лывко, Карпо Степанович - самый младший (по воспоминаниям Арнаут (Козуб) Катерины Дмитриевны, внуки Петра Андреевича Козуба).

Козубы (Кузубы) - украинский, русский и казачий род, род казаков-украинцев, русинов Киевщины и христиан-степняков Поднепровья. На карте современной Украины есть село Козубовка к югу от Хорола. Это говорит о том, что род Козубов был многочисленным, их фамилией было названо село.

Хорол - город с древней историей. Был основан в 1083 году и упоминается в «духовной» Владимира Мономаха. Город был свидетелем кровавых столкновений славян с кочевниками 1107, 1111, 1185, 1215 годов. Во времена монголо-татарского нашествия Хорол, как и другие поселения Переяславщины и Киевщины, был разрушен. После чего земля Хорольщины попала под власть Великого княжества Литовского. В 1569 году хорольские земли переходят в состав Речи Посполитой. С 1648 года Хорол - сотенный городок Миргородского полка и оставался в этом статусе вплоть до ликвидации гетманства в 1764 году. Хорольская сотня Миргородского полка участвовала в боях 1648-1654 годов в армии Богдана Хмельницкого под Корсунем, Зборовом, Львовом. В 1709 году Хорольская сотня Миргородского полка участвовала в Полтавской битве на стороне царя Петра Первого.

После Манифеста императрицы об уничтожении Сечи и упразднении запорожского войска, по указу Екатерины Второй от 16 сентября 1781 года с 9 января 1782 года создано Киевское наместничество в составе 18 уездов. В соответствии с этим указом, Хорол получил статус города и стал уездным городом Хорольского уезда.

Сельские домики в Полтавской губернии.

Хорол, железнодорожный вокзал, 1900 г.

В 1802 году Хорол вошел в Полтавскую губернию. Свое название город получил от реки Хорол, что в переводе означает «быстрый». Расположен в 107 км от Полтавы на берегу реки Рудка, которая через 4 км впадает в реку Хорол. По данным переписи 1899 г. всего населенных пунктов в хорольском уезде было 773 (город Хорол, местечки, села, деревни, хутора).

Полтавская губерния - родина Николая Васильевича Гоголя. Он родился и вырос в селе Сорочинцы. Герои его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» - жители украинской деревни Полтавской губернии. В сюжете их повседневная жизнь смешивалась с мистическими мотивами, которые были в ходу у селян. В повести «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» упоминается река Хорол. Город Миргород, где жили главные герои повести, находится на берегу реки Хорол. Красивая природа, сказки и были местных жителей стали

источником вдохновения писателя. Как не будут водиться русалки в тихих, заросших тенистыми деревьями реках и не будет шкродить в лесах нечистая сила - помощница сельских колдунов и колдуний, и не будет цвести папоротник в день Ивана Купалы?

Большинство населения Хорол в конце девятнадцатого века составляли казаки и крестьяне. Как казаки, так и крестьяне по национальности – малороссы, по вероисповеданию - православные. Основное занятие населения - земледелие. В среднем одно хозяйство заседало 4,4 десятины земли. Кто-то не имел посевов вообще (14,9% от общего количества хозяйств), некоторые сеяли по 1, 2, 3 десятины. Тем, кто имел совсем мало земли, не хватало хлеба на пропитание в течение года. Из Хорол, начиная с 1877г., происходило переселение в Сибирь, Амурскую область, Южно-Уссурийский край. Число переселяющихся с каждым годом росло. Из Хорольского уезда за пятилетие с 1877 г. по 1881 г. выселилось 987 чел., с 1882г. по 1886 г. - 3082 чел., с 1887г. по 1891 г. – 1085 чел., с 1892г. по 1896 г. - 11073 чел. За 4-летие с 1897г. по 1900 г. (тогда по случаю войны с Китаем переселение было приостановлено) - 6799 чел.

Карта Полтавской губернии (слева) и река Хорол в окрестностях Миргорода.

До 1886 г. передвижение в Южно-Уссурийский край осуществлялось за казенный счет («казеннокоштные» крестьяне). С 1886 г. крестьяне переселялись за свои собственные средства и назывались «своекоштные». Отмена передвижения за казенный счет выдвинула на переселение лучший элемент землевладельцев.

В Южно-Уссурийском крае переселенцы получали 100 десятин земли на семью (одна десятина 1,09 гектара) – самый большой земельный надел в мире, плюс дополнительный захват в общине пустующих земель - так называемое захватно-заимочное право. Ходоки шли по указанию и выбирали урочища по собственной оценке.

Для переселения семье нужно было иметь 600 рублей свободных денег с собой для полного обзаведения на новом месте и прокормления семьи до нового урожая. Разрешалось переселяться только семьями, в одиночку - нет. Одиночки назывались ходоками. В переселенческом отношении пользы не приносили. Поэтому если у кого-то одного из родственников возникало желание уехать, он должен был уговорить всю семью.

Так и Козубы приехали одной большой семьей. Кто-то из братьев был женат, имел детей. У Петра Андреевича Козуб с женой на момент прибытия в Приморье было трое детей, самый старший из них – тринадцатилетний Дмитрий. Двое детей Петра Андреевича родились позже, уже в приморском Хороле.

В Хорольском историко-краеведческом музее им. Бронниковой И.Д. есть информация о том, как сложилась жизнь одного из сыновей Петра Андреевича - Ивана Петровича. Он родился в 1898 году в Хороле. Был работящим. Охотился, рыбачил. Жена - Гриценко Федора Харитоновна. Дом их стоял на Калининской улице недалеко от современной больницы. В семье родилось 5 детей (Вера, Петр, Михаил, Николай, Александра). В 1935 году семью выслают. Иван Петрович продал дом, погрузился на телегу и уехал с женой и детьми в Григорьевку. Работал в Григорьевке на строительстве дороги. В 1938 году семья вернулась в Хороль к сестре Ивана Петровича - Марии Петровне Жиденко на Советскую улицу, но и ее семью выслают в Казахстан. Тогда они перешли жить к куму - Гроб Петру. Иван Петрович работал завхозом в школе-семилетке. Потом семье дали жилье на Пушкинской улице. Началась война. Ивана Петровича и его сына Михаила призвали на фронт. Иван Петрович погиб 20.01.1943г. в городе Каменск Ростовской области. Отправил семье только 2 письма. Михаил Иванович вернулся домой в 1946 году. Работал плотником на пивзаводе. Сын Ивана Петровича – Петр Иванович принимал участие в войне с японцами в 1945 году. Дошел до Мукдена, награжден медалью «За победу над Японией». Работал начальником водонасосной станции в гарнизоне Хороль. Третий сын Ивана Петровича - Николай Иванович проходил срочную службу в Порт-Артуре. Жил во Владивостоке, по профессии мастер-изолировщик. Его направляли в командировки на строящиеся промышленные объекты в Приморье. Монтировал оборудование на заводе СОМ в Хороле. Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов Ю.А. вручал Николаю Ивановичу правительственную награду. Старшая дочь Вера Ивановна уехала во Владивосток, а младшая – Александра Ивановна закончила Канский библиотечный техникум и работала библиотекарем в Хорольской районной библиотеке (Колупаева Александра Ивановна).

У Дмитрия Петровича, второго сына Петра Андреевича Козуба, было 8 детей. Рано овдовев, Дмитрий Петрович взял в жены другую женщину. От первого брака у него осталось четверо детей (Иннокентий, Ульяна, Мария, Анастасия) и во втором браке родилось еще четверо (Катерина, Александра, Алексей, Евдокия). Его дочь от второго брака, Катерина Дмитриевна Козуб (Арнаут), родилась 10 января 1924 года. Когда Кате было семь лет, умерла мама (в 1929 году), оставив сиротами четверых приемных и четверых родных детей. Старшему ребенку от второй жены было девять лет, младшим двойняшкам не было еще и года. Катерина научилась доить корову в семь лет, сама готовила еду. Отец Дмитрий Петрович вступил в коммуну, потом в колхоз. Его старший сын Иннокентий Дмитриевич Козуб был первым трактористом в колхозе и некоторое время работал председателем сельсовета. Катя в девять лет уже работала в колхозе. Полола на полях. В 1940 году не стало отца. Чтобы вырастить двух сестреноч-школьниц, она устроилась работать кассиром-счетоводом в райкомхоз, позже перешла на должность бухгалтера. Катерина Дмитриевна в жизни Хороля принимала активное участие. Во время войны она была секретарем Хорольской комсомольской организации, членом бюро райкома комсомола, ей доверили работу заведующей общим отделом в райисполкоме. В 1945 году она делегат Приморской краевой конференции ВЛКСМ. Участвовала в художественной самодеятельности. Пела и танцевала, играла в театральных постановках. Озеленение улиц Хороля - её идея. Комсомольцы посадили первые деревья на улице Ворошиловской (Ленинской) возле райкома партии и райисполкома. И так, каждый год, озеленяли улицы. Позже разбили парк и построили танцплощадку. Катерина Дмитриевна была бесстрашная, никогда не унывающая. Для проведения комсомольских собраний в села района летом и осенью добиралась пешком, а зимой становилась на лыжи. Вышла замуж за односельчанина Арнаут Николая Ивановича, тоже из семьи первопоселенцев (*Арнауты-православные албанцы переселившиеся в Южную Бессарабию*). Окончила курсы комбайнеров, но поработать не пришлось, так как были маленькие дети. С мужем вырастили четверых детей. Когда дети подросли, она устроилась в Хорольский совхоз на склад старшей рабочей. Потом работала в должности помощника бригадира овощеводческой бригады. На протяжении многих лет была депутатом сельского и районного Советов народных депутатов. Была награждена медалью за «За доблестный труд в Великую Отечественную войну» и медалью

«Ветеран Труда». Дочь Катерины Дмитриевны - Белянкина Людмила Николаевна окончила мединститут по специальности санитарный врач. Была главным врачом Хорольской санэпидемстанции, много лет работала в Хорольской ЦРБ в отделе статистики. Сын - Арнаут Леонид Николаевич - предприниматель в области автомобильного транспорта. Живет в Хабаровске. Дочь - Агафонова Валентина Николаевна - преподаватель школы. Дочь-Ольга Николаевна - бухгалтер. Катерина Дмитриевна рассказы о жизни первых жителей и последующих событиях в истории Хороля слышала от бабушки и отца. Она изложила воспоминания своих родных в рукописном виде и подарила Хорольскому историко-краеведческому музею им. Бронниковой И.Д.

Был еще среди прибывших в Уссурийский край пароходом «Кострома» одновременно с Петром, Ефимом, Андреем, Степаном, Кириллом, Олексой, Лывком и Карпом Козубами Макар Степанович Козуб, о котором не упоминает Катерина Дмитриевна. Год зачисления Макара в Хороле - 1891. Родился на Украине в 1853 году. Прибыл в Уссурийский край в возрасте 38 лет с тремя сыновьями и племянником. Козуб Макар Степанович с семьей прожил всю жизнь на современной улице Красноармейской в Хороле, которую раньше называли «Сахалин».

Козуб ИМ

Один из его сыновей - Игнат Макарович Козуб (1871-1942гг), жил в Хороле, Владивостоке, на о. Русском, в Красном Яре, Оленеведе. Участвовал в строительстве крепости во Владивостоке. Был высоким, статным, сильным, грамотным. Мог вытащить застрявшую повозку, запряженную парой быков со словами: «Где им справиться, если я сам чуть смог?» Очень любил детей, был добрым. Во Владивостоке встречал вновь прибывших переселенцев. Там встретил свою будущую жену - Чех Агафью Иосифовну 1872 г.р. Игнат выкрал Агафью с ее свадьбы. Их дети - Козуб Филипп Игнатович, Козуб Порфирий Игнатович.

Сын Макара Степановича Козуба – Петр Макарович приехал в Приморье в возрасте 16 лет. Прожил всю жизнь в Хороле. В его семье родилось семеро детей (Анна, Иван, Михаил, Варвара, Прасковья, Тимофей, Дмитрий). Его сыновья Иван Петрович и Михаил Петрович со своими семьями жили в доме на Калининской улице через стенку. Ивана призвали на срочную службу в 1933 году. В армии он получил специальность связиста. Закончил срочную службу в 1938 году. В 1941 году его призвали на фронт. Воевал в звании старшего сержанта в роте связи. Принимал участие в войне с Японией в августе-сентябре 1945 года. Службу закончил в 1946 году. После войны работал на почте в районном узле связи на должности радиомонтера. Проводил в Хороле радио местным жителям в домах. Его брат - Михаил Петрович - учитель по образованию. После окончания уссурийского педагогического техникума работал на севере

Хабаровского края, потом вернулся с семьей в Хороль. Работал директором школы. Его дочь, Иванова Тамара Михайловна, много лет преподавала химию в Хорольской средней школе №1. Дмитрий Петрович погиб на фронте.

В документах, представленных в статье Осипова Ю.Н. «Формирование фермерских хозяйств в Хорольском районе Приморского края в дореволюционный период», зафиксированы другие имена Козубов, принимавших участие в сходах крестьянского общества: Федор Козуб, Леонтий Козуб, Григорий Козуб, Яков Козуб, Андрей Козуб. Очевидно, это были представители позже прибывших Козубов в Хороль.

Год рождения моего прадедушки Козуба Карпа Степановича, отца Евдокии Карповны, моей бабушки, примерно, 1870. В церковных метрических книгах он упоминается, как Карп Стефанович Козуб или Карп Стефанович Кузуб. Макар Степанович и Карп Степанович - родные братья. С отчеством «Степановичи» в метрических книгах встречаются еще двое Козубов - Андрей и Яков. Год их водворения в Хороле - 1891. Очевидно, Макар, Карп, Андрей и Яков были родными братьями.

Родные и односельчане звали моего прадедушку Карпо. На момент переселения в Южно-Уссурийский край семьи у него еще не было. Знал грамоту. В решениях сходов крестьянского общества приводились подписи грамотных, в том числе Карпа Козуба и неграмотных, за которых расписывались грамотные крестьяне.

Тропинка на Поповку, где поначалу остановились первопоселенцы в поисках пригодных для жилья мест, проходила по склону длинной сопочной гряды. С тропинки открывался красивый вид на параллельную южную гряду. Сопки её, покрытые изумрудным кудрявым лесом, на фоне высокого голубого небосвода и сейчас очень живописны. Между двумя грядами-перевалами была падь, по дну которой протекала небольшая река. Неспроста эта местность понравилась первым жителям. Идеальным для строительства деревни по древним славянским канонам считался пологий холм на берегу реки или озера. Наши предки нашли такое место.

Козубы ставили свои дома друг за другом по дороге на Поповку, сначала временные, потом постоянные, образуя улицу. Их дети, обзаводясь семьями, тоже строили свои дома недалеко от родительских дальше по улице. Открывала улицу Козубиевку китайская фанза, стоявшая на перекрестке дорог в Камень-Рыболов и Поповку. Неизвестно, когда построили её китайцы - вместе с первыми жителями или позже, но продержалась она до семидесятых годов прошлого века, пока не началось строительство новых домов в Хороле. Фанза была округлой в сечении, крыша, как купол. Вдоль стен лежанки. Обогревалась она каном. В фанзе поначалу жили китайцы. В годы советской власти из фанзы сделали парикмахерскую. Помещение разделили на 2 половины - мужской и женский залы.

Дом Прокофия Козуба на Калининской улице

На том месте, где сейчас трехэтажные панельные дома стоял дом, разделенный на две половины, братьев Михаила Макаровича Козуба и Ивана Макаровича Козуба - Ванюхи (так Евдокия Карповна называла своего двоюродного брата Ивана) - сыновей Макара Степановича Козуба. Дома Петра Андреевича Козуба и его сына Ивана Петровича Козуба и Олексы Козуба располагались ближе к современной поликлинике. Дом Карпа Степановича был на том месте, где построили в начале шестидесятых здание Хорольской ЦРБ. Дом Дмитрия Козуба, сына Петра Андреевича Козуба, достался в наследство его дочери Катерине Дмитриевне Арнаут и сохранился до нашего времени дальше по Калининской улице. Карп Степанович Козуб построил дом и своему сыну - Прокофию. Дом Прокофия тоже сохранился. Сейчас он принадлежит Козуб Ольге Прокофьевне, его дочери.

Это, к сожалению, не вся информация о домах Козубов, а только то, что осталась в памяти. Дома Козубов были большие, деревянные с четырехскатными крышами, как хаты на полтавщине. Снаружи фасад обшивали деревянными планками. Наличники и ставни на окнах украшались резными узорами. Под крышей по периметру домов бежала деревянная вязь. Строители не забывали о красоте. Крыльцо обязательно выходило на восток.

Старинный домик с четырехскатной крышей на ул. Ленинской

На Козубиевке строили дома и другие первопоселенцы по такому же проекту: четырехскатная крыша, крыльцо, выходящее на восток – отличительные признаки домов первых жителей Хороля. Для чего крыльцо на востоке? Так делали неспроста: вышел хозяин на улицу утром - его встречает солнце. С первыми лучами солнца человек получает энергию и тепло, заряжается на весь день. Западные стены домов были глухие - без дверей и окон. Окна комнат выходили на юг. При входе в дом был небольшой тамбур или коридорчик («калитор» - бабушка говорила). Входная дверь не открывалась прямо в дом, чтобы не пускать в жилище холод напрямую. Это потом, на улице начали строить дома с двускатными крышами, с крыльцом, выходящим на запад или на дорогу, людьми, приехавшими намного позже. Первые жители так не строили.

Почти в каждом дворе на Козубиевке был свой колодец. Пологая возвышенность, на склоне которой возникла улица, в своих недрах имела много водных жил, заканчивающихся у речки, протекающей по дну пади. С вершины сбегали ручьи. И сейчас они угадываются на улице Калининской. Крестьяне решали проблему маловодья в своих хозяйствах рытьем колодцев. В частности, были колодцы во дворах у Пидорченко, Гриценко, Артюхов, Козубов, Шалая, Поляниц. Воды, сколько хочешь под рукой! Вода была вкусная.

С левой стороны от домовладения Карпа Степановича Козуба, где сейчас стоит поликлиника, раскинулась большая поляна. Братья Козубы обустроили ее пространство: поставили качели и лавочки. На поляне собиралась молодежь. Юноши и девушки катались на

качелях, устраивали посиделки, пели песни. Поляна была любимым местом сбора молодых людей. Приходила на молодежные вечеринки и юная Дуня (Евдокия Карповна) Козуб.

Катя Артюх с подругами Надей и Верой Шевель у дома Шевелей на Калининской улице. 1950-е годы.

С левой стороны от дома Игната Ульяновича Артюха стоял дом первопоселенца Шевеля. Шевели имели заимку на сопке за Хоролем (напротив Вторчермета), которая и получила название Шевелева по фамилии хозяина заимки. По сей день Шевелева сопка хранит богатство. В ее недрах сокрыты запасы бурого угля. В пятидесятые годы там проводили изыскания геологи. Нашли уголь, но посчитали, что месторождение молодое, осваивать его рано. Если бы уголь был зрелым, на Шевелевой сопке начали бы его добычу поверхностным способом, как в Липовцах и Новошахтинске. Видимо, на территории, на которой основали Хороль, в древности росли влажные тропические леса, которые послужили источником образования бурого угля. Еще и ходили волосатые слоны - мамонты. Бивень мамонта находили во время гидромелиоративных работ рядом с селом Старый Луговой. Значит, эти земли за историю своего существования испытывали похолодание. Очевидно, здесь какое-то время была зона лесотундры - характерное местообитание мамонтов.

Шевели были зажиточными. После раскулачивания власти разрешили им остаться в одной половине своего дома, другую половину отдали другим нуждающимся в жилье людям. Кого-то из Шевелей выселили из Хороля.

Козубиевка стала местом, где располагались важные общественные объекты селения - школа, больница. И церковь недалеко - через тракт, немного севернее начала улицы. Но дом священника был на Козубиевке. Через дорогу от церкви, как полагается, отвели погост. Там захоронены первые жители Хороля. Кладбище действовало до начала шестидесятых, пока его

не закрыли. Новое место для кладбища отвели на выезде из села. Евдокия Карповна, моя бабушка, еще в начале восьмидесятых годов водила нас на старое кладбище, где оставалась могилка ее мамы. Сейчас территория старого хорольского погоста частью застроена, частью превратилась в пустырь. Лишь военные хорольского гарнизона ухаживают за сохранившимися захоронениями экипажей военных самолетов, потерпевших крушение в пятидесятых, шестидесятых годах прошлого века. Эти захоронения производились на окраине старого кладбища в свое время и остались здесь благодаря надзору военных.

Дом Арнаут (Козуб) Катерины Дмитриевны.

Через несколько лет после прибытия в Приморье Карп Степанович Козуб с товарищами вернулся в центральную Россию с намерением приобрести там коров симментальской породы. После покупки животных в городе Самара переселенцы повели их пешим ходом обратно в Уссурийский край. Их путь продолжался три года. В пути пришлось много натерпеться, но они вернулись домой к своим семьям.

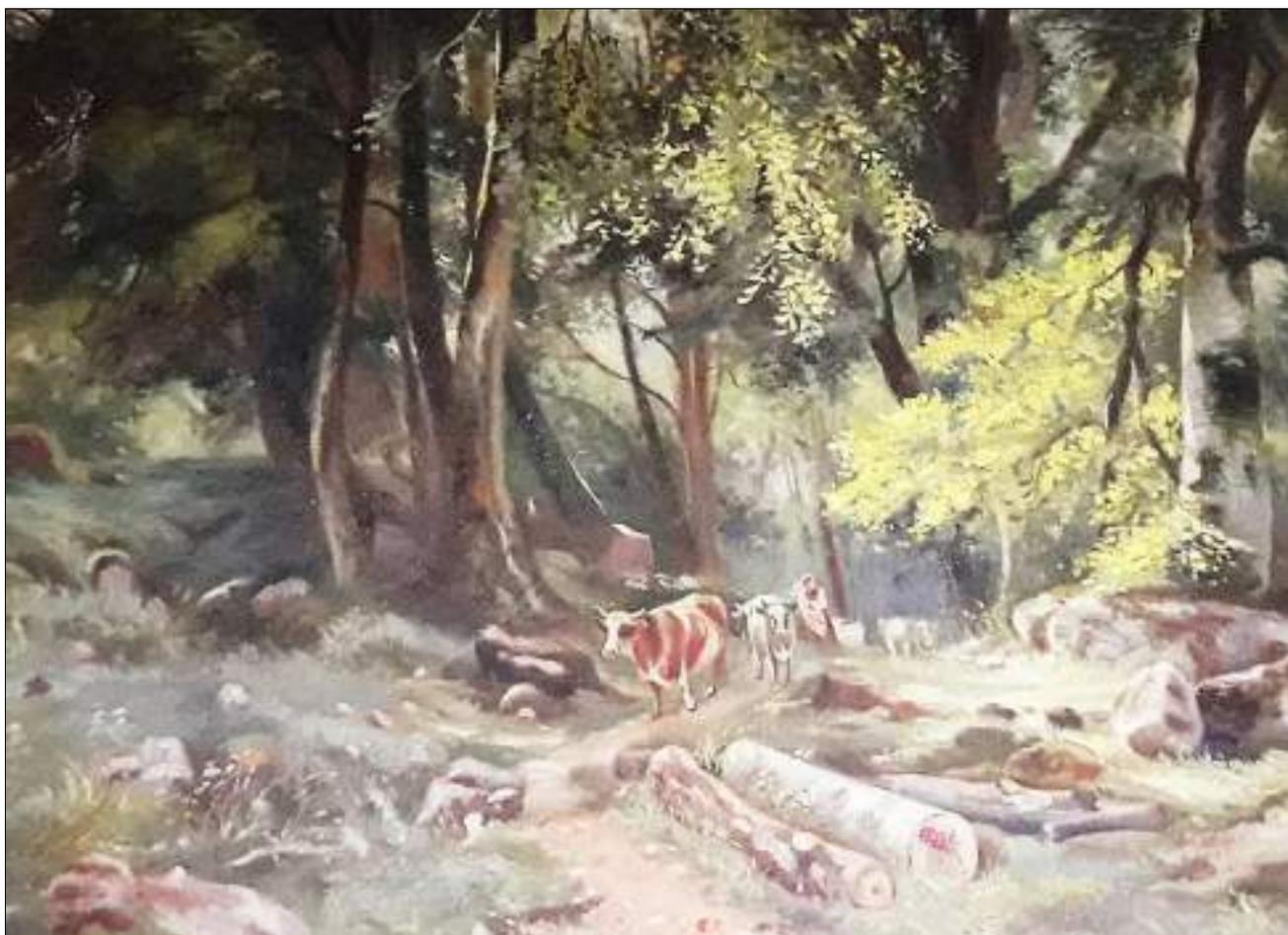
В Хороле Карп Степанович построил небольшую ферму для своих коровок. Дом его, как и дома братьев, находился на улице Козубиевка. Позже на месте домашнего хозяйства Карпа Козуба построили Хорольскую ЦРБ. Еще в 70-е годы прошлого века был замечен холмик, оставшийся от дома, и старая раскидистая черемуха (район сквера перед приемным покоем больницы). До наших дней сохранился колодец, который находится рядом с инфекционным отделением. Колодец выкопали китайцы, нанятые Карпом. Его водой пользовался медперсонал больницы вплоть до 80-х годов прошлого века.

Ферма Карпа Степановича Козуба с коровами симментальской породы располагалась на территории современной больницы.

Симментальская порода коров была завезена в Россию из Швейцарии во второй половине 19-го века. Порода отличалась крупными размерами тела, большими удоями, молоком и мясом высокого качества. Масть животных была от светло-палевой до красно-пестрой. Коровы легко приживались в любых условиях. Все, что им требовалось - хорошее питание в течение всего года. Видимо, благодаря своей выносливости, животные выдержали длительный переход в Приморье.

Упоминание о наличии в крестьянских хозяйствах Новодевицы, Бельмановки, Поповки

крупного рогатого скота симментальской породы есть в статистических отчетах о состоянии фермерских хозяйств 1910 года. Скот был приобретен в Хороле.

Картина приморского художника. Дом офицеров гарнизона с. Николаевка

Карп Степанович Козуб женился примерно в 1895 году. Жену звали Анной Митрофановной. Она, также, была казачьего сословия. Анна отличалась большой добротой. Когда мимо их с Карпом дома проходили бедные люди и просили милостыню, она всегда выносила им еду.

Колодец Карпа Козуба. Справа инфекционное отделение Хорольской ЦРБ.

У Карпа Степановича с Анной родилось пятеро детей: Александра, Прокофий, Евдокия (Дуня), Ксения, Григорий.

На мини-ферме Карпа Степановича трудилась вся его семья. Козубы в народе слыли работающими. Дуня с детства помогала отцу ухаживать за коровками. Она была очень трудолюбива. Дуня знала, как готовить сметану, масло, что такое сыворотка («сыро́ватка» - так произносила она с ударением на букве «о»).

На подворье царил идеальная чистота. Карп был очень чистоплотен. Всегда следил и за своим внешним видом. Посуда для молока и сыворотки, сепаратор для приготовления сметаны содержались в строгой чистоте.

Коровки были ухожены, здоровы. Карп любил животных и много внимания уделял состоянию своих питомцев. Часто сам доил коров.

Масло и сметану Карп Степанович возил на продажу в город Никольск. Горожане встречали телегу Карпа задолго до ворот рынка, чтобы успеть купить его товар. Таким большим спросом пользовалась молочная продукция Карпа Козуба! Карп водил коров на сельскохозяйственные выставки в Никольск, получал награды за качество молока и высокие удои. К сожалению, наградные медали не сохранились до наших дней, так как были вывезены из семьи второй женой Карпа, о чем очень сожалела Евдокия Карповна.

Дорога в Никольск была небезопасной. По пути в город на крестьян иногда нападали хунзузы. Отбирали товар, который сельчане везли на ярмарку. Перед Уссурийском есть небольшая ложбина перед подъемом в сопку. Она закрыта деревьями. Оттуда неожиданно и делали нападения китайские разбойники. С Карпом Степановичем такого не случалось, но нападения на односельчан бывали.

Как-то по дороге в Никольск на ярмарку Карп Степанович заночевал с Дуней в одной крестьянской избе. Когда хозяйка предложила гостям поужинать, он отказался, наблюдая, как женщина чистила картофель, и по ее рукам стекала вода в чугунок, в которой потом варилась картошка. Хозяйка показалась ему неаккуратной. Карп был очень требователен к чистоте.

Корова и теленок симментальской породы. Такие были у Карпа Козуба.

Карп Степанович пешком водил телят от своих коровок на продажу в город Харбин. Обрато из Китая привозил мануфактуру, предметы быта.

Семья имела заимку в пойме реки Мо (река Мельгуновка) - участок земли, на котором можно было заготовливать сено, сеять хлеб.

Многие крестьяне Хороля имели заимки помимо основного надела. Они использовались как пастбища и сенокосы, засевались зерновыми культурами - пшеницей, гречихой, овсом, ячменем, а также льном и коноплей. Первопоселенцы разбили сады возле своих домов и разработали огороды. Для того, чтобы прокормить большие семьи, нужно было иметь достаточно земли, очень много работать.

Вот как рассказывала о хорольских садах Катерина Дмитриевна Арнаут (Козуб):

«Какие здесь были чудесные сады! По тридцать соток! Сколько росло слив, яблок, груш, ранеток, шовковицы, вишни, черемухи, много дичек! Вы не поверите в эти садовые чудеса. Но это все было!»

Яблоки культивировали разных сортов, а сливы - желтые и венгерки. Выращивали, также, плодово-ягодные кустарники – малину, смородину и крыжовник. Можно себе представить, как красиво цвели и благоухали сады по весне перед каждым домом! Как это украшало селение!

И у Карпа Степановича Козуба перед домом был большой сад. Садовые плоды и ягоды сушили и варили из них варенье. Моя бабушка Евдокия, вспоминала, как запекали сливы в русской печи. Высокие чугуны, заполненные сливами, пересыпанными сахаром, ставили в печь. Слой слив, слой сахара и так до верха, пока не заполнится чугунок. Плоды пропаривались в сахарном сиропе. Получалось объедение!

Жаловались крестьяне только на маловодье. Река Мо (в те времена она была сплавная) находилась далеко вато, а небольшая речка Песчанка, протекавшая через селение, не давала много воды. Но отсутствие крупных рек рядом имело и положительную сторону: земледельцев не постигали наводнения, которые были бичом в тех районах края, где крестьяне селились возле рек. Наводнения уносили дома, постройки, скот, запасы зерна, обрекая людей и домашних животных на голодную зиму. Проблему недостатка воды в Хороле помогали решать ключи, сбегające с окрестных сопков, и колодцы, вырытые почти в каждом дворе.

На фото один из ручьев в центре Хороля в районе улицы Чапаева. Впадает в ручей Безымянный, прежде бывший небольшой рыбной рекой Песчаной, протекающей по дну пади. Речка Песчаная не зря получила такое наименование у крестьян. Ее дно устилает песок. То, что был и есть песок по берегам и на дне реки видно и сейчас на береговых отложениях. И ручьи, сбегające с сопков и впадающие в речку, тоже имеют песчаную выстилку.

Тип сложившихся крестьянских хозяйств в Уссурийском крае подходил под определение «товарно-капиталистическое фермерское хозяйство». Хозяйства были крепкие,

зажиточные, более богатые крестьяне имели собственных работников-батраков. На работу к крестьянам нанимались корейцы и китайцы. Существовали расценки по оплате наемного труда.

Крестьяне Дальнего Востока не знали помещичьего землевладения и притеснения. Те, кто хотел и умел работать - были богатыми. Всех переселившихся крестьян на Дальний Восток с 1861 года по 1900 год включительно по количеству наделной земли именовали стодесятиниками, а по времени поселения в крае - старожилами. Именно в это сорокалетие сформировался значительный зажиточный слой сельского населения. С января 1901 года ввели новые правила, по которым вновь прибывшие в край крестьяне-переселенцы вместо 100 десятин наделялись пятнадцатью десятинами удобной земли на душу мужского пола. Тем самым была проведена грань между старожилами-стодесятиниками и переселенцами-новоселами.

Когда в 1918 году к власти пришли большевики, основная масса крестьян не поддерживала их. Зачем земледельцам было что-то менять в своей жизни? «Они имели крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму... Это крестьяне, которые улучшения от революции не видели...», - писал В.И. Ульянов (Ленин) о крестьянах Сибири и Дальнего Востока.

В 1916 году у Карпа Степановича неожиданно умирает жена. Она поехала на сенокос через несколько дней после рождения ребенка. Тяжело поработала, после чего заболела и не смогла поправиться. Дети остались сиротами. Дуне тогда было 8 лет, самому младшему ребенку, Грише, несколько дней от роду. Карп вынужден был снова жениться, так как одному с пятью детьми приходилось очень туго. Он взял в жены женщину из села Лучки Олэну (Елену) Степановну, у которой своих было четверо детей. Семья увеличилась.

Раннее сиротство, тяжелый труд, болезни, нелюбовь мачехи - все эти невзгоды пришлось вынести Евдокии в юном возрасте. Потеря матери осталась страшным горем на всю жизнь. Впоследствии она не могла без слез вспоминать, как было плохо без мамы. Мачеха чужих детей не любила. Ей нравилось принимать гостей, угощать их вкусной едой, а приемные дети в это время сидели на задворках.

На большие церковные праздники к Олэне приезжали родственники из Лучков. Остановливались у Карпа в доме. К праздникам хозяева доставали припасы из погреба. Это могли быть соленья, варенья, заготовленные еще летом и хранимые специально для таких целей. Жена Карпа детей за стол не приглашала. А им так хотелось отведать вкусностей! Однажды Евдокия, забившись под стол, когда приехали гости, от обиды наелась вишневых ягод, оставшихся на дне бутылки с вином. Она немного опьянела. Закружилась голова. Мачеха спрашивает: «Что с тобой?» А Дуня не может ответить. Ей весело от пьяных ягод. Потом Дуня начала хитрить: спустится в погреб и возьмет себе что-нибудь из продуктов, хранимых для праздников. Мачеха заметила, что кто-то наведывается в погреб и стала ставить на крышки деревянных кадок сторожки - палочки, камешки. Но Дуню не проведешь! Она в сторонку отодвигала метки и брала из продуктов то, что ей хотелось попробовать.

Евдокия Карповна еще вспоминала, как больно недовольная мачеха расчесывала ей запутавшиеся волосы, чтобы заплести их в косы. Родная мама так бы не поступала.

У Дуни не сложились отношения с мачехой. Она любила свою маму, а мачеха не смогла ее заменить. Дуня никогда не называла ее мамой. Олэна, в свою очередь, жаловалась на Дуню отцу, наговаривала на нее, чем вызывала недовольство отца дочерью. Дуня, чтобы меньше видеть мачеху, уходила на скотный двор помогать отцу.

Маленькая Ксения (Ксэня), совсем не помнившая родную маму, называла Олэну мамой и потом, повзрослев, тоже считала ее мамой и поддерживала с ней отношения. Дуня же не могла забыть плохое отношение со стороны мачехи, и обижалась на Ксению, когда та называла мачеху мамой.

Карп много работал, чтобы прокормить большую семью. Ему нужно было успеть и в поле, и дома. На занятия с детьми времени не оставалось, поэтому Олэна в его отсутствие чувствовала себя полноправной хозяйкой. Но больше заботилась о своих детях.

Сельскохозяйственными работами Карп жену не нагружал, чтобы не случилось с ней того же, что с первой женой Анной, когда она поработав на сенокосе, заболела и умерла. Карпу помогали в работе подрастающие дети.

Однажды Дуня упала на правый бок и повредила себе тазобедренный сустав. Ушиб ее очень беспокоил. Отцу постеснялась признаться. Как-то к мачехе пришли в гости соседки. И за разговорами Дуня услышала, как они между собой делились составом компресса из лекарственных трав при ушибе. Девочка-подросток нашла нужные травы и стала прикладывать их к больному суставу. Так ребенок вылечил себя сам.

У Дуни с детства была обида на отца: почему он не жалел родную ее маму, а теперь жалеет чужую для нее женщину?

Старшая дочь Карпа Степановича – Александра (в замужестве Гаврик) поддерживала младших братьев и сестер. Александра родилась в 1896 году. Евдокия Карповна называла ее Санькой, племянники - тетей Санькой. Александра заменила сестрам и братьям мать. Евдокия Карповна часто обращалась к ней за помощью и советом, даже будучи замужем, и уважительно называла ее на «вы».

Александра Карповна Гаврик (Козуб)

Дом Филиппа и Александры Гаврик стоял через дорогу от усадьбы Карпа Степановича Козуба, отца Александры (напротив современной больницы). Дом родителей мужа Александры - Филиппа Антоновича находился по соседству на ул. Калининской. Гаврики были зажиточными, жили в добротном кирпичном доме. В начале тридцатых годов главу семьи Антона Гаврика вместе с сыном Петром, его женой Зинаидой и детьми, выселили из села.

Филипп с семьей остался в Хороле. Александра Карповна и ее муж Филипп тоже были верующими. Они строго соблюдали православные праздники и посты. Сохранилась до наших дней книга Евангелия, написанная церковно-славянским языком, которой они пользовались. У Филиппа и Александры родилось восемь детей. Когда родители с детьми садились за обеденный стол, обязательно перед приемом пищи произносилась молитва.

Жители Хороля очень сожалели о том, что в Хороле разрушили церковь. Потребность в вере в бога у людей была большая. Верующих оставалось много. На Первомайской улице был молеальный дом в 1960-е годы. Александра Карповна его посещала.

Братья Филипп Антонович и Петр Антонович Гаврики общались между собой. Зинаида с Петром приезжали в Хороль, останавливались в доме Филиппа. Сохранилась фотография конца тридцатых годов, на которой Зинаида Ивановна сфотографирована с родственницами.

Петр Антонович Гаврик с семьей и отцом после выселения уехали в Ворошилов (Уссурийск), поселились в доме на улице Пролетарской, 29. Петр Антонович в Хороле занимался пошивом мужских костюмов и шапок, а в Ворошилове устроился работать портным на фабрике по пошиву меховых шапок, Зинаида Ивановна была домохозяйкой. В семье воспитывали троих сыновей. Сын Иван Петрович родился в Хороле в 1920 году. Закончил семилетку в Ворошилове, поступил в Сибирский металлургический институт. Оттуда был призван на срочную службу в Монголию. Осенью 1941 года войсковая часть, где служил Иван, была направлена на подступы к Москве. Его боевой путь закончился 29 марта 1944 года при освобождении юго-западной Украины. Вот что писал с фронта старший сержант Иван Гаврик:

«Дорогие мама и папа! У меня полный порядок. Я жив и здоров. Много работы задал нам немец. Однако скоро ему придет конец. Мы отомстим за сожженные города и села, за убитых стариков, детей, жен.... За выдающиеся заслуги перед Родиной нашей дивизии присвоено звание гвардейской. Так что прошу любить и жаловать. Ваш Иван».

Зинаида Ивановна Гаврик в центре снимка на заднем плане. Стоят слева Ксения Козуб, Зинаида Гаврик. Сидит в центре Елена Козуб (мачеха).

Вместе с частями Первого Украинского фронта Иван Гаврик освобождал Киев, участвовал в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, дошел до города Каменец-Подольского. Шли тяжелые бои. Восемь немецких дивизий были окружены. Они пытались прорваться к железной дороге, ведущей в Каменец-Подольский, который был уже освобожден Красной Армией. На пути немцев встал 51-й гвардейский полк. Старший сержант Иван Гаврик вместе с двумя бойцами огнем своего артиллерийского орудия заслонили подход к железной дороге на заданном участке. Бой шел четыре часа. Товарищи Ивана погибли. Он остался один у орудия, но продолжал сражаться. Вскоре осколок от снаряда разорвал лафет орудия и насмерть сразил Ивана. В своем последнем поединке с противником Иван успел уничтожить 2 немецких танка и около роты гитлеровцев. Трое погибших героев были посмертно награждены. 29 марта 1944 года гвардии старший сержант Иван Петрович Гаврик был награжден орденом «Слава 3-й степени». Приказом от 27 апреля 1944 года по 6-му гвардейскому механизированному корпусу за образцовое выполнение боевых заданий он был награжден Орденом отечественной войны 1-й степени. В городе Каменец-Подольский находится могила Ивана Гаврика. Местные жители в 1970-м году установили на ней бронзовый памятник. В Уссурийске чтят память Ивана Гаврика. В школе, где он учился пионерская дружина носила его имя. В городе одну из улиц в районе кирпичного завода (ул. Каменную) в 1967 году назвали его именем. Второй сын Петра и Зинаиды Гаврик - Данил

Петрович тоже воевал, участвовал в Сталинградской битве, получил тяжелое ранение и скончался в 1942 году. Война отняла у родителей двух сыновей. У Петра и Зинаиды остался третий сын – Василий, который пережил с ними горе тяжелых потерь. Сын Василия Петровича - Сергей Васильевич проживает в Уссурийске, дочь Галина Васильевна в селе Покровка.

Как сложились судьбы восьми детей Филиппа Антоновича и Александры Карповны Гаврик?

Александра Карповна Гаврик (Козуб) с дочерью Верой. 1950-е годы

Одна из дочерей Александры Карповны – Елена Филипповна Гаврик долгие годы работала начальником Хорольской метеостанции, а другая дочь – Катерина Филипповна Гаврик была учителем математики в хорольской средней школе №1, потом в хорольской восьмилетней школе.

*Елена Филипповна Гаврик на территории Хорольской метеостанции
1970-е годы*

Елена Филипповна с 1975 года и до ухода на заслуженный отдых в конце восьмидесятых руководила гидрометеостанцией Хороль. Метеостанция обеспечивали народное хозяйство данными по гидрометеорологии окружающей среды. По итогам социалистического соревнования метеостанция в Хороле занимала высокие места. Коллектив успешно справлялся с производственными заданиями, постоянно имел высокую оценку материалов наблюдений и информации. Елена Филипповна неоднократно выходила победителем индивидуального социалистического соревнования, была занесена на доску почета ДВНИИ (Дальневосточного научно-исследовательского гидрометеорологического института). Имела много грамот и поощрений от руководства. В 1980 г. за высокие производственные показатели ее командировали в Москву на ВДНХ на слет победителей социалистического соревнования.

Николай Филиппович, самый младший из детей Александры Карповны, был плотником, строил деревянные дома в Хороле и в селах района. Плотником был очень хорошим. Сам, один, построил для себя добротный дом. Оставалось только кое-что в нем завершить, и можно жить. Но судьба распорядилась по-другому. Николай трагически погиб. У него осталась дочь – сейчас медсестра отделения реанимации Хорольской ЦРБ. Андрей Филиппович – электромонтер по специальности. Работал на электроподстанции в Хороле. Если требовалось родным в домах провести электропроводку, звали Андрея.

*Катерина Филипповна Гаврик
1970-е годы*

*Надежда Филипповна Гаврик (Галаган).
20.07.1947 г.*

Вера Гаврик, в замужестве Ущиповская, закончила медучилище, получив профессию медсестры. Вера работала в инфекционном отделении Хорольской больницы, которое было размещено в бывшем богатом доме Сенчуков по Калининской улице. Вежливая, приветливая, с бархатистыми нотками в голосе, Вера Гаврик очень нравилась пациентам. Успокаивала, настраивала на выздоровление больных людей. Выйдя замуж за Бориса Ущиповского, соседа по улице, Вера уехала во Владивосток. Борис по профессии был моряк. В городе она долгие годы работала хирургической медсестрой в одной из больниц города, потом медсестрой туберкулезного диспансера на Седанке. Старшая дочь Веры Филипповны проживает в настоящее время в Петербурге, младшая - во Владивостоке.

*Катерина Филипповна Гаврик (первая слева), Елена Филипповна Гаврик (третья справа).
Пришли с праздничной демонстрации 7 ноября*

Надежда Филипповна Гаврик родилась в 1922 году. Когда началась война, ее мобилизовали на военную службу. Служила она в Спасске-Дальнем. Такие, как Надежда, молодые девушки шили армейское военное обмундирование и брезентовые маскировочные чехлы для самолетов. Брезент был очень грубой тканью. Требовалась сила, чтобы раскроить его. Замерзали от холода и уставали от тяжелой работы руки, а норму, полагающуюся на день, нужно было выполнить.

*Андрей и Миша Гаврик (с краю) с двоюродными братьями.
На память о беззаботном детстве, 1938 г.*

Питание скудное - суп из отрубей с соленой капустой. Девушки-военнослужащие еще и проходили военную подготовку: обучались стрельбе, езде на лыжах. Во время сдачи лыжного норматива Надя потеряла шапку, зацепившуюся за деревья. Возвращаться назад нельзя - упустишь время. Без головного убора она доехала до финиша. Застудила на морозе голову. Потом, в мирной жизни, ее мучили головные боли.

Будущий муж Надежды Филипповны, Галаган Ефим Ефимович, в это же время воевал на фронте. Его призвали на военную службу еще в 1937 году из Поповки, где он проживал с родителями, которые были первопоселенцами с. Поповка. Служил Ефим на пограничной заставе в районе города Бреста. Подходил к концу третий год службы, но демобилизоваться он не успел - началась война.

В первый день войны над их заставой высоко пролетели немецкие самолеты. Фронт ушел далеко от границы. Пограничники оказались глубоко в немецком тылу. Начали пробиваться к своим. Скрывались в деревнях, пока не встретили партизан.

Вера Филипповна Гаврик. 1960-е годы

Ефим Галаган воевал в составе партизанского отряда, потом, когда Красная армия освобождала эти территории, партизан приняли в ряды регулярных войск. Ефиму выпало повоевать и в Европе. Что поразило его в Германии - так это чистота немецких городов. Немцы мыли даже брусчатку, которой были вымощены улицы.

*Дом, где жили Уциповские на Калининской улице (правая половина)
В левой половине дома жил когда-то фельдшер Лука Тимофеевич
Бегейма.*

После войны Ефим Галаган и Надежда Филипповна Гаврик поженились. Ефим работал плотником в райкомхозе. Построил дом на улице Кирова в Хороле. Дом вышел красивый, добротный. Надежда работала бухгалтером в райпо. У них родилось пятеро детей (Мария, Наталья, Галина, Сергей, Александр). Надежда Филипповна зимой обучала детей езде на лыжах. Она была хорошей лыжницей, так как подготовку прошла в армии. За старым парком в Хороле была падь - подходящее место для катания на лыжах. Дети и сейчас помнят лыжные прогулки с мамой. В 1970-е годы семья переехала жить в пос. Надеждинское под Владивостоком. Сейчас дети и внуки Ефима и Надежды Филипповны живут в поселках Надеждинское и Трудовое.

Михаил Филиппович Гаврик в детстве тяжело переболел, из-за чего получил инвалидность и не работал. Так печально сложилась его судьба.

Дом, где проживала семья Александры Карповны Гаврик находился через дорогу от Хорольской ЦРБ, к сожалению, не сохранился до наших дней. Новые хозяева его перестроили.

*Надежда Филипповна Гаврик (Галаган) с детьми
Машей, Олей, Наташей, Сашей. 1958 г.*

Прокофий Карпович Козуб (1905 года рождения), старший сын **Карпа Степановича Козуба**, три года находился на срочной службе в военно-морском флоте (примерно конец двадцатых, начало тридцатых годов). Его воинское звание - краснофлотец. Евдокия Карповна вспоминала, как Прокофий приезжал домой на побывку в военной форме, в черных армейских ботинках. Чтобы ноги не замерзали, подстирал в них газету. Военные ботинки можно было носить и зимой. В одежде он был очень аккуратным. Свою одежду дома складывал стопочкой. Кровать заправлял без единой складки. Ботинки у него всегда были начищены. Так приучили на флоте.

С фотографии, присланной родным, на нас смотрит матрос в бескозырке, флотской форме, ботинках с толстой подошвой. Фотография адресована «На долгую память

племянницам Мане и Наде» (Гаврик). Прокофий сидит на стуле в позе нога на ногу. Правильные черты лица. Светлые глаза, темные волосы. По рассказам родных он был красив собой.

Прокофий Карпович Козуб. 1929 г. Фото из архива Дюба М.

Краснофлотцы - сослуживцы Прокофия Козуба

На фотографии взгляд у Прокофия спокойный, уверенный. На околыше бескозырки надпись – «Беднота». Так назывался военный корабль, на котором служил Прокофий. «Беднота», бывший «Вогул» - 54-метровая речная канонерская лодка Дальневосточной (Амурской) речной флотилии.

Канонерская лодка «Беднота» («Вогул»)

Флотилия базировалась в Хабаровске. Лодка была построена в 1905 году в Сормово. Личный состав: офицеров-4; кондукторов-2; матросов-57 человек. Артиллерийское вооружение: две 120-мм пушки; одна гаубица; четыре пулемета. С 1921 года несла брандвахтенную службу на р. Сунгари, находясь в оперативном подчинении морпогранохраны ОГПУ. «Беднота» в составе нескольких военных кораблей и пароходов с десантом 30 октября 1929 года принимала участие в сражении на реке Сунгари с Сунгарийской флотилией китайцев, итогом которого было взятие города Фугдин и уничтожение Сунгарийской флотилии. В последующих боевых действиях Советская республика восстановила контроль над КВЖД, на владение которой претендовали Китай и Япония.

Дом Прокофия Козуба на Калининской улице

После военной службы Прокофий вернулся в Хороль и в скором времени женился на Рыбалко Меланье, портнихе по профессии. Карп Степанович Козуб помогал строить дом для семьи сына недалеко от своей усадьбы. Дом Прокофия сохранился до наших дней.

Меланья Васильевна Рыбалко, родилась в 1913 году в семье Рыбалко. Отец владел водяной мельницей. Семья была зажиточной. Мельница стояла на ул. Комсомольской на месте современной совхозной бани. От хозяйства Рыбалко остался дом хорошей каменной постройки, который и сейчас находится на улице Комсомольской.

Родители и бабушка Меланьи. 1925 г. Семья Рыбалко. 1925 год. Дети: Меланья 12 лет), брат Николай (16 лет, стоит в центре), брат Дмитрий (5 лет). Тети и дядя. Фото из личного архива Козуб М.В.

Меланья с братьями. 1925 г. Фото из личного архива Козуб М.В.

Реквизировали имущество Рыбалок в 1930-х годах и выслали их из Хороля. Но отец Меланьи остался в селе, так как он был без ног (из-за травмы, полученной на мельнице еще в молодые годы). И когда его с женой и детьми пришли выселять из землянки на окраине Хороля, где они оказались после потери имущества, он наотрез отказался уезжать, объясняя это тем, что без ног не сможет прокормить семью.

*Меланья Васильевна Козуб с детьми Машей и Олей. 1940 г.
Фото из личного архива Козуб М.В.*

У Прокофия и Меланьи родилось трое детей: Петр (в 1932 году), Мария (в 1933 году) и Ольга (в 1937 году). Мария проживает с семьей в Комсомольске-на Амуре. У Марии двое дочерей – Лариса и Галина. Петр с семьей жил и работал в городе Артем. Он закончил после окончания семи классов ФЗУ. По профессии – шахтер. У Петра трое сыновей. Сыновья Петра - продолжатели рода Карпа Козуба. Их дети проживают сейчас в Артеме. У Игоря два сына, у Юрия сын и дочь, у Андрея дочь. Ольга Прокофьевна Козуб работала в Хорольском цехе массового пошива швеей. Проживает в Хороле. Дочь Ольги Прокофьевны – Марина Смирнова, врач-терапевт по профессии, долгие годы работала в Хорольской ЦРБ. Сейчас работает и проживает во Владивостоке.

Прокофия родные называли «Проня». Сестры его очень любили за доброту и отзывчивость. Проня был трудолюбивым. Умел выполнять все крестьянские работы. Любил детей. Не гнушался женской работы: в доме часто наводил порядок, мог приготовить еду и накормить всю семью. Сам доил корову. Он работал плотником в Хорольском Военторге, получал паек и, возвращаясь с работы домой, делился пайком с сестрой Александрой. Их дома были недалеко друг от друга. У сестры была большая семья, и жил отец с мачехой. Помощь продуктами была не лишней.

Перед войной у Александры Карповны Гаврик в семье случилось большое несчастье. Старшая дочь Мария закончила школу и, чтобы отметить окончание учебы, со своим выпускным классом пошла в поход на речку Мо. Во время купания в реке Маша не хотела заходить далеко в воду. Один из одноклассников уговорил ее. Девушка не справилась с

течением и утонула. Ее унесло рекой. Убитый горем отец Филипп попросил Прокофия помочь в поисках тела дочери. И они вдвоем целую неделю искали тело по берегам реки, пока не нашли.

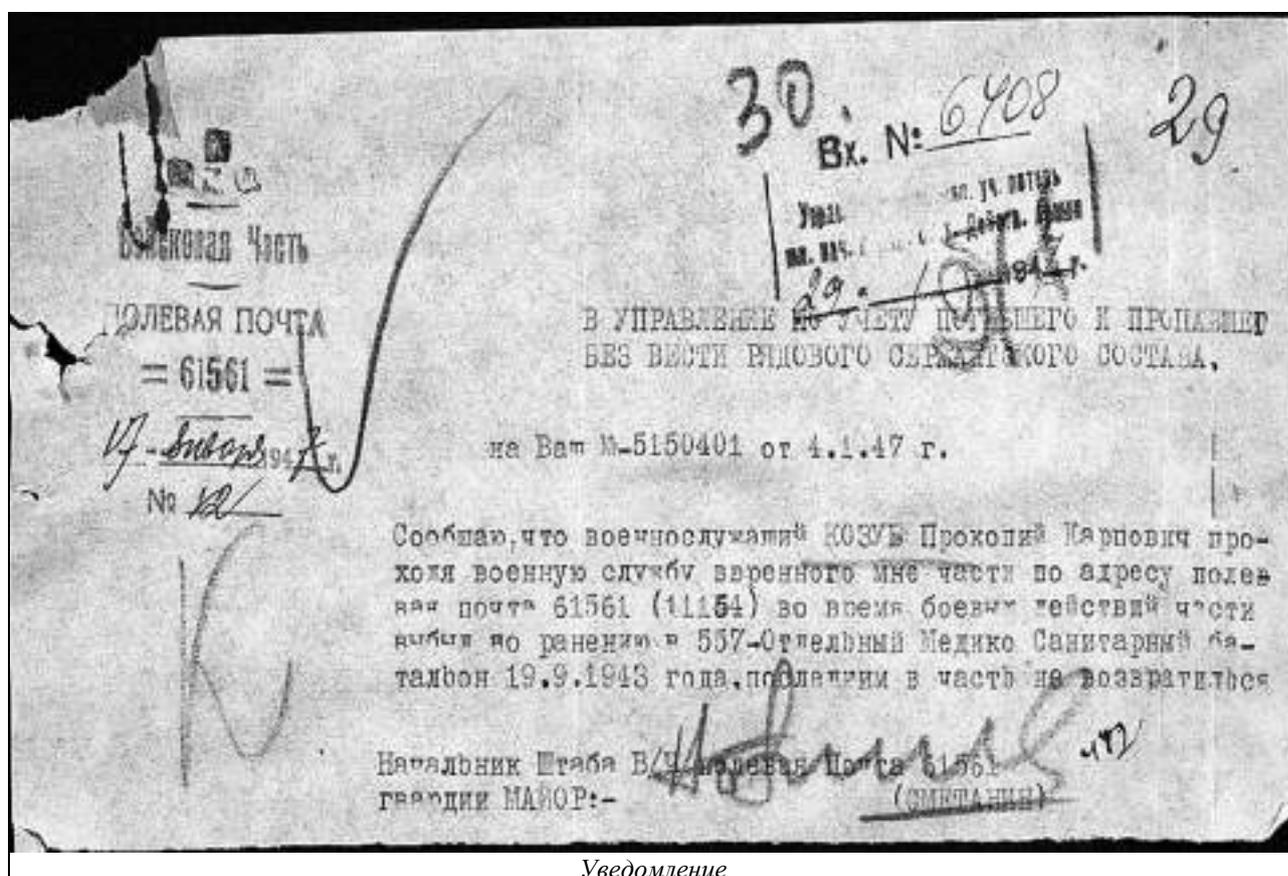
*Мария Козуб. 13.02.1952 г.
Фото из личного архива Дюба М.*

*9.11.1950 г. ДОСА. Воскресенье.
Стоят: Вера Гаврик, Елена Гаврик, Ольга
Козуб. Сидит Мария Козуб.
Фото из личного архива Дюба М.*

Работая в Военторге, Прокофий Карпович Козуб имел бронь от призыва, когда началась война, но, несмотря на это, просился добровольцем на фронт. Ему не разрешали. Еще одно препятствие могло возникнуть на пути к фронту – ампутация пальца на руке. Он на рыбалке повредил кисть руки, и врачи ему предлагали ампутировать палец из-за начавшегося воспаления. Но Прокофий отказался от операции, надеясь, что рана заживет сама. На самом деле рана затянулась, с пальцем все было в порядке. Он стал опять настаивать в отправке на фронт и его, наконец-то, призвали. Судьба дважды давала шанс не погибнуть на войне, но Прокофий Карпович им не воспользовался. Дочь Ольга Прокофьевна помнит, как провожали отца всей семьей на фронт. Ей было четыре года. Отец нес ее на руках, когда они шли к военкомату. Военкомат располагался на улице Комсомольской, где сейчас стоят двухэтажные кирпичные дома.

Прокофий снова попал на флот. С войны он не вернулся. Меланья Васильевна получила известие, что Прокофий пропал без вести. Она начала делать запросы в военкомат в поисках мужа и, наконец, ей пришел ответ, что Козуб Прокофий Карпович отправился по ранению 19 сентября 1943 года в медико-санитарный батальон и из него в свою войсковую часть не вернулся.

Младший сын Карпа Степановича Козуб - Григорий Карпович (1916 года рождения), в 1941 году ему исполнилось 25 лет, был призван тоже на флот. Женат не был. Он воевал на Ленинградском фронте. Погиб и был похоронен на Пескаревском кладбище в городе Ленинград в братской могиле.

Братья, по-видимому, хорошо подходили по физическим параметрам для службы в военно-морском флоте. В то время на флот принимали рослых, крепких парней.

Меланья после получения повестки с фронта о без вести пропавшем муже, не получала от государства никакой материальной поддержки, которая полагалась семьям погибших на войне. Причина - судьба человека неизвестна, он пропал без вести. После войны Меланья Васильевна повторно делала запросы в военкомат. Она надеялась, что Прокофий жив и

вернется домой. Ее звали замуж, брали с тремя детьми, но Меланья отказывалась. Она одна растила троих детей и ждала, что муж вернется. Было очень тяжело в послевоенные годы. Когда в 1943 году пропал без вести отец, детям было по 10, 11 и 6 лет. В суровые зимы в доме было холодно. Печь топили остатками сена, которое не съедала корова. Маленькая Оля зимой мечтала о теплом лете. Выручали вещи, оставшиеся от Прокофия. Меланья Васильевна их продавала и покупала еду детям. Петя в десятилетнем возрасте стал кормильцем семьи. Работал пастухом. За коров хозяева расплачивались картошкой. За одну корову - ведро картошки.

Меланья Васильевна, оставив профессию портнихи, в начале 1960-х годов устроилась работать санитаркой в роддоме, потом в приемном покое Хорольской больницы. Многие жители Хорольского старшего поколения, которые проходили лечение в больнице, ее помнят.

В восьмидесятых годах ее внучка Марина возобновила поиски без вести пропавшего дедушки, делая запросы в военные архивы. Пришел ответ, что Козуб Прокофий Карпович погиб во время Сталинградской битвы во время переправы через Волгу под огнем противника. После получения этого сообщения Меланье Васильевне присвоили статус вдовы участника Великой Отечественной войны и даже предоставили квартиру в новом жилом доме.

Младшая дочь Карпа Степановича Козуба - Ксения (ее называли в семье Ксэня) родилась в 1912 году. Также, как и Дуня, она окончила церковно-приходскую школу в Хороле. Выйдя замуж за Ивана Копаева, с которым познакомилась, приезжая в гости к Петру и Зинаиде Гаврикам в Ворошилов (Уссурийск). Иван и Ксения Копаевы жили в доме по соседству с Гавриками на улице Пролетарской в Уссурийске. У Ксении Карповны Копаевой родилось четверо детей. Всю жизнь Ксения проработала санитаркой в Приморской противочумной станции рядом с домом. Ксения была верующей. В Уссурийске у нее была возможность постоянно посещать городскую церковь. Ксения Карповна часто приезжала в Хороль, связь между сестрами не прерывалась никогда. Сейчас ее дети с семьями живут в Уссурийске, одна дочь в Таганроге.

У детей Карпа Степановича и Анны Митрофановны Козуб была редкая особенность во внешности - серые глаза и черный цвет волос. Это необычное сочетание внешних признаков встречается у жителей восточнославянских и прибалтийских стран. Люди с такой внешностью очень привлекательны. У сестер - Александры, Евдокии, Ксении были длинные косы. Самой длинной, ниже пояса, и богатой была коса у Ксении. Принимая во внимание прямую связь внешних признаков и характера, принято считать, что люди с необычным сочетанием светлых глаз и темного цвета волос, как правило, гостеприимные, выдержанные. Им присущи такие черты, как рассудительность, справедливость, расчетливость, предусмотрительность.

Родословная по линии Козуб Карпа Степановича

Козуб Карп Степанович (1870-1947г.), жена: Анна Митрофановна (?-1916).

Дети:

- Александра Карповна Козуб (Гаврик) (1898-1970г.). Муж - Филипп Антонович Гаврик.

Дети: Надежда, Михаил, Николай, Андрей, Катерина, Елена, Вера.

- Прокофий Карпович Козуб (1905-1943г.). Жена - Меланья Васильевна Рыбалко (1913-?)

Дети: Мария, Петр, Ольга.

- Евдокия Карповна Козуб (Артюх) (1908-1991г.). Муж - Иван Игнатьевич Артюх (1909-1988г.)

Дети: Катерина, Николай, Валентина, Вера, Раиса.

- Ксения Карповна Козуб (Копаева) (1912-1995г.). Муж - Копаев Иван?

Дети: Константин, Ольга, Елена, Виктор.

- Григорий Карпович Козуб (1916-?г.).

Семья моих дедушки Ивана Игнатьевича и бабушки Евдокии Карповны Артюх (Козуб)

Средняя дочь Карпа Степановича Козуб - Евдокия (Дуня) в 1929 году вышла замуж за Ивана Игнатьевича Артюха. В те времена по традиции приезжали сваты с женихами свататься к невесте. Невеста имела право выбора. Одному жениху Евдокия отказала. Но Иван Артюх - высокий, видный из себя, привлек ее внимание. Родные Ивана были рады взять в дом хорошенькую Дуню, скромную и трудолюбивую. «Вона ж работяща!» - говорил Игнат, отец Ивана.

Семьи Артюхов переселилась в Уссурийский край из-под Екатеринослава (современная Днепропетровская область Украины) в 1893 году. Кто-то остался жить во Владивостоке, кто-то поехал работать на прииски на север в район современного Дальнегорска и потом даже разбогател. Статистический отчет о фермерских хозяйствах Хороля начала 20-го века дает информацию, что год зачисления в село Хороль Григория Ульяновича Артюха – 1893, а Никита Ульянович Артюх имел паровую мельницу. В подписях под решениями сходов крестьянского общества встречаются имена Марко Артюха и Алексея Артюха. Алексей Артюх, правда, вернулся обратно на родину. Не захотел жить в Приморье.

У Игната Григорьевича, сына Григория Ульяновича Артюха, родилось пятеро детей, в том числе Иван, мой дедушка, (дата рождения - 9 сентября 1909 года). Жену Игната, мать Ивана, звали Анастасия. Отчество - Евсеевна. Дом семьи Игната и Анастасии Артюх сохранился до наших дней по адресу: ул. Калининская, дом 58.

Дом Игната Артюха. Четырехскатая крыша.

Первое время после свадьбы молодая семья жила с родителями Ивана Игнатьевича Артюх. Евдокия Карповна помогала свекрови по хозяйству: убирала в доме, стирала, присматривала за маленькими детьми. Однажды она с родными Ивана поехала поездом в Уссурийск за продуктами. Когда возвращались с полными котомками обратно из Уссурийска, на вокзале при посадке на поезд была большая давка. Сестра Ивана, Мария, разыскивала глазами невестку в толпе: «Дунька, Дунька, ты где? Давай быстрее!» Пока Мария кричала и суетилась, у нее срезали мешок за спиной. В руках остался только верх от мешка. На вокзале промышляли воры.

В небольшом доме Игната Григорьевича Артюха помимо него и Анастасии Евсеевны жили сын Дмитрий с женой Анной, Анютой, как ее называли родные, дочери Мария и Оля и Иван с Евдокией, у которых, в тридцатом году, родилась первая девочка – Катя. Как только они все размещались под одной крышей и ладили между собой? Посреди дома стояла русская печь с лежанкой и отдельной плитой. Центральное расположение печи способствовало равномерному обогреву дома, разделенного на четыре половины. У каждой семьи имелся свой угол, а среднее пространство было общим. Места хватало всем. Евдокия обижалась, что ей приходилось выполнять много работы по дому, а Анюта, вторая невестка, была ленива. С Дмитрием они любили ходить по гостям. Позже Дмитрий и Анюта уехали в Манзовку. Там Дмитрий устроился работать пекарем в хлебопекарню на железной дороге. В 1939 году его призвали на финскую войну. Финская война длилась недолго. Он вернулся домой. А в Великую Отечественную он не воевал, потому что работал на железной дороге и имел бронь. У них с Анютой родилось двое сыновей.

В 1934 году Иван и Евдокия Артюх построили себе дом рядом с родительским. Дом сохранился по адресу: ул. Калининская, 60. Дом молодые строили своими руками. Иван возводил стены и перегородки, Евдокия штукатурила их внутри. Сарай для скотины тоже штукатурила сама. Построили еще летнюю кухню. Дом по-украински называли хатой. В нем была кухня с русской печью и одна большая комната, еще веранда с северной стороны

Дом Артюх Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны. 2009 г.

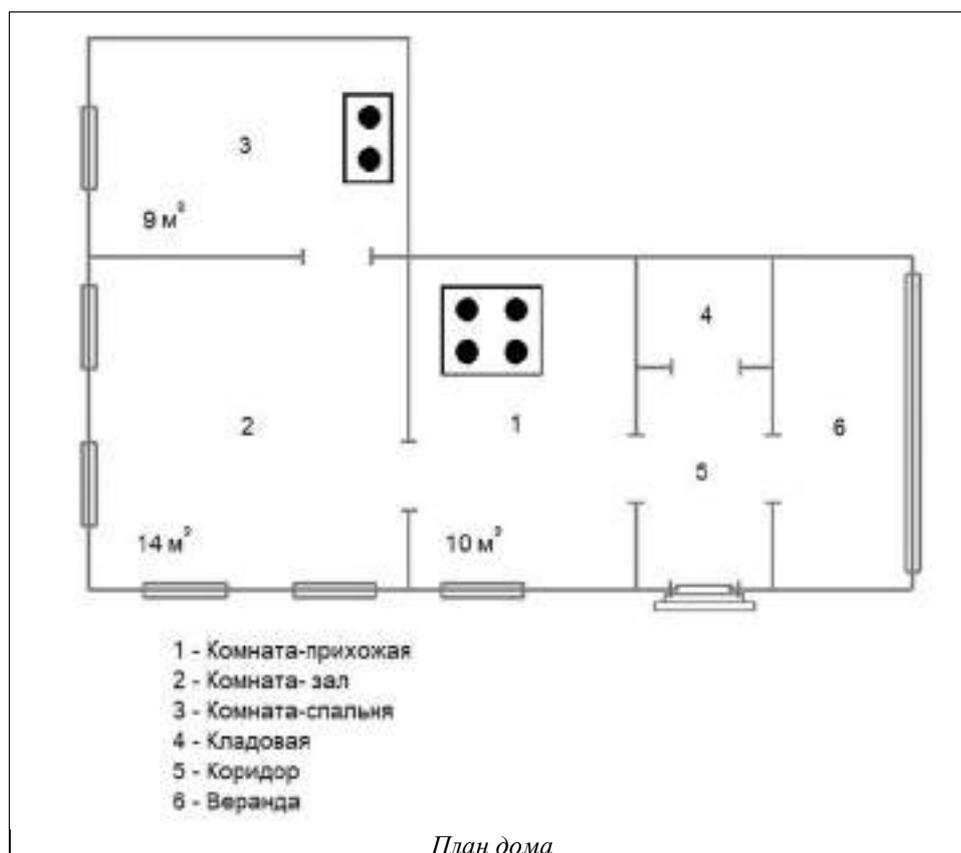
Евдокии не нравилось место для строительства дома. Рядом была межа, разделявшая участок Артюхов, родителей Ивана, и участок соседей Синенко, очень зажиточных людей, у которых был большой красивый кирпичный дом, который и сейчас сохранился. Дуня упрасивала Ивана не строиться рядом с межой, это плохая примета: кто построит дом на меже

- не будет иметь хорошей жизни. Она предлагала построить дом повыше, на подъеме к вершине сопки. Там было открытое солнечное место. Но Иван не захотел: «Надо рядом с родителями!». Жизнь их семьи впоследствии, действительно, была нелегкой. А Ивану как-то пришлось поспорить с соседом Синенко из-за земли.

Позже в 60-е годы Иван Игнатьевич Артюх пристроил к своему дому вторую комнату для сына Николая и его жены Аси после их свадьбы.

В пору моего детства в семидесятые годы эта комнатка была дедушкиной спальней. Комнату обогревала маленькая печь, стояла кровать и большой деревянный сундук. На стене над сундуком висела икона в обрамлении бумажного веночка, прикрытая занавесками. Помню, что справа от иконки висел портрет дяди Коли в молодом возрасте. На сундуке, под иконой, стояли горшки с комнатными растениями, имевшими огромные кожистые листья на длинных черешках - бегония и алоказия. Евдокия Карповна называла алоказию «медвежьими ушами». В комнатке было небольшое оконце с тюлевыми занавесками, пропускавшее мало солнца. Но света растениям хватало. Они чувствовали себя хорошо в полумраке. Дедушкина комната мне в детстве казалась каким-то таинственным местом. Бабушка приходила туда, чтобы почитать молитвы перед иконой, крестилась. За занавесками был лик Иисуса Христа. Я еще не понимала, чье это изображение и почему бабушка молится на него. Над кроватью висела балалайка дедушки Ивана. В молодости он играл на балалайке. Был у него еще и бубен с бубенчиками. Балалайку и бубен дедушка Иван брал с собой на посиделки и праздники.

До войны у Ивана и Евдокии родились две дочери и сын – Катерина (в 1930 году), Николай (в 1937 году), Валентина (в 1940 году).

В начале тридцатых годов родителей Ивана Игнатьевича с детьми власти выслали из Хороля на поселение в Сибирь - репрессировали. Иван имел уже свою семью и его не тронули. Причиной высылки стал донос на Игната Григорьевича от одного из жителей Хороля. Игнат Григорьевич отличался добродушным, доверчивым нравом и мог сказать что-то лишнее на людях, как говорят «без всякой задней мысли». Он не ожидал, что в очереди в магазине его

критика в адрес руководителей села будет кем-то передана в органы власти. Семью наказали. Отбыв ссылку, через несколько лет Артюхи вернулись в Хороль.

По приезду в родной Хороль жить семье было негде. Дом Артюхов на Калининской улице власти отдали другим людям. Пришлось Игнату Григорьевичу Артюху строить новый дом, но уже в конце улицы Красноармейской, где жили Артюхи, его братья с семьями. В 1940 году не стало Анастасии, жены Игната Григорьевича. Игнат остался с дочерьми – Марией, Ириной и Ольгой в доме на Красноармейской улице. Работал Игнат Григорьевич Артюх на Пищепроме плотником.

Пищепром - небольшое предприятие по производству продуктов питания. Располагался на улице Советской, там, где впоследствии возникла база Хорольского райпо. Продукцией предприятия было растительное масло, пряники, печенье и другие виды продовольственных товаров. Рядом с Пищепромом была сельская столовая, которая, видимо, работала на продуктах из Пищепрома.

После войны в Хороле появилось пополнение в военном гарнизоне. Приехали молодые офицеры, многие были бессемейными. Дочери Игната Григорьевича – Мария и Ирина познакомились с военными и впоследствии вышли за них замуж. Мария стала по фамилии Ивановой. Ее муж, лейтенант, носил португею, очень важно себя держал. Ирина вышла замуж за срочника, сержанта Кирсанова. Удивительно, но устроил свою судьбу и Игнат Григорьевич. Он женился на женщине, которая приехала в Хороль с семьей своей дочери, муж которой был лейтенантом.

С новой женой Игната Григорьевича произошла одна неприятная история. Как-то приходит «свекровь» к Евдокии Карповне на Калининскую улицу, и просит подержать кур недолго в сарае, почему-то ей негде было их пристроить. Евдокия Карповна взяла кур, поместила в своем сарае, а через некоторое время нагрянули милиционеры: «Куры – ворованные, почему они у вас?» Евдокия Карповна заохала от неожиданности: «Как ворованные? Меня родственница попросила подержать куриц на время». Чем дело кончилось – или штраф заплатила свекровь или зять - военный за нее заступился – теперь не вспомнить. Оказывается, жена Игната украла кур у соседей по дому на Красноармейской улице и пришла их спрятать у невестки.

Евдокия Карповна не любила свою новую свекровь. Называла ее колдовкой. Считала, что она окрутила Игната, женила на себе. Игнат Григорьевич был трудяга, такой человек и нужен был этой нечистой на руку женщине на старости лет.

Молодые семьи прожили некоторое время в Хороле, потом военные получили новые места службы на Украине. Ивановы с Игнатом Григорьевичем уехали в Харцизск, а Кирсановы в Харьковскую область в село Красная поляна. Так, неожиданно, три семьи Артюхов вернулись на свою историческую родину. В Хороле остался Иван Игнатьевич с семьей и самая младшая дочь Игната Григорьевича – Ольга, а Дмитрий с семьей в Манзовке.

Евдокия Карповна помогала Ольге, сестре Ивана Григорьевича воспитывать маленького сына Юрия, который вырос у нее за печкой, пока Ольга работала. Позже Ольга вышла замуж, и у нее появился собственный дом. Иван Игнатьевич с Евдокией Карповной ей время от времени помогали.

В 1955 году Игнат Григорьевич Артюх навещал детей и внуков в Приморье. Он рассказывал, как хорошо жить на Украине, как там тепло и какие там замечательные сады. Вез с собой в поезде целый чемодан абрикосов, но в дороге они испортились. Так и не пришлось внукам попробовать угощение.

Евдокия Карповна вела переписку с сестрами Ивана Игнатьевича. Когда Ирины Игнатьевны не стало, то с ее мужем Кирсановым. Он очень уважал Евдокию. В восьмидесятые годы в Хороль приезжали Мария Игнатьевна и сын Ирины Игнатьевны.

Дмитрий Игнатьевич Артюх, брат Ивана Игнатьевича, иногда приезжал навестить семью брата из Манзовки (Сибирцево). Дядя Митя, так называли племянники Дмитрия (Мытя, Мытька – так звал Иван Игнатьевич брата), когда тот приезжал в Хороль, обязательно привозил с собой гостинцы - пряники, булочки, вкусный хлеб из своей пекарни. Добрый,

веселый по характеру, высокого роста, со светлыми кучерявыми волосами и светлыми бровями. Дети Ивана Игнатьевича всегда ждали приезда дяди Мити. А он, когда приезжал, говорил им: «Я шел, шел и вдруг зайчик бежит и дает мне гостинцы, чтобы я передал моим племянничкам. Вот вам угощение от зайчика!» Привозил еще детям осенью дикие яблочки, таежную черемуху и дикий виноград. Побыв немного с семьей брата, дядя Митя говорил: «Ось пиду до Назарця!» Или: «Пиду до Гусыньского!» Или: «До Дэמידця!» Или: «До Балыцького!» Это были друзья его детства и молодости. Все из семей первопоселенцев. Потом Дмитрий Игнатьевич начинал обходить других своих знакомых и родственников в Хороле, пока всех не проведает, не вернется. Был очень общительным, любил ходить по гостям.

У дяди Мити было двое сыновей. Один из них почему-то невзлюбил фамилию «Артюх» и взял себе фамилию матери - «Курочка», только он стал не Курочкой, а Курочкиным. Уехал в Новокузнецк, там закончил шахтерский техникум и остался работать. Какое-то было у него неприятие родного отца и его родных. Когда приехал в гости из Сибири, то обиделся на Евдокию Карповну за то, что «плохо его угостила». Она болела в это время и накормила его тем, что было в доме. А ему по его положению, как он считал, требовался богатый стол и водка.

Второй сын дяди Мити уехал на север. Там работал и жил с семьей.

В начале пятидесятых приезжал родственник Артюхов с севера Приморья, внешне не похожий на детей Игната Григорьевича Артюха. Среднего роста, светловолосый, коренастый. Проведал всех Артюхов в Хороле. Он спрашивал у мамы Евдокии: «Як там дядя Марко и его дядына?» Дядына по-украински - жена дяди. Жену дяди Марка Артюха (дядыну) родственники звали Марчиха, по имени мужа. Она была знахаркой. Лечила детей.

Мой дедушка Иван Игнатьевич Артюх в начале 1930-х годов поступил учиться на рабочий факультет (рабфак) в Уссурийске. Окончил его.

Учились тогда на рабфаках 1-2 года. Рабочие факультеты создавали при вузах для того, чтобы крестьянская и рабочая молодежь могла подготовиться к поступлению в вуз.

После окончания рабфака Иван образования не продолжил, так как надо было содержать семью. На тот момент у него уже была жена и маленькая дочь. Средств для обучения не хватало, тем более, что у его родителей были еще маленькие дети, и родители, тоже, не могли помочь. После окончания рабфака Иван Игнатьевич был принят на работу в УНР. В 1937 году начали строить военный гарнизон и аэродром в Хороле, и Иван работал десятником на строительстве объектов военного гарнизона, в том числе ДОСА.

Десятник – лицо технического персонала, старший над группой рабочих на строительных работах, ближайший руководитель партии рабочих. Десятник мог иметь под своим началом до ста и более рабочих, в зависимости от вида работ. Десятник вел табель, в его обязанности входило выгодное распределение рабочих по обязанностям, чтобы производить необходимую работу. Десятник должен быть грамотным и знать свое ремесло.

В августе 1941 года Ивана Игнатьевича Артюх мобилизовали на фронт. Евдокия Карповна осталась одна с тремя маленькими детьми. Кате было 11 лет, Коле 4 года, Вале годик. В трудные военные годы ей с детьми помогали родные Ивана и продуктами, и в работе по хозяйству. Во время войны хлеб получали по карточкам. Иждивенцам полагалось 200 г., служащие получали 400г, рабочие - 600 г. За хлебом выстраивались очереди. Хлеб взвешивали на весах по граммам. Иногда Евдокии Карповне в очереди за хлебом приходилось видеть такую картину: женщина-мать, получив на себя и детей хлеб по карточкам тут же, не отходя от окошка, начинала его есть. Видимо, женщина не могла справиться с голодом. Евдокия возмущалась про себя: «Что ж ты за мать? Да иди же скорей, неси хлеб детям. А ты стоишь, сама его ешь!» Ведь так, не удержавшись, можно было съесть и весь полученный хлеб.

В одну из военных вёсен, когда чуть подтаял снег, женщины с детьми ходили на колхозные поля за Поляничной сопкой собирать сою. Осенью колхозники не успели собрать урожай, потому что рано выпал снег, и соя всю зиму пролежала на полях. Катя, еще подросток, ходила с лопаточкой вместе со всеми, откапывала стручки из-под снега. Дома Евдокия Карповна соевые бобы распаривала в печи, они увеличивались в размере, становились

мягкими. Потом варила затируху из муки, разливала по тарелкам и каждому из детей делила ложкой сою.

На колхозных полях осенью, после окончания сбора урожая колхозниками, женщины и дети собирали остатки огурцов и помидоров, еще кое-где встречающихся на земле. Но колхозники запрещали это делать, так же, как запрещали собирать из-под снега неубранную сою.

Бывало, что по улицам ходили дети, просившие подавание. С холщевой сумкой через плечо стучались в дома. Каждый из жителей выносил им, кто что может. Тяжело было очень. Мужья и братья воевали на фронте. Отдавали свои жизни. Семьи у многих были многодетные. Женщины, оставшись с детьми, выживали, как могли. Хотя и жили в деревне, не у всех была возможность держать подсобное хозяйство, обрабатывать огород. В войну у рабочих и служащих выходных не было. Часть зарплаты отдавали на фронт. Тяжело было фронтовикам, тяжело и в тылу приходилось женщинам и детям.

В 1941 году в дом на постой к Евдокии Карповне назначили военного медика Зинаиду. Она некоторое время жила у них. Сохранилась даже фотография Зинаиды с годовалой Валею на руках. В то время нередко на постой к местным жителям власти определяли военных. Приходили и говорили: «У вас будет жить такой-то, такой-то». Жили военные и в доме сестры Евдокии Карповны - Александры Гаврик. В Хорольском гарнизоне не хватало жилья для военных.

Постоялица Евдокии Карповны медсестра Зинаида с маленькой Валею на руках. 1941 год.

Мой дед Иван Игнатьевич после призыва попал на переформирование в село Раздольное, где создавалась Дальневосточная дивизия. Через месяц обучения получил военную специальность – топографический вычислитель по привязке огневых батарей. Далее в октябре 1941 года – отправка дивизии на фронт. Воевал на Волховском фронте и под Москвой сначала в артиллерии правильным артиллерийского орудия, затем наводчиком в

полку тяжелых минометов. Дважды был ранен, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». Была еще и четвертая медаль, но она потерялась по пути в госпиталь. На сайте интернета «Подвиг народа» правнучка Ивана Игнатьевича Алена Абашева нашла информацию о том, за какой подвиг он был награжден медалью «За боевые заслуги»

**Представление на награждение Артюх Ивана Игнатьевича 1909 г.р.
медалью «За боевые заслуги»**

Звание: красноармеец.

В РККА: с 1941 года.

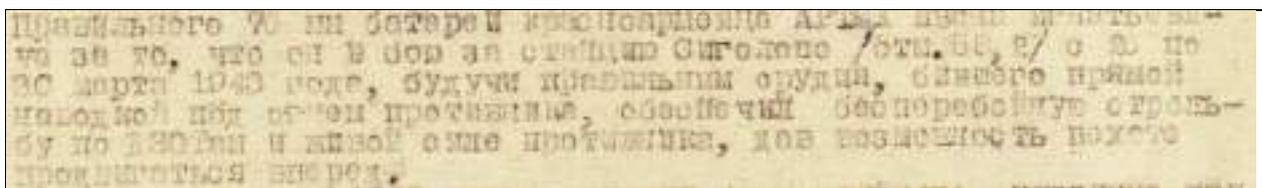
Место призыва: Хорольский РВК, Уссурийская обл., Хорольский р-н.

Место службы: 1269 сп 382 сд Волх.Фронт.

Дата подвига: 26.03.1943-30.03.1943 г.

№ записи: 16892413.

Архивные документы о данном награждении: строка в наградном списке:

«Прави́льного 70 мм батареи красноармейца Артюх Ивана Игнатьевича за то, что он в бою за станцию Сиголово (отм. 58, 2) с 25 по 30 марта 1943 года, будучи прави́льным орудия, бывшего прямой наводкой под огнём противника, обеспечил бесперебойную стрельбу по ДЗОТам и живой силе противника, дав возможность пехоте продвигаться вперёд».

Медаль «За боевые заслуги»

Прави́льный артиллерийского орудия во время Великой Отечественной войны - военный специалист, который корректировал огонь, сообщая командиру орудия координаты целей. Прави́льный в паре с радистом пересекали ползком линию фронта, засекали точки, откуда ведет огонь противник, передавали по радиосвязи своим, тем самым корректировали («правили») ответный огонь, чтобы попадание по вражеским объектам было точным.

В честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне Ивана Игнатьевича наградили орденом «Отечественной войны 1 степени», о чем, также, имеется запись на сайте «Подвиг народа».

№ наградного документа: 76.

Дата наградного документа: 06.04.1985 г.

№ записи: 1511407187.

Орден Отечественной войны I степени

Войну он закончил в 1944 году. Комиссовали по ранению. Вернулся домой в жарком августе. В доме были занавешены темной тканью окна от солнца, как вспоминала потом Валя. Ей было тогда 4 года, но она запомнила, как к дому подъехала телега и с нее, тяжело опираясь на костыли, спустился солдат. Это был отец. Когда Валя выросла, Иван Игнатьевич признался ей: «Ты от смерти меня спасала». Все фронтовые годы с ним была присланная по почте Евдокией Карповной детская фотография Вали, которую он хранил в нагрудном кармане вместе с документами. Он считал ее счастливым талисманом и не убирал из кармана.

Про войну рассказывать Иван Игнатьевич не любил. Начинал плакать. Говорил, что самым тяжелым по прибытии на передовую было решится выстрелить в противника: «Я же человек и как я могу стрелять в другого человека?» Иван Игнатьевич, также, отмечал, что во время боевых действий самые большие потери несла пехота. До 90% пехотинцев погибало в каждом бою. Приводил интересный факт из армейской жизни – во время празднования Нового года между немцами и русскими устанавливалось негласное перемирие. Русские отмечали новогодний праздник в своих окопах, немцы - в своих. Иван Игнатьевич за годы службы дважды был ранен. Следы от первого ранения у него были на шее и под левой лопаткой. Второе ранение в правую ногу он получил от пули снайпера. Снайперы охотились за корректировщиками огня, наблюдая, как они перемещаются через линию фронта. Иван Игнатьевич без сознания долго пролежал на земле, потеряв много крови и обморозив ноги. Радист, который сопровождал его при выполнении задания, погиб. Когда после боя санитары выносили убитых, один из санитаров заметил, что среди погибших кто-то шевелится. Так он спас Ивана Игнатьевича, отправив его в госпиталь.

После возвращения домой Иван Игнатьевич Артюх долечивался в Хороле. На Красноармейской улице был госпиталь. Главный врач был военный хирург Гильбух, дедушка Иван в 1944 году у него долечивался после ранения. В гарнизоне на ул. Матросова был тоже госпиталь. В 60-е годы сделали из госпиталя лазарет. Примечательно, что среди военных врачей были евреи: военврач Левянт, хирург Гильбух и другие. Жена одного из них работала в школе учительницей немецкого языка. В универмаге работала продавцом Машкевич, тоже жена одного из специалистов-евреев. По-видимому, их мобилизовали на военную службу. Среди евреев всегда было много образованных людей.

Рана на ноге Ивана Игнатьевича затянулась, но доктора говорили, что через годы она даст о себе знать. Так и случилось впоследствии.

Иван Игнатьевич устроился работать сторожем при госпитале. Строителем, как до войны, он уже работать не мог. Нога не сгибалась в колене. Передвигался с трудом. Позже Иван Игнатьевич поступил на должность завхоза в Хорольском промкомбинате. В

промкомбинат, который организовался еще в 1935 году, входили пимокатная и пошивочная мастерские, известковый завод в Поповке, камышитовый и гончарный цех в Новодевице.

Полноценно помогать по дому и в огороде своей семье Иван Игнатьевич был не в состоянии. Все заботы по хозяйству легли на плечи Евдокии Карповны.

Потом Ивана Игнатьевича пригласили на работу в СОБЕС инспектором. До выхода на заслуженный отдых (в 1969 г) он работал в СОБЕСе. Иногда брал домой учетные журналы, что-то считал, записывал. К своим обязанностям Иван Игнатьевич относился очень ответственно. У него был красивый аккуратный почерк. Когда заканчивал свои расчеты, закрывал журнал и с правой стороны энергичным жестом размещал карандаш, в знак того, что работа закончена, и он ею удовлетворен.

Из-за ранения в ногу Ивану Игнатьевичу тяжело приходилось ходить пешком на дальние расстояния. Он приспособился ездить на велосипеде с большой ногой. Как-то на одном из празднований дня Победы один из ветеранов войны неудачно пошутил: «Артюх, ты нам портишь весь строй!». Группа ветеранов войны должна была бодро пройти маршрут от здания администрации района до площади перед памятником в сопровождении оркестра. Иван Игнатьевич, прихрамывая, отставал от товарищей. Эти слова обидели его до глубины души. Дома он долго плакал. Больше на митинги в честь дня Победы дедушка не ходил. Кто же, как не он, был достоин находиться в строю участников войны! На фронте он воевал почти три года. Дважды его ранили. Последний раз тяжело. Если бы не ранение в ногу, по-другому сложилась бы его судьба после войны. Он мог бы работать по профессии, и не так тяжело пришлось бы его семье в послевоенные годы.

После выхода на заслуженный отдых Иван Игнатьевич еще 10 лет работал охранником в отделении Госбанка. Здание отделения располагалось на улице Советской.

Дедушка был очень добродушным, доверчивым по характеру. Очень общительным. Помню, как он отвечал на приветствие, повстречав знакомого человека на улице. Он не просто произносил «Здравствуйте!», а с чувством - «Добре здоровьечко!»

Бабушка, Евдокия Карповна, иногда ругала дедушку, если он на людях позволял себе сказать что-то лишнее: «Твоего батьку сослали за язык и ты хочешь?» Дедушка, защищаясь, отвечал, стуча себя в грудь кулаком: «Да, я такой, я – прямой!»

Однажды Иван Игнатьевич с товарищем случайно нашли в окопах за огородами ящик бутылок с вином и бочку соленой красной рыбы. Кто-то припрятал добычу, очевидно, воры. Вино и рыба в бочках продавались в магазине. Товарищ предложил Ивану разделить находку, но Иван Игнатьевич отказался со словами: «Надо заявить в милицию!» Что и было сделано. В этом поступке был он весь: все должно быть по чести, по совести.

В 1964 году Артюхи породнились с Семеном и Евдокией Галянами. Галяны жили напротив современной больницы в Кирзаводском переулке. У Ивана и Татьяны Семеновны Пидорченко, дочери Галянов, родилось семеро детей: Нина, Галина, Лидия, Александр, Ася, Валентина, Людмила. **Сын Ивана Игнатьевича - Николай Иванович Артюх** взял в жены одну из дочерей Татьяны Семеновны Пидорченко – Асю. После свадьбы молодые поселились в доме Артюхов. Чтобы выделить им отдельную комнату, Иван Игнатьевич сделал пристройку к дому.

Старшая сестра Аси – Нина Ивановна, геолог по профессии, и ее муж - Штыров Анатолий Тихонович, офицер-подводник, были очень занятыми людьми. Нина Ивановна часто уезжала в экспедиции, а Анатолий Тихонович уходил в длительные плавания, поэтому двое их сыновей почти все детство провели в Хороле у бабушки Татьяны Семёновны Пидорченко и прабабушки Евдокии Галян.

Старший их сын Вячеслав Анатольевич родился в 1953 году в поселке Хандыга Якутской АССР, где поблизости в экспедиции работала его мама. Вячеслав до шестого класса учился в Хорольской школе, а его младший брат Андрей в школу еще не ходил, но тоже был на попечении бабушек и тети Аси, которая брала его к Артюхам домой, и он маленький, проводил время за теплой печкой под присмотром Евдокии Карповны. Андрей, когда подрос,

полюбил рыбную ловлю и часто рыбачил на кирзаводском карьере. Когда Анатолия Тихоновича перевели на штабную работу во Владивосток, родители забрали детей.

Штыров Анатолий Тихонович и Пидорченко Нина Ивановна родители Вячеслава и Андрея

Вячеслав Анатольевич Штыров, окончил школу, а потом политехнический институт по специальности инженер-строитель, уехал работать в Якутию, где через годы стал управляющим алмазодобывающим гигантом «Алмазы Якутии Саха».

Вячеслав Анатольевич Штыров

В 2002 году он был избран президентом республики Якутия (Саха). С ноября 2010 по 2018 год Вячеслав Анатольевич - заместитель председателя Совета Федерации Федерального

собрания Российской Федерации. С октября 2018 г. – Государственный советник Республики Саха (Якутия). В Хороль приезжал часто, посещая места детства. Останавливался у родных – Николая Ивановича и Аси Ивановны Артюхов.

Родители Вячеслава, также, нередко приезжали проводить родных в Хороль. Приходили в гости и к Евдокии Карповне с Иваном Игнатьевичем Артюх. Станислав Сущевич, муж Катерины Ивановны, родной сестры моей мамы Валентины Ивановны, обучал Анатолия Тихоновича Штырова вождению легковой машины. Машину Анатолий Тихонович себе купил, но требовалось ее освоить, получить уроки вождения от настоящего водителя.

Помню, как Анатолий Штыров, сидя на крыльце летним вечером, нам, детям, показывал разные созвездия и полярную звезду на небе. В море ночью на подводной лодке моряки ориентировались по звездам, прокладывая маршрут. Рассказывал, как однажды они едва не попались американцам, нарушив границу. Лодка залегла на дне, что позволило уйти от погони. Чуть не погибли, всплыли с большим трудом на поверхность.

Анатолий Тихонович всю жизнь писал стихи. В конце 1990-х вышли сборники его стихов и повести на морскую тематику. Одна из них автобиографична – «Путешествие по Колымскому тракту». Анатолий Тихонович Штыров закончил военную службу в звании контр-адмирала военно-морского флота.

У Галянов помимо дочери Татьяны, был сын Николай. Николай Семенович Галян, участник войны, в послевоенные годы в Хороле работал начальником почты. После выхода на пенсию занимался общественной деятельностью – был председателем Хорольского Совета ветеранов Великой Отечественной Войны. Он с семьей – женой и двумя детьми, тоже жил на Калининской улице. Дочь Николая Семеновича, Светлана, поступила после окончания школы в медучилище в городе Уссурийск вместе с Раей Артюх. Когда девочки учились, жили вдвоем на съемной квартире.

Старшая дочь Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны Артюх – Катерина Ивановна, начинала трудовую деятельность официанткой в хорольской столовой. Потом закончила курсы счетоводов и была принята на работу в продовольственный отдел в штабе военной части, расквартированной в районе Красноармейской и Комсомольской улиц. В части работали на разных должностях вольнонаемные гражданские. Катя относилась к их числу. Вольнонаемным, как и военным специалистам, полагался паек. И даже выделялся земельный участок, который они могли использовать под огород. Сестры Катя и Валя вместе с мамой Евдокией Карповной на этом участке садили помидоры и капусту. Валя на велосипеде ездила полоть посадки. Поля подсобного военного хозяйства располагались за современным военным гарнизоном почти до самого села Ленинского.

Катерине пришлось побывать в длительной командировке вместе с военнослужащими в 1951 году. Их часть почти в полном составе откомандировали в село Украинка Амурской области на лето и осень. Задача, которую выполняла военная часть в этом районе Амурской области, не разглашалась.

Через годы, пройдя обучение, Сущевич Катерина Ивановна была переведена на ответственную должность в отдел материально-технического обеспечения. Ее работа требовала секретности. Она ездила поездом в командировки во Владивосток, доставляя документы, в сопровождении двух вооруженных военных. У Катерины была очень хорошая память. Она помнила, какое снаряжение или форма за кем (по фамилиям военных) числится. С улыбкой тётя Катя вспоминала, что в полку в одно время служили военные с фамилиями: Степовой, Луговой и Полевой. Командир однажды лично приезжал поздравлять Катерину Ивановну домой с днем рождения. Ее награждали ценными подарками за хорошую работу. Одним из подарков была советская «Книга о вкусной и здоровой пище», которая сейчас является раритетом. Была еще у тети Кати большая кукла – тоже подарок военных. Мы, племянники и племянницы, приходили к ней посмотреть на маленькую новогоднюю елочку с набором таких же маленьких новогодних елочных игрушек, тоже вознаграждение за труд.

Станислав Иванович и Катерина Ивановна Сущевичи воспитали двоих сыновей - Сергея и Олега. Иван Игнатьевич Артюх построил дом для ее семьи напротив своего дома через дорогу. Помогал ему в строительстве брат Дмитрий, приезжая из Манзовки.

*Катерина Ивановна Артюх.
Официантка сельской столовой.
1946г.*

*На свадьбе Станислава Сущевича и Катерины Артюх. 18.08.1961 г.
Родители невесты за столом слева от молодых - Евдокия Карповна и Иван Игнатьевич*

Интересна судьба мужа Катерины Ивановны – Сущевич Станислава Ивановича. С Катериной Станислав познакомился, когда проходил срочную службу в Хорольском гарнизоне. Родился в белорусском городе Барановичи, отсюда призвался в армию на Дальний Восток. У Станислава было несколько братьев и сестра. Родители погибли во время войны, и их, сирот, поместили в детский дом. Документов, удостоверяющих личность, они при себе не имели. Возраст детей определяли «на глаз» по степени развития зубов. Таким образом, дети

не имели в свидетельствах о рождении истинной даты своего рождения, только приблизительно год появления на свет.

На свадьбе Станислава Сущевича и Катерины Артюх. 18.08.1961 г. Гост говорит родной брат Ивана Игнатъевича - Дмитрий. Рядом его жена Анюта и соседка Артюхов Анастасия Прохорович

*На свадьбе Станислава Сущевича и Катерины Аотюх. 18.08.1961 г.
Катание родителей*

Станиславу Ивановичу Сущевич отмечали день рождения одновременно с днем рождения Катерины Ивановны. Так он сам предложил это делать. Моя бабушка Евдокия Карповна Артюх всегда относилась по-особенному к Станиславу. Она его очень жалела. Он

был сиротой, а она знала, что это такое, ведь сама выросла без мамы. Я как-то, еще ребенком, попросила дядю Славу перевести на русский язык текст песни белорусского ансамбля «Сябры» «Вы шумите, шумите надо мною березы». Мне очень хотелось узнать, что обозначали некоторые слова в песне. Дядя Слава плакал в ответ, он не помнил своего родного языка.

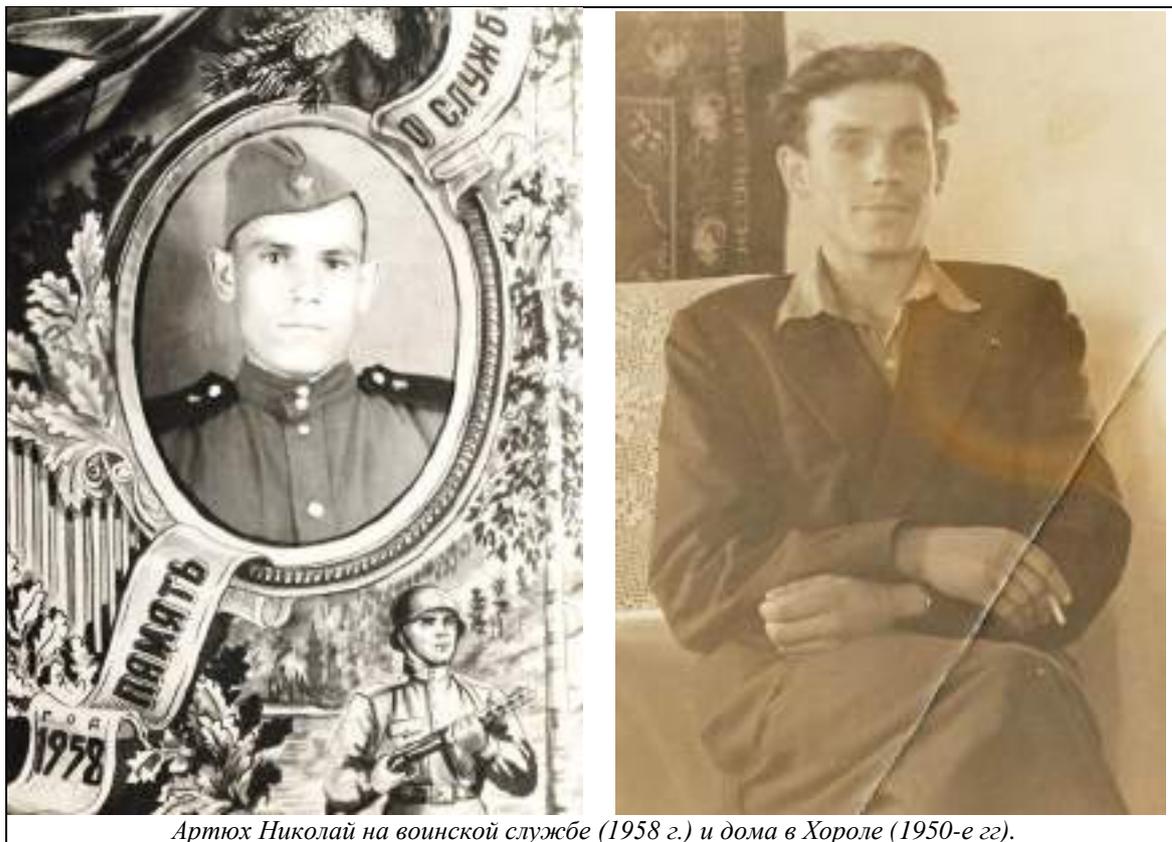
На речке. 1975 год. На заднем плане Станислав Иванович и Катерина Ивановна Сущевич

Станислав Иванович работал водителем молоковоза на хорольском маслозаводе, потом, на заводе СОМ, когда его построили в 1974 году. Доставлял молоко на молочный завод в город Владивосток. В свободное от работы время занимался рыбалкой. Страсть к рыбалке передал и своим сыновьям. Река Мо протекает не так далеко от дома. Двигаясь в северном направлении от улицы Калининской, обязательно доберешься до реки. «Река везде» - так говорил Сергей, сын Станислава Ивановича. Там у Сущевичей были свои любимые места для ловли рыбы. Помню машину «Победу» дяди Славы. Она была у него вплоть до 1990-х годов в рабочем состоянии. Летом дядя Слава брал нас с собой на речку купаться. Ездили на «Победу». Взрослые на заднем сиденье, а мы, дети на руках у взрослых. Кто-то маленький даже на полке заднего сиденья у окошка. Всем очень хотелось попасть на речку.

Сын Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны Артюх - Николай Иванович и средняя дочь Валентина Ивановна (Чкан) стали строителями - пошли по стопам отца. Николай Иванович много лет руководил ПМК-593. Позже ее переименовали в МПМК (Межхозяйственную передвижную механизированную колонну). Валентина Ивановна работала в должности начальника производственного отдела этой же строительной организации. Силами ПМК-593 построены завод СОМ, Районный дом культуры, здание Райкома КПСС (сейчас Школа искусств), жилые дома, детские сады, здание восьмилетней школы, сельскохозяйственные объекты в Хороле и селах Хорольского района, автостанция.

Николай Иванович - почетный гражданин Хорольского района. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Знак Почета.

Николай Иванович окончил Сучанский горный техникум в городе Сучан (Партизанск). Поработал недолго в шахте горным мастером, затем его призвали в армию. Служил в Кневичах под Артемом.

Артюх Николай на воинской службе (1958 г.) и дома в Хороле (1950-е гг).

После службы в армии устроился работать в Хорольский строительный участок каменщиком. Начальником строительного участка был Синенко Трофим Григорьевич, бывший фронтовик, хороший знакомый его отца. Николай прошел трудовой путь от каменщика до бригадира, затем мастера и прораба строительного участка и потом до начальника ПМК-593.

Николай Иванович, 1996 г.

Заочно окончил Дальневосточный Политехнический Институт (ДВПИ). С 1971г. работал главным инженером ПМК-593, а позже стал ее начальником и работал в этой должности до 1997 г. Репутация в Хорольском районе у ПМК-593, возглавляемой Николаем Ивановичем, была такой, что «за что возьмется Артюх, то будет сделано качественно и добросовестно». Предметом строительства ПМК-593 были объекты сельскохозяйственного производства и жилищно-коммунальной сферы для тружеников села.

Жизненный путь Николая Ивановича можно охарактеризовать одной фразой: «Где родился, там и пригодился». Родился, вырос, начал трудовую деятельность в Хороле. Не побоюсь этого выражения - трудился на благо родной земли. Сколько объектов построено в Хороле и селах района! Сколько народа получило свое жилье! В его доме никогда не было ржавого гвоздя. Не хватало времени на свою семью и домашнее хозяйство. Весь был в работе, на производстве. Коллектив ПМК очень уважал Николая Ивановича. Единственным недостатком его, как говорили рабочие, была мягкость. Но эта черта его характера являлась и его достоинством. Общительный, добрый, веселый, «душа компании». Как-то за столом, когда собрались родные, дедушка Иван сказал: «Я похож на Колю!» Все засмеялись: «Не ты похож на Колю, а он на тебя!»

Орденом «Трудового Красного Знамени» Николай Иванович был награжден за строительство завода Сухого обезжиренного молока в селе Хороль.

Орденом «Знак Почета» Николай Иванович был удостоен за возведение животноводческого комплекса в селе Ленинское. Трест Примсельхозстрой поздравил Николая Ивановича с присвоением ему второй высокой награды на Приморском радио в программе «В час обеденного перерыва». В честь награжденного прозвучала популярная в Советском Союзе песня «Притяжение земли» в исполнении Льва Лещенко. «Мы - дети Галактики, но самое главное, мы дети твои, дорогая земля!» - пел Лев Лещенко. Родители Николая Ивановича слушали по радио поздравление, адресованное их сыну, и были им очень горды. У Николая Ивановича двое сыновей - Константин и Дмитрий.

Моя мама, средняя дочь Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны Артюх - Валентина Ивановна (Чкан) награждена медалью «Ветеран Труда».

*Валя Артюх - мастер молодежной строительной бригады.
Амурская область, г. Шимановск, 5.03.1963 г.*

Она более тридцати лет проработала в ПМК-593. После окончания школы поступила учиться в Уссурийский железнодорожный техникум. Окончила его по специальности «техник-строитель». По распределению три года работала мастером строительного участка в городе Шимановск Амурской области.

Перекур. Молодежная бригада на разгрузке леса. 20.04.1962 г.

Затем вернулась в Хороль и была принята в строительный участок. Специалистов не хватало, поэтому Валентине Ивановне пришлось работать и нормировщиком, и мастером, и составлять сметы на строительство, и выполнять обязанности кассира. Начальник участка Синенко Трофим Григорьевич радовался, что у него будет работать специалист со строительным дипломом, поэтому и нагрузил он её разными обязанностями.

Плотник, которого за нарушение техники безопасности перевели в разнорабочие. 20.04.1962 г.

Потом благодарил Ивана Игнатьевича за то, что воспитал и выучил ценного работника. Строительный участок к концу 1960-х годов преобразовался в ПМК-593.

Шимановск. Первомайская демонстрация. Начальник СМУ Полевик (в центре), женщина справа главный бухгалтер. Рядом рабочие СМУ.

Постепенно сформировался производственный отдел, куда был набран штат специалистов, в том числе, из жен военных хорольского гарнизона, которые имели смежные профессии и могли работать в строительстве. В начале 1970-х моя мама, Валентина Ивановна, стала начальником производственного отдела ПМК-593.

У Валентины Ивановны двое дочерей – Татьяна и Светлана.

День здоровья. Валя Артюх справа. г. Владивосток. Набережная. 25.09.1960 г.,

Труд строителей в Хорольском районе - целая эпоха трудовых подвигов, побед, самоотверженного труда на благо района. В 70-80-е годы прошлого века жизнь в Хороле «кипела». Развивалось сельское хозяйство, строились жилые дома, предприятия. На улицах было многолюдно, на дорогах машины, в том числе специальная техника. Огромный вклад в развитие Хороля и Хорольского района внесли строители. Они изменили облик Хороля и сел района. Где раньше стояли частные дома и огороды, китайские фанзы, построили многоквартирные дома, школы, детские сады. Развитие Хороля и сел Хорольского района продолжилось бы и дальше, если бы не перестройка конца восьмидесятых и развал страны в девяностые годы.

В послевоенные годы строительством в Хороле и селах района занималась «дикая бригада», состоявшая из плотников. Одним из них был Николай Гаврик, сын Александры Карповны Гаврик (Артюх). «Дикая бригада» строила деревянные дома. Людям требовалось жилье.

Крупное строительство в Хороле началось с появления строительного участка, которым руководил Синенко Трофим Григорьевич.

Механизмов у строителей сразу не было. Труд ручной. Для переноски тяжестей применяли носилки, лебедки. Бревна, доски подвозили на лошадях. Использовали простенький кран «Пионер». Только в 1965 году появились автокраны, бульдозеры, труд постепенно механизировался. Строительный участок, возглавляемый Трофимом Григорьевичем Синенко, построил в Хороле больницу с отдельной оборудованной скважиной, аптеку, два жилых шестнадцатиквартирных дома по ул. Ленинской, универмаг, почту.

*Валентина Ивановна Чкан (Артюх) 1970-е годы.
Фотография с доски почета «За трудовые
успехи в честь профессионального праздника»*

У строительного участка был клуб на хоздворе за базой военторга. В клубе выступали артисты художественной самодеятельности из штата своих же работников. Особенно хорошо себя проявила на сцене Синенко Нина Петровна - молодая кладовщица. Она замечательно пела, в том числе частушки. В Камне-Рыболове тогда было строительное управление (СМУ), которому подчинялся хорольский участок. Руководил управлением кореец Лим. Нина

Петровна пела частушку: «Лим лыко дерет, Трофим лапти плетет. Лим играет на гармошке, Трофим пляшет гопака!» Подтекст частушки был таков, что Трофим Григорьевич подчиняется Лиму, который руководит и выделяет материалы.

Здание почты в селе Хороль

Октаграмма - восьмилучевая звезда, вписанная в окружность

Участок начинал строить Дом культуры. Заканчивала его строить уже ПМК-593, в которую участок был преобразован в конце шестидесятых годов. Высота стен Дома культуры около восьми метров. На такую высоту рабочие переносили кирпичи, цементный раствор на носилках. Труд был очень тяжелым. А какое красивое здание выстроили! Потолок зрительного зала РДК украшает огромная геометрически правильная восьмиконечная звезда. Ее автор – моя мама, Валентина Ивановна. Трофим Григорьевич Синенко сказал: «Чего-то не хватает в зале. Надо украсить!» Валентина Ивановна предложила изобразить звезду на потолке с восьмью лучами. Чертить такие звезды их учили еще в школе на уроках геометрии. Валя даже дома вышивала контуры восьмиконечной звезды, вписанной в окружность, на подушках-думках.

Строители исполнили пожелание начальника - украсили потолок зрительного зала звездой. В ее центре должна была висеть люстра. Никто тогда и не знал, что восьмилучевая звезда (октаграмма) – это древний символ в культурах разных народов мира, в том числе славян. Октаграмма символизирует порядок, созидание и равновесие.

Дом культуры строили несколько лет. Хороль прославился на вражеской радиостанции Би Би Си (ВВС), которая сообщила, что в этом населенном пункте Советского Союза долго строят Дом культуры, а военный аэродром построили за один год. Американская разведка все отслеживала.

В конце шестидесятых финансирование строителей увеличивалось. Появлялись еще ПМК в Хорольском районе. Их в восьмидесятые годы насчитывалось уже 7. Район отстраивался. У строителей были высокие зарплаты и льгота в получении жилья вне очереди. Был такой закон: при сдаче жилого дома 10% квартир поступали в распоряжение строителей. Обеспеченность квартирами в ПМК-593 была 100%. При увольнении работники сдавали квартиры предприятию, то есть жилье было служебным. Позже этот закон отменили. Квартиры полностью переходили в собственность работников после получения.

Строители ПМК-593 работали на совесть. Перед сдачей каждого объекта в эксплуатацию приезжала приемная комиссия. Проверяющие строго досматривали документацию: соблюден ли проект, какие строительные материалы использовались, не допускались ли замены. Если находили какие-то изъяны, заставляли переделывать. Поэтому качество строительства в конечном итоге было на блестящем уровне. Рабочие имели высокую квалификацию, работали хорошо, чтобы потом не краснеть за плоды своего труда и ничего не переделывать. В кабинете начальника ПМК-593, Николая Ивановича, стояло переходящее Красное Знамя, которым наградили коллектив строителей.

Коллектив ПМК-593 был большим и дружным. День строителя, который отмечался в третье воскресенье августа, обычно проводили на речке Мо. Предварительно рано утром на реку приезжали рыбаки, умеющие ловить рыбу руками – «хрюкать». Отлично рыбачил таким способом Анатолий Синенко. Процесс ловли заключался в том, что рыбаки руками нащупывали рыбу в ямах под самым берегом и выбрасывали ее на берег. Так можно было «нахрюкать» много рыбы. Для поездки на реку выделялась бортовая грузовая машина, куда садились строители с семьями, даже брали коляски с детьми на борт. Ехали осторожно, не более 50 км в час, с шутками, с песнями. Когда приезжали на место отдыха – там уже ждала горка свеженаловленной рыбы. Оставалось только сварить уху. На речке хорошо проводили время: купались, загорали, пловцы ныряли в воду с высокого берега.

В ПМК работали целые династии: Демешко, Чаусы, Синенко, Артюхи.

Первым строителем в династии Артюхов был Артюх Иван Игнатьевич - десятник УНР в довоенное время. Вторым, после войны, Артюх Николай Леонтьевич, 1925 года рождения, сын Леонтия Артюха, двоюродного брата Ивана Игнатьевича. Николай Леонтьевич, пройдя срочную службу в военно-морском флоте, начинал работу в дикой строительной бригаде. После образования строительного участка перешел к Трофиму Григорьевичу Синенко на должность мастера. В шестидесятые годы в строительный участок был принят на работу каменщиком Николай Иванович Артюх, позже мастером Валентина Ивановна Артюх. Николай Леонтьевич, Николай Иванович, Валентина Ивановна Артюх продолжили работу строителями уже в ПМК-593 после ее образования. Последним объектом Николая Леонтьевича была школа в селе Сиваковка. Муж его дочери Людмилы, Михаил Парфенов, тоже работал в ПМК-593. Анатолий Васильевич Кузьмин, внук Марко Артюха, брата Леонтия Артюха и Ивана Артюха, работал на должности главного механика ПМК-593. В восьмидесятые годы на должность бухгалтера в ПМК была принята Антонина Марковна Артюх, жена Владимира Леонтьевича Артюха - брата Николая Леонтьевича. Вот такая семейная династия Артюхов на одном предприятии.

Гордость ПМК-593 – построенный ею завод СОМ – завод Сухого Обезжиренного Молока. Начало его строительства – 1968 г. Завод строили почти семь лет по чешскому проекту. Таких заводов в Советском Союзе планировалось возвести три. Один из них в селе Хороль Приморского края. Чтобы соблюсти проект, нужны были соответствующие нормативам строительные материалы. В Приморье еще не было заводов, выпускающих материалы, согласно европейским стандартам. Например, кирпич, изготавливаемый на хорольском кирзаводе, не подходил. Кирпич для строительства молокозавода возили из-под Артема специальный силикатный и простой, глиняный. Для строительства требовалось много железобетона. Тоже негде взять. Еще одна проблема - нехватка кадров и механизмов. Краном «Пионер» и лебедкой много не настроить. Поэтому завод строили долго и сдали в эксплуатацию только в 1974 году. На монтаж оборудования вновь построенного завода в Хороль должны были приехать чешские инженеры, но из-за срыва сроков строительства (по многим причинам) чехи расторгли контракт. Оборудование монтировали потом наши советские монтажники.

На предприятии была полностью автоматизированная линия производства сухого молока. В начале линии сырое молоко заливали в специальные емкости, далее шел процесс получения из него сухого продукта. В конце линии сухой порошок молока упаковывался в мешки.

Какими вкусными были продукты, выпускаемые заводом СОМ, помнят люди, проживающие в Хороле в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого века. Яркий сливочный вкус и запах того сливочного масла мы, к сожалению, больше никогда не встретим в современной молочной продукции. Не масло, а чистые твердые сливки вырабатывал завод СОМ! Охлажденное сливочное масло невозможно было намазать на хлеб. Оно крошилось при разрезании ножом. Некоторое время нужно было подождать, чтобы масло нагрелось. Таким же вкусным, с насыщенным сливочным ароматом, было мороженое. Молоко в пакетах, мороженое, кефир, сливочное масло, сухое обезжиренное молоко. Это еще не весь перечень продукции завода.

С большим энтузиазмом ПМК-593 строила Детский сад №1 в 1970-е годы (напротив восьмилетней школы). У многих строителей были семьи, рождались дети, а детских садов не хватало. Поэтому и возводили его быстро, старательно, в том числе и для своих детей.

Животноводческий комплекс в селе Ленинском (год сдачи в эксплуатацию - 1980) - грандиозный сельскохозяйственный проект того времени. Строительство контролировалось Москвой. Создавался он на окраине села Ленинское. Планировалось содержать на территории комплекса 1200 голов крупного рогатого скота. Все процессы на комплексе были автоматизированы, начиная от кормления коров и заканчивая уборкой помещений. Даже имелись автоматические поилки для животных. Коровка, чтобы попить воды, могла подойти к поилке, нажать носом на нее, и вода начинала наполнять емкость. Животные стояли на

деревянных настилах. Никакого бетона. Настилы мылись и чистились специальными скребками. Для этого в проекте предусматривалась система водопроводных труб и канализации. Соблюдался определённый режим дезинфекции помещений для животных. Доярки переодевались и принимали душ после работы в отведенной комнате. По периметру здания комплекса внутри провели молокопровод. Коровок выдаивали с помощью аппаратов машинного доения. Потом молоко из аппаратов по специальным пластиковым трубам поступало для общего сбора в бак. Было отдельное родильное отделение для коров с яслями для новорожденных и подрастающих телят. Строители возвели две огромные силосные башни из железобетонных колец. Корм рядом. Не надо возить издалека. Для работников комплекса построили две улицы жилых двухквартирных домиков. В новое жильё переходили семьи из ветхих домов и вновь прибывшие переселенцы из Украины. В 1980-е годы тоже работала государственная программа по переселению на Дальний Восток. Каждой семье переселенцев предоставлялась жилплощадь и корова.

Построили детский сад и школу в селе. У сельских тружеников появились новые рабочие места, и жильём они обеспечивались. Живи, работай на комфортном производстве!

На комплекс водили экскурсии. Наш третий «А» класс учеников восьмилетней школы в 1980 году вместе с классным руководителем Валентиной Николаевной Мелиховой побывал на экскурсии в селе Ленинском. От ПМК-593 нам выделили автобус. Экскурсию проводила моя мама, Валентина Ивановна. Мы, дети, так были впечатлены увиденным, что оформили целый альбом - отчет с фотографиями и рассказом о животноводческом комплексе.

Сейчас ничего не напоминает о том, что в селе Ленинском когда-то существовал огромный животноводческий комплекс. Девяностые годы сделали свое черное дело. Все разрушено, разграблено, вывезено предприимчивыми людьми.

ПМК-593 построила панельные жилые двухквартирные домики со всеми удобствами в селе Новодевица для сельчан. Строили даже многоквартирный панельный дом для шахтеров в селе Липовцы. Объектами ПМК-593 было зернохранилище в Поповке и птицефабрика в Лучках.

Автостанцию в селе Хороль ПМК возводила на болотистой местности в низине. Рядом ручей. Вбивали девятиметровые сваи для фундамента. Когда построили здание, по стенам пошли трещины из-за подвижки грунта. Начали корректировать, устранять перекосы.

Светлана Зубенко - инженер ПТО ПМК-593, Бречко Виталий Яковлевич - главный инженер ПМК-593, Валентина Ивановна - начальник ПТО ПМК-593. 1980-е годы.

Жилые кирпичные дома на улице Чапаева тоже строили на болоте. Сваи входили в землю, как в масло. Такой мягкий и влажный грунт был на этом участке. Раньше местность микрорайона улиц Чапаева, Комсомольской, Ленинской, где сотый дом, особенно, была болотистой. Низина, пойма древней реки, от которой остался крупный ручей, пересекающий поселок, бывшая река Песчанка! Недаром, в пятидесятые годы по Ленинской улице проложили деревянные тротуары. Только по ним можно было ходить, не замочив ноги. Местность затапливалась. Сейчас от былой сырости ничего не осталось. Стоят дома, детские сады, учреждения. Строители поменяли облик села.

Работа производственного отдела в ПМК-593 заключалась в расчете количества и стоимости материалов, необходимых для строительства объектов согласно проектам. Под началом Валентины Ивановны работали четыре человека.

На фото выше по тексту Светлана Зубенко - инженер ПТО. Приехала в Хороль по распределению из города Курган в 1969 году после окончания техникума. Молоденькая, тоненькая девочка, была старательной и исполнительной в работе. Быстро набралась опыта. Валентина Ивановна ее опекала и помогала во всем. Разница в возрасте у них была 9 лет. Они подружились, общаются и в настоящее время. Светлана вышла замуж за военного из хорольского гарнизона. В восьмидесятые годы она уехала из Хороля, так как мужа перевели на другое место службы. Коллектив ПМК-593 ей очень нравился. Она очень скучала по Хоролю. Сейчас Светлана проживает в городе Ставрополь. Тридцать два года отработала в отделе строительства большой нефтяной компании. Опыт, приобретенный в Хорольской ПМК, сделал из нее отличного специалиста, которого очень ценили в ставропольской компании.

В ПТО работали: Губайдуллина Галина Ивановна - мама нынешнего главы администрации Хорольского округа Губайдуллина Алексея Анатольевича. Алексей после школы начинал трудовую деятельность в ПМК. Некоторое время работал на стройках, помогал готовить бетонный раствор, Нина Велиханова, будущий архитектор Хорольского района, Семенченко Галина Ивановна долгое время трудились в производственном отделе.

Валентина Ивановна составляла сметы на строительство памятника «Борцам за власть Советов» в селе Хороль. Скульптор приезжал из города возводить памятник. Часто ее просили составить сметы на строительство или ремонт зданий детских садов, школ. Она это делала в свое личное время, безвозмездно, на правах помощи району. Валентина Ивановна вела и общественную работу на своем предприятии. Она была инструктором по Гражданской обороне. В то время готовили таких специалистов с целью организации гражданской обороны для населения в случае начала ядерной войны.

Пригласили Валентину Ивановну в конце восьмидесятых годов принять участие в расследовании хищений денежных средств у «рисовиков», проводивших гидромелиорацию во время строительства рисовых чеков на территории района. Тогда Народным контролем были вскрыты приписки, «мертвые души». Следы вели в трест. Много народа тогда наказали. Сняли нескольких руководителей.

Инженерно-технических работников в ПМК было двадцать восемь человек. Рабочих – более ста. Когда приходило время сдавать объект «под ключ» и ждали приемную комиссию, коллектив конторы помогал рабочим наводить порядок на готовом объекте. Организовывали субботник. Убирали строительный мусор, чистили, подметали территорию, мыли окна. Работали дружно, с энтузиазмом, довольные результатом совместного труда. Стройка закончена. Скоро объект войдет в эксплуатацию. В конце дня все, участвующие в субботнике, сбрасывались по рублю и отмечали окончание работы, уставшие, но веселые.

Артюх Вера Ивановна, одна из младших дочерей–близнецов Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны получила профессию учителя английского языка. Преподавала в Хорольской средней школе №1 после окончания Уссурийского педагогического института и до выхода на заслуженный отдых.

Имя Веры Ивановны было известно в ВУЗах Приморского края. Ее выпускники отличались хорошей подготовкой по английскому языку. Это отмечали преподаватели ВУЗов.

Добрая и отзывчивая по характеру, она была строгой и требовательной учительницей в школе. Таким и должен быть настоящий учитель, чтобы донести знания до ученика.

Раиса Ивановна, по мужу Петрова, вторая дочь-близнец, Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны Артюх, поступила в медучилище и после его окончания работала фельдшером на ФАПе села Лукашовка. Жители Лукашовки вспоминают ее с теплотой. Раиса Ивановна всегда безотказно выручала своих односельчан, оказывая медицинскую помощь в любое время суток. Когда к ней жители села приходили домой за помощью, она брала свой медицинский чемоданчик и шла на вызов. Всегда находила нужные слова поддержки, чтобы успокоить пациента. Кого-то могла поругать, повоспитывать, чтобы не совершали опрометчивых поступков по отношению к своему здоровью. Раиса Ивановна с мужем вырастили двоих детей – Людмилу и Алексея. Алексей внешне похож, как две капли воды, на брата дедушки, Ивана Игнатьевича, Дмитрия Артюх.

Мы, племянники и племянницы, любили приезжать к тете Рае в Лукашовку. Петровы держали много домашних животных: корову (от симментальской коровки родителей); бычков; кур; уток; кабанчиков. В доме - идеальная чистота и порядок. Каждую осень - множество банок с консервацией. Когда Раиса Ивановна все успевала? Была еще и очень ответственная работа - сельского фельдшера. Она лечила родителей, когда было необходимо, и родные часто обращались к ней за медицинской помощью.

Дочь Валентины Ивановны - Татьяна (Абашева Татьяна Викторовна) окончила медицинский институт по специальности врач-педиатр. Стаж ее работы в медицине - более тридцати лет. В настоящее время она работает заведующей поликлиникой Хорольской ЦРБ. На выбор ее профессии повлиял пример Раисы Ивановны. Когда мы, еще детьми, приезжали в Лукашовку, то с интересом ходили к тете Рае в медпункт, как на экскурсию. Она в белом халате и колпаке сидела за рабочим столом. Вела прием, отпускала лекарства. В медпункте стоял стеклянный шкаф с различными медикаментами. Было светло и чисто, пахло лекарствами. Татьяна еще в детстве решила стать медицинским работником, как тетя Рая.

Артюх Вера Ивановна, 1996 г.

Петрова Раиса Ивановна, 1996 г.

Раиса Ивановна жила в Лукашовке, но приезжала каждую неделю по средам на медицинскую конференцию фельдшеров в Хорольскую ЦРБ. Прежде всего, заходила к родителям, выйдя на остановке рейсового автобуса возле тринадцатого магазина. Непременно привозила с собой трехлитровую банку молока. Потом шла в Хорольскую больницу на конференцию. Когда Раиса Ивановна появлялась на улицах Хороля, дети или их родители, зная внешне Веру Ивановну, свою учительницу, здоровались с Раисой Ивановной. Раисе Ивановне приходилось отвечать, хотя она ни с кем не была знакома из здоровающихся с ней людей. Не все знали, что у Веры Ивановны есть сестра-близнец. Для нас, родных, они были разные и внешне, и по характеру, но чужие люди не замечали отличий.

Иван Игнатьевич и Евдокия Карповна Артюх, будучи на заслуженном отдыхе, помогали воспитывать внуков. Их привозили к дедушке и бабушке, когда не с кем было оставить дома. Наши родители были уверены в том, что мы будем под присмотром, в тепле и накормлены. Особенно чаще других приходилось бывать у бабушки с дедушкой мне, Светлане, так как я часто болела и не ходила в детский сад. Помню теплую печь, за которой была бабушкина кровать, и я, облокотясь на припечек, стоя на кровати, наблюдала, как бабушка готовит еду на печке, начиная с раннего утра. У бабушки еще оставались разного размера старинные чугуны и чугушки. В них она готовила еду. В самом большом чугуне кипятила воду и она всегда стояла горячая на печи под рукой для разных нужд.

Чугунок - горшок из чугуна (сплава железа и углерода) округлой формы для тушения, варки в русской печи. Блюдо в чугуне не просто варится - оно томится, поэтому особенно вкусное. Для готовки в чугуне нужен ухват, чтобы посадить его в печь. В обычной варочной печи чугунок сужением опускался в конфорку, которая закрывалась концентрическими кольцами. Кольца снимались или ставились в зависимости от размера чугушка и стадии варки.

Самый большой чугунок в бабушкином хозяйстве был десятилитровый. Внутри чугуны и чугушки имели эмалированное покрытие. Нужно было следить за тем, чтобы покрытие не трескалось, не возникало сколов на нем. Иначе в местах повреждения эмали обнажалось железо и попадало в пищу. Чугуны изнутри ржавели. Тогда они уже не были пригодны к употреблению. Целые чугуны и чугушки служили долго.

Ухват. Старинные чугуны и чугушки

Приготовив завтрак, Евдокия Карповна звала на кухню дедушку: «Иван! Завтрикать!» Он утром, накормив домашних животных и нарубив дров для печки, обычно ложился отдохнуть в своей спальне. Приходил дедушка. Бабушка усаживала и меня за стол. Пододвигая ко мне чашку с молочной кашей, она говорила: «Если все скушаешь - увидишь на дне клубничку». Мне очень хотелось увидеть рисунок ягодки, поэтому я старательно ела. Бабушка была довольна, что я съедала все, что было в чашке.

Помню сказки и стихи, которые мне рассказывала бабушка, укладывая спать на кровати за печкой. Ее сказки и стихи я потом знала наизусть.

Однажды бабушка простудилась, и тетя Рая с тетей Верой ставили ей банки. Тетя Рая горящим на спирте факелом нагревала банки и прикладывала их к спине больной бабушки. Бабушка охала за печкой, а я, пятилетняя, встав на стул, кричала тетям: «Вы зачем мою бабушку поджигаете?»

Мы, внуки, могли все летние каникулы жить у дедушки с бабушкой на улице Калининской. Играли с соседскими детьми, катались на дедушкином велосипеде, играли за огородами в густой траве, но и помогали по хозяйству: пололи огород, собирали вишню, убирали в доме, мыли посуду, ходили в магазин за продуктами. Дедушка Иван мастерил нам качели летом между двумя большими ильмами, растущими под домом, а зимой соорудил

горку из снега перед воротами дома. Помню, как зимой дедушка запрягал в санки собаку Джека, и Джек катал нас по снегу вдоль улицы.

Артюх Иван Игнатьевич и Артюх (Козуб) Евдокия Карповна. 1980-е годы

Мы росли в любви и заботе, которые ощущали от дедушки и бабушки. Детей в наших семьях никогда не наказывали. Бабушка говорила: «Дети - Божий дар. Обижать их нельзя. Если бьёшь ребенка, ты бьёшь себя, потому что ты так воспитал, твой ребенок - это ты сам». Конечно, бабушка делала нам, внукам, замечания, сердилась, когда мы что-то делали неправильно. Иногда говорила: «Мне сэрдыто!» Но никогда грубых, обидных слов мы от нее не слышали. Она могла похвалить нас, маленьких, за хорошую работу или поступки, при этом целовала в головку.

Бабушка показывала нам, как в детстве она мастерила кукол. Брала ткань, сворачивала ее небольшим валиком, из второго светлого кусочка ткани делала голову, рисовала на ней глаза, ротик. Затем еще одним отрезом ткани пеленала куклу, как пеленают младенцев. Все. Кукла готова, можно играть. Такими куклами играли девочки ее окружения.

Однажды, мы, несколько внучат, собрались в сарае-дровянике. Что-то рассказывали друг другу, громко смеялись. Бабушка решила нас в шутку попугать. Она за стенкой сарая была в курятнике, собирала яйца из куриных гнезд и просунула свою руку между стеной и перегородкой сарая. Мы подскочили от неожиданности и страха, увидев руку, оказавшуюся рядом с нами, начали кричать: «Ой, что это? Откуда рука?». Потом поняли, что за перегородкой бабушка.

Иногда бабушка готовила нам блюдо из сухарей: в большой алюминиевой миске (мыске) вспрыскивала сухари кипяченой водой или чаем из отвара шиповника, чтобы они немного размокли, солила их и сдабривала растительным маслом. На свежем воздухе, когда мы бегали на улице, для нас это было объедение. Современные кириешки не сравнятся со вкусом тех сухариков в детстве!

Бабушка варила много киселя из домашнего варенья или ягод на крахмале, который готовила сама, по старинке. Натирала картофель на терке в цинковой ванне, заливала водой, оставляла ванну во дворе. Из натертого картофеля на дно ванны осаждался белый-белый осадок - крахмал. Потом бабушка его промывала и сушила на солнце. Полученного таким

способом крахмала было много и хватало на целый год. Кисели бабушка варила жидкие, чтобы пить из кружек и густые, чтобы есть ложками из тарелки. Разольет по кружкам и заставит ими целый стол на кухне. Накроет чистой тканью. Мы бегаем, играем или занимаемся работой, потом приходим на кухню и выпиваем кисель. И так целый день – лакомство на столе. А густой кисель бабушка разливала по большим тарелкам, накрывала их тарелками меньшего размера и тоже ставила на стол. Варила еще «молоканный» кисель – на молоке.

В семье была традиция: на выходные пойти проведать родителей. Почти каждую субботу или воскресенье, на праздники дети и внуки собирались в родительском доме за большим столом. К приходу детей с внуками бабушка напечет пирожков с разными начинками: фасолью, горохом, морковью, повидлом, печенкой.

У нее всегда получалось хорошее тесто. Бабушка заводила его на дрожжах в 4 часа утра. «Тесто любит тишину» - так она говорила. Спокойно, без спешки, с чистыми мыслями бабушка ставила тесто, и к обеду оно было готово, потом пекла пирожки. Подобным образом она пекла пасхальные куличи: рано утром заводила тесто, старательно и долго вымешивала его, добавив изюм, и выпекала в печке. Пасхи получались высокими и очень вкусными.

На праздник Маковой (14 августа) бабушка всегда пекла коржики с маком в медовом сиропе (маковники в меду). Вкусно! Пальчики оближешь! Чего стоил ее борщ, приготовленный в старинном чугушке на открытом печном огне! А рассыпчатые каши (пшеничную, гречневую) с топленым сливочным маслом! Часто готовила суп с галушками и, даже, компот с галушками. Вареники с капустой, с творогом, с вишней и пасленом, как в старые времена. Пекла хворост и медовую коврижку. Еда была простая, но вкусная.

Отдельное слово нужно сказать о воде из колодца, который был на Калининской улице. Такой вкусной воды мы не пробовали больше нигде! Воду доставляли в бидонах из колодца. Было когда-то у бабушки и коромысло для переноски ведер. Пили воду сырую. Никто не задумывался о том, что ее нужно кипятить. В большом эмалированном зеленом чайнике она заваривала чай из шиповника на колодезной воде. Бросит горсть шиповника в кипящую воду, и чай настаивается на печке. Чай получался ярко малиновым, душистым. Заварку черного чая почти не использовали. Пили только такой шиповниковый чай. Когда мы пытались у себя в коммунальном доме заварить шиповник в обыкновенной водопроводной воде, красивого малинового настоя не получалось. Значит, цвет шиповникового чая определялся качеством воды. А она в колодце на Калининской улице была отменная.

Дедушка с бабушкой сажали огород и держали небольшое домашнее хозяйство, состоящее из кур, уток, поросенка. Огород в середине лета украшали маки и дельфиниумы. Маки были огородными растениями, а дельфиниумы - садовыми. «Разноцветы» - так называла Евдокия Карповна дельфиниумы, которые имели голубую, белую, розовую окраску цветов. Они, как и маки, всходили самосевом по весне на грядках, но Евдокия Карповна их не выпальвала. Оставляла в огороде, как украшение. Необычно было видеть среди овощных культур на огороде цветы. Обязательно бабушка насаживала много гороха на огороде для нас, внуков. Она знала, что мы очень любим зеленый горох и летом обязательно побежим за ним на грядки.

Гусей держали до тех пор, пока не произошел один случай. Как-то гусак пришел домой вечером один. Ни гусыни, ни гусят. Гуси тогда повадились ходить на кирзаводской карьер. Гусак беспокойно вел себя ночью в сарае, кричал. Наутро дедушка Иван Игнатьевич выпустил гуся за калитку. Тот пошел привычным маршрутом по улице в сторону карьера, дедушка за ним следом на расстоянии. Когда проходили по улице, прилегающей к карьере, гусь остановился возле одного из домов и начал громко кричать. И вдруг, из глубины двора ему ответили таким же гоготаньем. Это подавала голос в ответ гусыня. Иван Игнатьевич постучал в калитку. Вышли хозяйка - муж и жена, выпивающего вида люди. На его требование показать, где кричит гусыня, им пришлось сознаться, что ходили тут вечером гуси, и они их закрыли. Спустили, как оказалось, гусыню с гусятами в подполье, готовясь утром забить их. Гусей они отдали. Так умный гусак спас свою подругу с детьми из плена. Иван Игнатьевич и Евдокия Карповна не стали жаловаться на воров. Они никогда не любили этого делать. «Хай йим

грэць!» - говорила в подобных ситуациях Евдокия Карповна. Что значило: «Будь они неладны!» Гусей больше в ту сторону не пускали. И разводить новую стаю птиц не стали. Бабушка говорила, что если с домашними животными происходит несчастье - кража или подавят собаки, хорьки, то больше они вестись у хозяев не будут.

Дедушка продолжал заниматься пчеловодством. Почти все лето его не было дома. Ульи вывозил на липу в тайгу в район Сибирцево, Ретиховки или Вадимовки, на гречиху в поля. Но когда расцветали подсолнухи на сельских огородах, старался быть с пасекой дома. Подсолнухи давали хороший медосбор. Бабушка помогала ему собираться на пасеку в тайгу. Продукты, одежду - все по составленному списку. Готовила емкости для меда. Как и её отец, Карп Степанович, содержал посуду для приготовления молочной продукции в строгой чистоте, так и Евдокия Карповна тщательно мыла и высушивала посуду для меда, чтобы продукт долго хранился и не терял свои качества до следующего сбора. Бидоны с медом зимой стояли в кладовке, там же, где и зимовали ульи с пчелами. Мед зимой засахаривался так, что его можно было резать ножом. Липовый – янтарно-желтый, гречишный (называли «гречневый») - темно-коричневый, цветочный - немного темнее липового. Помню, как бабушка приносила из кладовки «ломти» меда в фарфоровой вазочке к чаю. Это было вкусное и полезное лакомство зимой.

Ульи с пчелами летом стояли в палисаднике («садке»), в котором росли деревца вишни, яблочек-ранеток, черемухи. Много было в палисаднике цветов - кусты чайной розы и сирени, садовые пионы, гладиолусы, тюльпаны, тигровые лилии. Евдокия Карповна очень любила цветы. Пионы - были ее любимые. Они расцветали всегда на ее день рождения в июне. Еще будучи маленькой девочкой, она составляла гербарий: закладывала красивые цветы и листики между страницами книжек, а зимой любовалась ими высушенными. Комнатные цветы украшали подоконники в доме. По всему периметру веранды летом на подоконники бабушка выставляла горшки с геранью. Когда кусты герани покрывались крупными шаровидными соцветиями разных оттенков от белого до ярко-красного, было очень красиво. Прохожие заглядывались на окна веранды, думая, что там растут какие-то экзотические цветы.

Пион молочноцветковый (Paeonia lactiflora). Его называют китайским пионом. Именно от него выведено много сортов и гибридов, которые были завезены из Китая в Европу еще в 18 веке.

Внук Сергей Станиславович Сушевич, когда возвращался с рыбалки, зная, что бабушка любит цветы, собирал огромный букет диких белых пионов, которые расцветали в пойме реки в начале лета. Я помню, как на столе веранды стоит старинный большой глиняный кувшин («глэчик») и в нем букет белых пионов. Аромат цветов трудно передать словами! Дикie пионы очень сильно пахнут.

Бабушка была интересной рассказчицей. Она могла часами говорить о прошлом – о своем детстве, молодости, историях из жизни. В ее речи всегда присутствовали народные пословицы, поговорки, которые она перенимала от своих родных. «На собаку малэ, а на кота великэ» - это про вещи, которые не подходят по размеру. «Если воду – так с колодцем!» - про людей, которые любят делать все сразу и быстро. «Свыня неба не баче» - про высокомерных, заносчивых, невежливых людей. «Не дал бог свинье рог, а то бы всех переколола» - про людей, которые, не имея знаний, пытаются управлять другими, давая свои советы. «Не буды лыхо, абы було тыхо», - значит, не надо лезть на «рожон», чтобы не вызывать ненужный скандал. «На языке медок, а под языком – ядок», - про лицемеров. «Дай бог нашему теляти волка сыйисты!». «Как бедному жениться – так ничь коротка!». «За одного битого десять небитых дают». «Богатые дерутся – у бедных чубы трещат!». «Гуртом и батьку бити добре». «Поганому выду нема стыду». «Ты на гору - бис за ногу!». «Кот из дому, мыши в пляс!». «Дешева рыбка - погана юшка». «Дурный два раза робэ, а скупый два раза платэ». «Без свинячьего тила нема в борщи дила». «И без лука горько!». «Дождь спозаранку-одевай дранку, а зобит, то до дому йидь!» Дранка здесь – это одежда, с шуткой,- рваная. Смысл изречения в том, что небольшой утренний дождь не мешает работе в поле, одевайся и иди работай, а если дождь зобит (рябит), значит надо ехать домой, работы не выйдет. «Пришел Илья-наробыл гнилья!» - в начале августа на Ильин день всегда шел дождь. После этого на полях было сыро. «Помирать собираешься, а хлеб сий!» или «огород сади!» - о том, что не надо падать духом, если болеешь или немощен. Все равно надейся на лучшее и делай все то, что делал раньше, когда был более здоров. «Пришел Спас – готовь рукавицы про запас» - в августе праздник Спаса наступает, значит, пора готовиться к холодам, зиме. «Дуй, дураче, не будэ горяче» - для тех, кто недоволен горячей едой за столом. «Собака не зъисть калача, поки не покача» - если что-то упало на пол. «На благовещенье девка косу не плетет, птица гнездо не вьет». Эти пословицы и поговорки вышли из старины, из народа, жившего еще в дореволюционной России на Украине. Если на пол случайно падал хлеб, Евдокия Карповна поднимала его, сдувала пылинки и целовала кусочек. Такое уважительное отношение к хлебу, как к кормильцу, было у крестьян–земледельцев ее поколения.

Когда сын Николай был еще студентом, Евдокия Карповна, собирая ему сумку с продуктами в общежитие, добавляла к продуктам несколько кочанов вареной кукурузы. Коля отказывался от тяжелой ноши и кукурузы особенно: «Опять будет запах на весь автобус!» Евдокия Карповна ему говорила: «Бери-бери, сейчас ты сумку несешь, а потом она тебя нести будет!»

Дедушка с бабушкой разговаривали на своем родном украинском языке. По сути украинский язык - это тот же русский язык, только с полтавским диалектом. Некоторые их слова я в детстве не понимала. Морозящий дождь бабушка называла мыгычкой, если дождь моросит - «мыгычит» говорила. Еще помню слово «зипае», значит, кричит, ревет. Дедушка однажды готовил еду для бычка, а он громко нетерпеливо мычал, голодный. А дедушка говорил ему: «Та не зипай ты! Чого ты зипаешь?» А я, маленькая, бежала к бабушке и жаловалась ей, не понимая, что дедушка обращается к теленку: «Бабушка, а дед опять зипает!» А еще я не понимала смысла слова «кит». «Кит бигает в проулке» - говорила бабушка. Мне представлялся огромный кит, и он почему-то бегаёт в переулке. Так в украинском языке произносилось слово «кот». Одичавший кот тогда таскал у бабушки цыплят из загона. Бабушка имела в виду его, жившего в переулке. «Кыця» - кошка, «кыцюн» - котенок. Дедушка с бабушкой выписывали по почте юмористический журнал «Перець» на украинском языке, аналог русского «Крокодила». Бабушка свободно читала «Перець» на родном языке, а мы,

внуки очень любили рассматривать юмористические рисунки на страницах журнала, пытались разобрать украинский язык.

Небольшие недуги лечили народными средствами. Если у кого-то из членов семьи возникала проблема с желудком, бабушка посылала дедушку Ивана Игнатьевича за кровохлебкой: «Иды, накопи!» Он шел за огороды на поле, выкапывал корни, и бабушка их заваривала. Всегда у нее в запасе был мешочек с высушенными кукурузными рыльцами - от цистита. Внутренний слой куринных желудков тоже высушивала и хранила – средство при нарушении пищеварения. Ягоды черемухи заготавливала на зиму – это для маленьких детей, чтобы не болели животики. Маленьких внуков от потницы купала в настое череды и желтой кашки - подмаренника. Простуды нам, детям, лечили прополисом с добавлением сливочного масла. Смесь заваривали на плите в эмалированной кружке. Помню приятный вкус и аромат этого лекарства.

Я как-то, еще маленькая, на улице испугалась ревущих быков из стада, спешившего по домам на дневной отдых. Бабушка быстро передела на мне платье задом наперед, чтобы испуг прошел. И действительно, я перестала плакать.

Однажды летом бабушка сильно заболела. У нее поднялась высокая температура. Дедушка на пасеке в тайге, и только мы, внуки, Люда (дочь тети Раи) и Света, были рядом. А нужно вечером покормить поросенка, куриц, квочку с цыплятами, собаку. Бабушка взяла палочку и пошла обходить хозяйство вместе с нами. Говорила, что нужно делать. Мы с Людой все выполняли. Всех покормили, закрыли в сараях на ночлег. Остался пес Джек. Я в еду для него крошила хлеб большими кусками. Бабушка рассердилась: «Да что ж ты робышь? У него же зубив нема!» Джек был уже старым. Мне очень запомнилось бережное отношение бабушки к собаке. Она о Джеке заботилась, как о равном себе. На следующее утро, поднявшись в шесть часов утра, мы с Людой побежали ко мне домой на Советскую улицу, чтобы по телефону вызвать тетю Раю из Лукашовки. «Мама, приезжай скорей, бабушке плохо!» - просила Люда в трубку. Тетя Рая не могла оставить работу в медпункте, говорила, что придет к вечеру. «Это уже поздно!» - кричали мы. «Как поздно?» - испугалась тетя Рая. Она приехала к обеду. У бабушки оказалось рожистое воспаление, классическая картина заболевания. Лицо превратилось в один сплошной розовый волдырь. Заболела она из-за того, что накануне, нарвав охалку ширицы для поросенка на огороде, несла ее перед собой и в какой-то момент в лицо попала пыль с травы, по-видимому, на которой был болезнетворный стрептококк. Бабушку лечили дома аспирином и антибиотиками. Со временем все прошло. Для нас, детей, этот случай оказался стрессом. Мы очень испугались за бабушку. Пока она болела, управлялись по хозяйству сами.

Пес Джек прожил у дедушки с бабушкой тринадцать лет, пока не стал слепым и немощным. Голова и спина у него были черного цвета, а лапы и живот белого. Дедушка звал его Джеком, а бабушка Барсом, потому что ранее у них была собака Барс, которую бабушка очень любила. Пес откликался на обе клички. Его кормили два раза в день – утром и вечером. Если вечером с едой запаздывали, он напоминал о себе громким лаем, рвался с цепи в сторону крыльца, справедливо требуя ужин: «Хозяева! Покормите меня!» Джек-Барс был очень умным. Зря никогда не лаял. Только по делу. Он, как будто, чувствовал людей. Когда к хозяйке, приходили знакомые или соседи, он слушал ее, не лаял, если она его одергивала. Но были соседи, которых он терпеть не мог, хотя видел, что бабушка принимает их у себя в доме. Это были Коробко, Губа и Момот. Когда Коробко, проходила мимо дома Артюхов за водой на колодец, Джек рвался с цепи. «Чего вин на мене лае?» - удивлялась соседка. Так же было, когда мимо проходил сосед Момот. Он дразнил Джека через забор, поэтому пес его не любил.

Как-то летом в калитку постучался солдат-срочник. Он стал предлагать купить у него строительные рукавицы. За огородами тогда строились дома Нового Лугового, на строительстве которых работали военные. «Зачем же ты, внучек, взял чужое и продаешь его? Тебя же накажут». Евдокия Карповна вынесла солдату 3 рубля. Рукавиц не взяла. «Ну, бабушка, вы первая, кто так мне сказал» - с удивлением ответил солдат. Он взял деньги и ушел. В конце улицы был продовольственный магазин №13, и солдаты отлучались со стройки, чтобы

что-нибудь себе купить из еды. Бабушке стало жаль парня, ведь и ее внук Сергей Сушевич был таким же солдатом в это время, служил срочную службу на острове Кунашир. Евдокия Карповна была очень добра к людям, как и ее мама.

Однажды солдаты-стройбатовцы асфальтировали автомобильную дорогу на улице Калининской. Стояла жаркая погода, по их лицам было заметно, что они устали от тяжелого ручного труда. Бабушка пожалела молодых ребят. Их родные семьи были далеко. Она напекла целый тазик коржиков на сметане и попросила нас, внучек, отнести командиру, чтобы он разрешил угостить солдат.

Евдокия Карповна для нас, ее родных, - пример жизненной стойкости и терпения. Ей пришлось преодолеть много невзгод - голод, холод, болезни, потерю близких. Ее родители жили в достатке, ни в чем не нуждались, благодаря неустанному труду и богатству приморской земли. Как и все хорольские крестьяне старожилы-стодесятильники, Козубы трудились, чтобы хорошо жить. И могли бы приумножить свое благосостояние, если бы не события начала двадцатого века - революция, смена власти, передел собственности, вторая мировая война. На долю того поколения выпали тяжелейшие в жизни страны и народа испытания, когда люди трудились уже не чтобы хорошо жить, а чтобы только выжить.

Наша бабушка никогда не опускала руки, мужественно преодолевала трудности, не жаловалась на судьбу. Выдержала тяжелые военные и послевоенные годы, сберегла детей. Такой ее воспитали родители. От своей матери Евдокия Карповна унаследовала доброту и отзывчивость, от отца - терпение и мудрость. Она была очень скромной. Если болела - не хотела утруждать никого заботой о себе, боль переносила молча. И детей своих учила: «Вам плохо, больно, а вы действуйте, не останавливайтесь несмотря ни на что».

Она окончила лишь четырехлетнюю школу, выросла в крестьянской семье, но обладала качествами, присущими людям высшего общества: деликатностью, «врожденной интеллигентностью», терпимостью к недостаткам других людей, хорошими манерами.

Она учила своих детей и нас, внуков, уважать старших, особенно своих родителей. В писании говорится: «Почитай отца своего, потому что он - господь бог и мать свою, потому что она - богородица». И бабушка приводила эти слова, говоря о том, что никогда нельзя обижаться на своих родителей, а надо уважать их и почитать.

Учила нас быть аккуратными, поддерживать чистоту в доме; «Пусть бедно, но чисто», - так она говорила.

Помню ее слова о том, что не надо затягивать решение каких-то жизненных вопросов в долгий ящик: «Сделал дело - гуляй смело!» Когда детям или внукам предстояла учеба - курсы повышения квалификации или усовершенствования, Евдокия Карповна говорила: «Учитесь! Знания пригодятся. Учебу за спиной не носить».

Евдокию Карповну любили и уважали её дети, внуки, знакомые. Без внимания она никогда не оставалась.

В послевоенные годы Евдокия Карповна Артюх постоянной работы не имела. Сельский совет привлекал женщин-домохозяек к временным обязанностям - прополка на полях колхоза, очистка кюветов, раздача повесток по дворам (это называлось - «десятниковать»). Однажды зимой Евдокии Карповне поручили разнести повестки по улицам о приглашении сельских жителей на общественные работы. Стоял такой мороз, что деревянная подошва башмаков промерзла насквозь. Внутри обуви образовался лед. Евдокия обморозила ступни ног.

В июне 1945 года у Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны Артюх и родились две девочки-близнецы. Назвали их Вера и Раиса. Они были светловолосыми и голубоглазыми в бабушку Настю, маму Ивана Игнатьевича.

В 1945 году на митинге в честь дня Победы Иван Игнатьевич потерял дочку Валю. Людей на площади в начале Калининской улицы было очень много. Валя, не найдя отца, пошла по дороге в сторону Камня-Рыболова. Дошла до конца улицы. Ее остановила женщина: «Чья ты? Как зовут? Где живешь?» Девочка не может ответить. Плачет. Женщина, ничего не добившись, повела ее в центр села. Как-то разыскала Валин дом. Отцу Ивану сильно досталось

от Евдокии Карповны за то, что недосмотрел за дочерью. Он тогда ходил на костылях, видимо не поспел за ребенком в толпе людей.

В послевоенные годы продукты, в том числе хлеб, еще получали по карточкам. С одеждой и обувью было плохо. Сами шили постельные принадлежности - наволочки и простыни. На кровати стелили овечьи шкуры вместо матрасов.

Запомнилось получение американской гуманитарной помощи в 1945 году. Как многодетной семье им выделили одежду для каждого из детей: девочкам платья, мальчику - рубашку и брюки, двум маленьким грудным девочкам-близнецам – красивые комплекты белья для младенцев. В американском платье Вале пришлось пойти в школу. Своей школьной формы у нее не было.

Дети зимой ходили в школу в валенках. Однажды Валины валенки поставили сушить около печки, и один валенок случайно сгорел наполовину. Завтра в школу идти не в чем. Пришлось Вале надеть на одну ногу старый валенок, который был на несколько размеров больше, а на вторую свой, уцелевший от огня. Так и пошла в школу.

Что такое колготки и рейтузы не знали. Евдокия Карповна шила шаровары. В них дети ходили в школу. Зимой в шароварах было холодно.

Не было угля и дров. Печь топили сеном и высохшими грубыми стеблями, которые не съедала корова («зЫдами»). Дети ходили в лес за хворостом. Собирали и сушили коровьи лепешки (кизяки) и тоже ими растапливали печку. Печь растапливали во что бы то не стало, старались, чтобы в доме всегда было тепло. Печь еще и лечила. Девочки-близнецы вспоминали, как их, простывших, мама натирала внутренним овечьим жиром (грудь, переносицу, ладони, пятки, спину), укутывала и укладывала на печную лежанку спать. Утром они поднимались пропотевшие, с мокрыми волосами, но здоровые.

Если начиналась ангина, врач назначал порошок хинин, очень горький на вкус. Позже хинин стали выпускать в таблетках с оболочкой, чтобы не был горьким. Потом появились антибиотики - тетрациклин в таблетках, а пенициллин и стрептомицин в ампулах для уколов. Стрептомицин через некоторое время отменили - он вызывал глухоту. Раны лечили керосином. Как-то летом Валя наступила на рыбью кость от верхогляда. Рана не заживала все лето. Вылечили, благодаря керосину. Когда стригли овец и случайно повреждали животным кожу, то сразу ранки тоже обрабатывали керосином.

Керосин помогал и от вшей. Было такое время: холодно, голодно. Плохие условия быта сельских жителей приводили к развитию эпидемии педикулеза. И дети, и взрослые испытывали это неприятное явление, в том числе и учителя в школе. С насекомыми боролись с помощью керосина.

Многие жители Хороля голодали. Валя, рассказывала, что в ее школьном классе был мальчик Витя Коробко, который очень недоедал в своей семье, был худой и бледный, и классный руководитель просила детей делиться с ним едой, которую ребятам давали с собой в школу родители.

Так тяжело жили люди в послевоенные годы, что даже были случаи, когда детей из-за невозможности прокормить навсегда отдавали в чужие семьи. Обычно это были семьи военных, которые, прожив некоторое время в Хороле, переводились на другое место службы, уезжая из села. Обращались с таким предложением и к Евдокии Карповне. Бездетная семья военнослужащих из хорольского гарнизона просила отдать девочек-близнецов, родившихся у нее в 1945 году: «Зачем они вам, ведь у вас уже есть трое детей?». Евдокия Карповна ответила отказом. Как она могла кому-то отдать своих детей? Она осуждала тех женщин, которые решились это сделать. Как бы ни было трудно, а дети Евдокии Карповны были всегда сыты и одеты. Откуда только брала силы? Она в последнюю очередь садилась за стол. Сначала всех накормит. Эта привычка – накормить родных, а потом сесть самой за стол где-нибудь с краю, сохранялась у нее и в лучшие времена. Евдокия Карповна, как многодетная мама, родившая и воспитавшая пять детей, была награждена «Медалью Материнства» II степени.

На огороде весной она старалась посадить как можно больше овощей, в том числе фасоль, горох, кукурузу. Разрабатывала каждый клочок земли. Когда вызревала на огороде кукуруза, ее сушили до ноября месяца на крыше дома. Сухую кукурузу дети лущили на специальной грубой терке. Сухие початки шли в растопку для печи, зерна - на корм домашним животным, а часть зерен дети растирали в чугунной ступке тяжелым пестиком. Получалась кукурузная мука. Из нее Евдокия пекла лепешки, которые называла «пэрэпички». В кукурузной муке не было клейковины, поэтому лепешки трескались и подгорали, но в пищу годились. Из мелких кукурузных крупинок варили кашу. Зерна кукурузы Евдокия Карповна распаривала в десятилитровом чугуне в печке. Кукуруза лопалась, превращаясь в белые «цветочки». Ею кормили домашних животных. Дети и сами могли поесть такого попкорна прямо из чугуна. Дедушка Игнат, работая на Пищепроме, приносил макуху или соевый шрот для животных. Дети и это пробовали на вкус, если очень хотелось кушать. Из муки Евдокия готовила затируху - подобие вермишелевого супа, когда из муки с водой делают мелкие жгутики, а потом бросают в суп.

Однажды случилось дождливое лето. Картошка - «плыскуха» (так ее называли за приплюснутую форму) на огороде начала гнить. Ее выкапывали, перебирали, но и целая, на первый взгляд неповрежденная, потом портилась. Чтобы не выбрасывать картошку Евдокия Карповна делала из нее крахмал. Для этого картошку дети перетирали в деревянном ящике с оцинкованным барабаном, имеющим рваные отверстия, как на терке. Барабан нужно было крутить ручкой. Из оставшихся картофельных стружек Евдокия лепила драники. Растительного масла не было в продаже. Жарили все на комбижире.

В июне на грядке завязывался молодой горох. Коля с Вале́й (Коле было восемь лет, Вале́ пять), впервые увидев маленькие стручки, прибежали к Евдокии Карповне, с радостью сообщая: «А у нашего гороха уже маленькие горошата!» «Хорошо,- ответила мама,- только собирать их еще рано». Но детям очень хотелось попробовать горошка. Они не послушались, начали срывать стручки, портить кустики. Тогда родители положили в борозде старый кожух, вывернув мехом наружу. Как будто лохматый зверь охраняет грядки. И тогда дети перестали рвать незрелый горох.

Дети играли в огороде и могли неосознанно что-нибудь сорвать. Валя как-то играла с соседкой Зиной Кавава в меже и нарвала пучок тонкой моркови на своих грядках, чтобы показать подружке оранжевого цвета корешки. Евдокия Карповна ее поругала. Она ухаживала за каждым кустиком в огороде, берегла посадки, чтобы потом в конце лета получить полноценный урожай.

Так же, когда подросли Вера с Раей, они могли в огороде срывать что-то незрелое. Чтобы девочки этого не делали, родителям приходилось и их пугать зверем-охранником.

Вера с Раей в детстве были беспокойными и непослушными. Валя однажды укладывала их днем спать на печке. Они крутились, баловались на постели. Мимо проходил их отец Иван Игнатьевич, и говорит: «Опять ляда стучит. Ветер сильный». Ляда по-украински - створки, ставенки. В этот день был ветер, и скрипели створки дверей на чердаке от сильных порывов ветра. Вера с Раей притихли, сжались в комочки и мигом уснули. В следующий раз Валя опять

пугала непослушных сестренок лядой, чтобы быстрее засыпали: «Не будете спать - ляда заберет!» И девочки быстро успокаивались.

Иван Игнатьевич вернулся с войны инвалидом. Евдокия Карповна его жалела и брала мужскую тяжелую работу на себя. Нужно сено косить - косила, огород вскапывать - вскапывала, могла и молотком пользоваться, чтобы что-то приколотить. Работала тяжело.

Держали корову. Коровы у Артюхов в разное время были потомками все той же симментальской породы, завезенной отцом Карпом - крупные, светлой масти. Конечно, они уже не были чистокровными, но отголоски породы оставались.

В конце сороковых годов семья лишилась коровы кормилицы, которую звали Ласточкой. Хорошо, что в хозяйстве подрастала еще маленькая телочка. Ласточка была любимицей Евдокии Карповны. С серыми ушками и такого цвета пятнами по бокам и спине, она отличалась необычным окрасом от коров, бывших прежде у Артюхов, и своих соплеменниц по уличному стаду. Давала много молока. Но произошло несчастье. Пастух рано утром повел коров на поле с клевером, покрытым обильно выпавшей росой. Животные наелись мокрого клевера, и у них начало развиваться вздутие рубца, по-научному - тимпания рубца. Бока надулись. Если коровам не оказать вовремя помощь, они погибают от удушья, так как рубец давит на сердце и легкие. Обычно пастухи, заметив такое состояние животных, принимали меры сразу: начинали их гонять по кругу или вести в гору, чтобы расслабить рубец. Ветеринары облегчали страдания коров, выпуская скопившиеся газы через прокол в брюшной полости. Ласточке помощь не оказали. Она погибла на пастбище. Евдокия Карповна горько плакала. Валя была маленькая, но запомнила, как мама остро переживала потерю Ласточки. Пятилетним девочкам-близнецам еще требовалось молоко. Но справились, пережили, пока не выросла новая коровка.

Евдокия Карповна делилась с соседками. Они знали, что у Дуни всегда можно было что-то попросить, она не откажет. Приходили и просили: «Дуня, дайте капусты». Она вынесет в мисочке квашеной капусты. Простят: «Дуня, дайте картошки (или фасоли на борщ, или еще чего-нибудь из продуктов)». Делилась с каждым.

Помогала преодолевать трудности крестьянская закалка. Хозяйство родителей Евдокии, как и всех переселенцев, приехавших на необжитое место, было натуральным. Делали все сами своими руками – строили дома, пахали землю, косили сено, молотили зерно, пряли ткани, шили одежду и обувь. Ведь приехали они в пустынные земли, где не было развито производство. Многие умела и Евдокия Карповна. Она была большая рукодельница. Сама шила одежду и обувь для всей семьи. В хозяйстве имелась старинная прялка с ножным приводом. Евдокия Карповна давала задание детям очистить овечью шерсть от колючек и мелкого мусора. Потом начинала прясть пряжу. Нужно было нажимать на деревянную педаль прялки ногой, чтобы колесо вращалось, заставляя поворачиваться и веретено.левой рукой расправляла волокна шерсти, а правой рукой сформированную нить направляла на веретено. Так получалась шерстяная пряжа, из которой Евдокия вязала платки, носки, рукавицы.

Для белья использовали рубель и качалку (скалку). Такие приспособления для глаженья (глажки) использовались в семье еще и в семидесятые годы, пока не появился электрический утюг. На качалку наматывали плотно белье, размещали качалку на краю стола и рубелем резко проводили сверху. В результате такой обработки ткань становилась мягкой, как глаженной.

Утюг был тяжелым - больше четырех килограммов. Перед глаженьем его нагревали на печи, потом брали за ручку, обмотанную тканью, чтобы не обжечься, и начинали гладить. Учитывая вес утюга, работа была нелегкой.

У Евдокии Карповны в доме было все, необходимое настоящей хозяйке тех лет: прялка; рубель и качалка; чугунный утюг; швейная машинка.

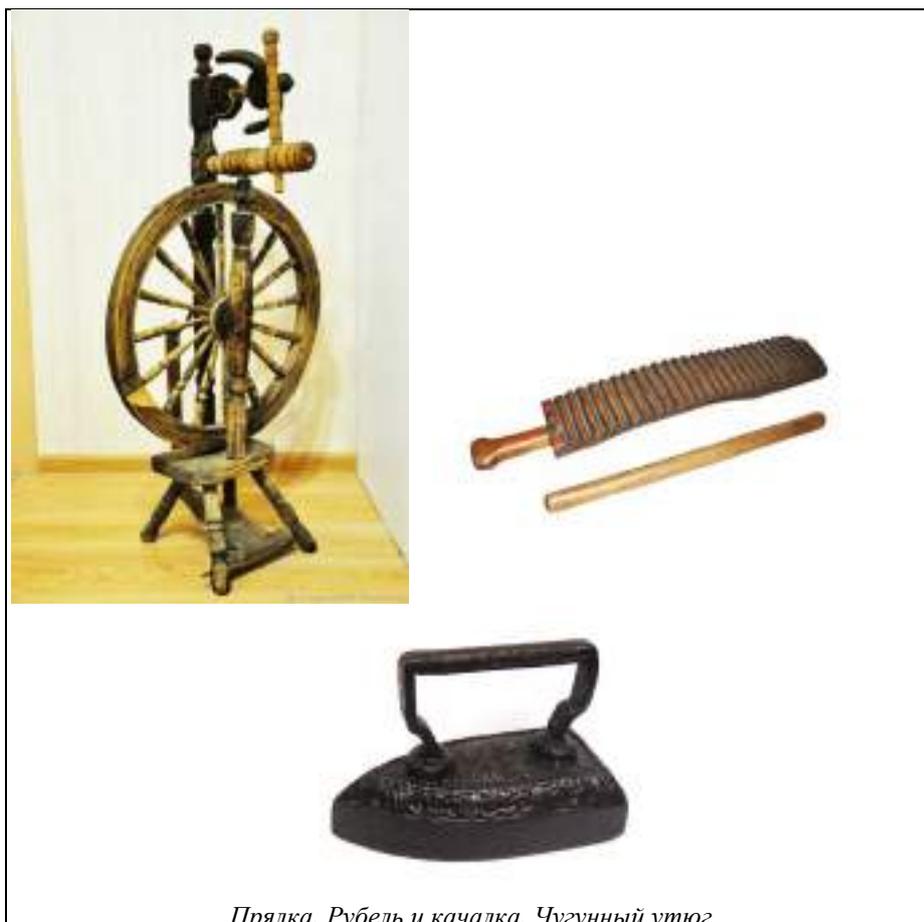
Швейная машинка «Зингер» досталась Евдокии в наследство от отца Карпа Степановича. Швейные машинки этой фирмы, производимые в Германии и России, были очень надежны. У Евдокии Карповны был настольный вариант машинки. Машинка накрывалась деревянным чехлом с ручкой, похожим на саквояж. На ней Евдокия шила даже

пальто дочерям, тапочки из парусины. Машинка прошивала любую плотную ткань. «Она прошьет даже железо!» - говорила Евдокия Карповна.

Вышивала крестиком. Дочерей научила шить и вышивать. Особенно любила вышивать средняя дочь - Валя. На стенах дома висели картины, вышитые ею болгарским крестиком. Валя хорошо рисовала. В школе на уроках рисования получала пятерки. Придя домой, школьные рисунки с уроков рисования перерисовывала на ткань. Так получались вышивки с цветами и котиками, из которых она шила наволочки для подушек-думок.

Девочкам-близнецам Евдокия Карповна вязала шапочки, украшая их впереди бантиком. А платьица им шила с разными по цвету пуговицами, чтобы знали, где чьи. Они возьмут платьица, посмотрят на пуговички и одевают каждый свое. Как все близнецы, девочки носили одинаковую одежду. В семье они были любимицами, самыми маленькими и внимания к ним было много. Как-то за двором соседские дети играли с девочками и одна, уже взрослая девушка взяла маленькую Веру за обе руки и начала ее кружить над землей. Вера поначалу смеялась, а потом вдруг закричала от боли. Ручка вышла из сустава в плече. Евдокия Карповна подхватила Веру и побежала на Дациивку. Там жила Мищенчиха - бабушка-костоправка. Она вправила Вере ручку на место. После этого случая Евдокия Карповна говорила всем: «Никогда не поднимайте детей за руки!»

У Евдокии была такая традиция: в воскресенье обязательно накормить родных борщом с мясом или с салом. Она шла на рынок, который был на месте современной автостанции, продавала десяток яиц и на вырученные деньги покупала кусочек мяса или сала. Чтобы долго не стоять на рынке – продавала яйца подешевле. Торговки шипели на нее: «Зачем сбавляешь цену?» Они не понимали, что ей нужно спешить домой к детям.

Прялка, Рубель и качалка, Чугунный утюг

Кровать с подзорами в деревенском доме

В будний день обычную пищу для семьи составляли овощи - картофель, запеченные тыква и свекла. Круп было мало. Каши готовили редко. Дети вспоминали, каким вкусным казался им хлеб с соленым гусиным салом или маргарином. Ели и соленое овечьё курдючное сало, намазывая его на хлеб. Фасолевый суп считался у них деликатесом. Летом Евдокия Карповна пекла пирожки или лепила вареники с ягодами паслена. Он в изобилии рос на огородах, как сорняк. Ягоды паслена, желтые или черные, были сладкими и вполне пригодными для еды. Запекала в печке тыкву с ягодами калины. Получалось очень вкусное пюре-начинка для пирожков.

На свекле делала квас. Кусочки свеклы заливала водой и ставила в теплое место у печки. Потом вся семья пила такой квас. Современные сторонники здорового питания сейчас бы сказали: «Как это было полезно!»

Девочки-близнецы вспоминали, как мама делила на всех детей свиное сало, отрезая по кусочку каждому. Все съедали сало за обедом, а брат Коля прятал свой кусочек в жестяную коробочку из-под конфет «монпансье». Ставил коробочку на потолочной балке. Вечером он вынимал сало и дразнил младших сестренок тем, что у него есть еще свой кусочек, а у них уже нет. Девочкам очень хотелось отведать сала. Подразнив немного Веру и Раю, он разрезал сало на части и делился с сестренками. Иногда в эту коробочку он прятал вареную фасоль: «На потом!». И так же вечером, раздавал сестренкам.

Но у семьи все-таки было свое богатство - мед! Иван Игнатьевич завел пасеку. Ульи стояли в палисаднике, потом он стал вывозить их для медосбора в лес на липу и в пойму реки Мо. У детей появилось лакомство! Летом Иван Игнатьевич выносил мед и порезанные ломти хлеба на улицу, где играли свои и соседские дети, и угощал ребят.

На зиму солили в бочках огурцы, помидоры, капусту, свеклу, грибы опята. Деревянные бочки продавались в сельпо. Они освобождались из-под соленой рыбы и масла. Иван Игнатьевич ходил в магазин за бочками по просьбе Евдокии Карповны. Особенно ей нравились бочки из-под рыбы. Рыбный соленый раствор не давал им рассыхаться, придавая герметичность. Чтобы избавиться от рыбного запаха Евдокия ошпаривала бочки с помощью раскаленного в печи большого камня. После этого дополнительно пропаривала бочку

листьями кукурузы и укропа. Теперь можно было приступать к засолке в подготовленных бочках. Так семья делала запасы солений на зиму.

Летом ловили рыбу. Если повезет, Иван Игнатьевич, привозил целую телегу улова. Караси, сазаны, верхогляды, сомы - рыба, обитающая в реке Мо. Рыбу вялили на крыше дома, оставляли на зиму про запас. Иван Игнатьевич очень любил рыбалку.

В магазинах всегда была морская рыба в продаже, в том числе соленая бочковая селедка и соленая красная рыба. Красная рыба по 4 рубля 90 копеек за килограмм. После денежной реформы - 49 копеек. Продавались разные рыбные консервы, даже консервированные крабы. Это сейчас крабы - редкость, а тогда их было много в море. Но вкуса крабовых консервов не понимали. Больше нравилась соленая рыба - селедка и красная.

Летом и осенью в лесу собирали дикоросы: боярку, виноград, лесной орех, шиповник, дикие яблочки, калину, лимонник, красную смородину. Дикие яблочки (*плоды яблони маньчжурской*), мелкие, малинового цвета, летом кислые и терпкие, а осенью после первого мороза становились мягкими и приятными на вкус. Из них варили компот и готовили начинку для пирожков. Ходили вместе с детьми в сопки в сторону Поповки.

Орешник в лесу встречался двух видов: кусты высотой до 3-х метров с круглыми орехами (*лещина разнолистная*) и кусты высотой до 4-5 метров с мелкими остроконечными орехами, обертка которых была покрыта рыжеватыми щетинками (*лещина маньчжурская*). Орехи второго вида лещины были более вкусными, напоминающими по вкусу фундук, но только еще более пикантными. Дети их особенно любили. Евдокия Карповна называла такие орехи «волосскими». Видимо, её отец Карп так называл эти орехи. «Волосским» или «волошским» в дореволюционной России именовали грецкий орех, так как в старину он поступал из Европы в Россию через румынскую область Валахию. Карп, видимо, помнил название и вкус грецких орехов еще с той поры, когда жил на Украине, и обозначил лесные приморские орехи точно так же.

На склонах сопки росли дикие абрикосы (*абрикос маньчжурский*). Много их было на благодатенских сопках. Весной, в мае, лес покрывался розовыми пятнами из скоплений цветущих абрикосовых деревьев, похожих на розовые шатры. Плоды абрикоса, также, использовали в пищу, несмотря на их горьковатый вкус.

Орехи и ягоды сушили на чердаке дома («на горыще»), расстилая тонким слоем. Калину связывали в пучки, ягоды винограда, лимонника, боярышника и орехи ссыпали в мешочки.

Однажды Евдокия Карповна стала собираться в лес одна за виноградом. Маленькая Валя, еще подросток, стала проситься с мамой в лес. Евдокия Карповна отказывала ей, ссылаясь на то, что идти далеко и Валя устанет. Но потом все-таки взяла дочь с собой: «Та иды уже!». Они прошли до Поповки (расстояние 8 километров), потом поднялись в сопки. Обратного возвращения с котомками, полными винограда. Жарко, тяжело, кусают комары. Спина мокрая от виноградного сока. Валя теперь поняла, почему мама не хотела брать ее с собой. Но терпела всю дорогу, стараясь не показывать усталости. Пришли к девяти часам вечера домой. А еще нужно готовиться к урокам.

Валя рассказывала, что Евдокия Карповна собирала ягоды в лесу бережно и так же учила делать своих детей. Она осуждала тех людей, которые, чтобы достать верхние ягоды лимонника или винограда срывали целые лианы с деревьев, нанося тем самым вред растениям. Лоза после такого обращения не восстанавливалась.

Насколько урожайными были леса на дикий виноград можно судить по тому, как однажды, собирая виноград в сопках, Коля с Валею чуть не потеряли деревянную кадку, уже заполненную гроздьями. Оставили кадку в условленном месте, чтобы не таскать с собой. А винограда вокруг много. На расстоянии вытянутой руки. И там, и там. Куда не пойдешь. Увлеклись сбором. Когда пришло время искать кадку с виноградом, не могут найти. Все вокруг одинаково. Долго искали. Невольно подумали, что леший их водил по кругу, подшучивая. Но нашли, наконец. Не так далеко ушли от нее.

В сопках у Артюхов было любимое место для сбора дикоросов - Каменная падь. Падь между двумя сопками устилала камни разной величины. Вероятно, в далекие времена это

было ложе древней реки, или камни накапливались в ней, скатываясь со склонов скалистых сопок. На пади росло много калины и орешника.

Повзрослев, дети ходили в сопки за дикоросами самостоятельно. Особенно любили они наведываться на поповскую пасеку к дяде - **Якову Григорьевичу Сесько**, двоюродному брату их отца Ивана Игнатьевича. Мать Якова – бабушка Оксэня была родной сестрой Игната Григорьевича Артюха. Она вышла замуж за жителя Поповки Григория Сесько и жила с семьей в Поповке. У Оксэни (Ксэни) родилось 5 сыновей (Петро, Васыль, Степан, Яков, Иван) и одна дочь Мария. Петр Григорьевич воевал, горел в танке, едва остался в живых. Его лицо и руки носили следы страшных ожогов. Жил в Поповке с женой и пятью детьми, был пастухом. Иван Григорьевич стал военным. Степан Григорьевич - учителем. Василий Григорьевич работал в Поповке, некоторое время был председателем совхоза «Приморье». А Яков Григорьевич в те годы трудился на колхозной пасеке за селом. Он был большой весельчак и балагур, любимец женщин. Яков радушно встречал племянников на пасеке, угощал их чаем с медом. Показывая рукой, где больше всего ягод в окрестных сопках, дядя Яков говорил: «Туда - не ходы. Там мэдвидь живэ. Сюда – не ходы. Там кабан живэ. А сюда - ходы». Конечно, кабанов, а тем более медведей поблизости не было. Дядя любил пошутить. А может, он хотел уберечь детей от труднодоступных мест в лесу.

Якова родители с удовольствием приглашали на праздники и семейные мероприятия. Он был душой компании, шутил, веселил всех за столом. Очень артистично читал Письмо запорожцев турецкому султану. Брал в руки кусок газеты, изображая текст, и начинал громко декламировать письмо наизусть. Гости от смеха держались за животы и падали под стол.

Картина И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». 1891г.

У Якова было яркое прошлое - участие в партизанском движении в Хорольском районе. Некоторое время Яков Григорьевич работал председателем колхоза «Коллективный труд» в Поповке в начале пятидесятых годов. Был активным сторонником Советской власти. Завещал провести свои похороны под Красным Знаменем. Его волю сельские руководители в Поповке исполнили. Похоронили с почестями, как героя Гражданской войны.

Иван Игнатьевич и Евдокия Карповна держали корову, домашнюю птицу, позже появились овцы. Коз не заводили из-за вредного их характера. «Хочешь поссориться с соседями - заведи козу» - гласит народная пословица. Козы в поисках еды обгладывали все, что попадалось на их пути - деревья, кусты, траву. Если залезут в огород, поедят все, что будет перед глазами. Овцы же отличались более покладистым и смирным характером.

Коровье молоко в семье было всегда. Вкусное, жирное. А также, сметана и творог. В сарае, где жила коровка, над входной дверью снаружи ласточки свили гнездо и каждую весну прилетали на родное место жительства выводить новых птенцов. Они так привыкли к людям, что совершенно не боялись, когда Евдокия Карповна шла с ведром доить свою Марту. Не боялись они и того, что в «базу» жили куры, утки и стоял птичий гомон.

Как-то Евдокия Карповна заболела и не в силах была подоить корову. Марта признавала только свою хозяйку. Не доверяла доить себя никому другому. Повернет голову вбок, увидит, что не ее любимая хозяйка пришла и не дается в руки. Тогда Евдокия Карповна предложила дочери Вале надеть свое платье, чтобы обмануть бдительность Марты. Валя в платье мамы пришла в сарай, и коровка позволила себя подоить, приняв Валю за Евдокию Карповну.

Когда рождались ягнята у овец (обычно это было в апреле, мае), овечку с новорожденными забирали домой, в тепло, пока не окрепнут. Они жили на кухне напротив печи. Овечку-мату привязывали к стене, куда был вделан специальный крюк, а ягнята были рядом с ней. Ягнята, иногда начинали бегать по комнате вместе с детьми. Дети, балуясь, с разбегу прыгали на кровати, и ягнята за ними скакали по кроватям. Дети играли с ягнятами, как с котятками. Брали их с собой на печку. Настолько эти малыши были миленькими, хорошенькими, что очень хотелось их гладить и обнимать. Евдокия Карповна только не разрешала их гладить по голове, чтобы не выросли бодливыми. Как-то родились у овечки двое ягнят – черный и белый. Маленькая Вера, еще не умела выговаривать букву «б», и, играя с малышами-ягнятами, говорила: «Пелый не пьется, а черный пьется!»

Бывало, что овечки-мамы не принимали своих детей после рождения, отказывались кормить их. Чтобы заставить овечку-мату признать новорождённых ягнят, шерстку малышкой вымазывали ее слюной, и тогда овечка успокаивалась и принимала их, за своих родных.

Овец осенью и весной стригли специальными ножницами. Для этого Евдокия Карповна расстилала ткань на земле, овечке связывали передние и задние ноги и укладывали набок. Дети помогали удерживать животных в таком положении, чтобы не сопротивлялись. После стрижки у овец открывалась мягкая кожистая борода, свешивающаяся с нижней челюсти. Дети гладили их по мягкой остриженной голове.

Если рождался теленок у коровки, его тоже забирали в дом, в тепло. Где только всем находилось место? Хозяйка старалась не прокараулить время рождения теленка. Обычно отел происходил ночью, под утро. Ходили по очереди в сарай с керосиновой лампой. С лампой приходилось обращаться осторожно: в сарае мог возникнуть пожар. Позже появился фонарь «летучая мышь». Теленка забирали сразу после рождения от коровы-матери, чтобы она не поняла, что с ней произошло и не привязалась к теленку. Если не успевали вовремя забрать новорожденного, корова его облизывала, и он, окрепнув, поднимался на ножки и начинал сосать молоко. Тогда разлучение с теленком становилось для коровы стрессом. У нее падали удои, так как организм рефлекторно и физиологически настраивался на кормление молоком только теленка. Как говорили в народе, корова «воровала» молоко у хозяйки, оставляя его теленку. Иногда коровы хитрили. Когда подходило время отела, они покидали стадо и уходили в лес. Так бывало у тех хозяев, коровы которых паслись в холмистой местности, а не в степи. В сопках коровам можно было укрыться. Через несколько дней после отела корова

возвращалась в стадо уже с теленком. Тогда разлучить корову и теленка становилось очень тяжело. Поэтому и нужно было контролировать время отела. В домашнем хозяйстве по-другому быть не могло. Только своевременное разлучение коровы и теленка было безболезненным для коровы-матери и новорожденного. Телят отдельно выхаживали от матерей. Поили их молозивом, которое вырабатывалось у коровы в первое время после отела. Вовремя разлученные с телятами коровы потом никаких родственных чувств к своим детям не проявляли.

В апреле в доме под кроватями высиживали яйца гусыни. Одна, две и даже три могли одновременно сидеть на кладках. Евдокия Карповна обустроивала им соломенные гнезда. Они сидели тихо-тихо. И только проголодавшись, давали знать о себе громкими криками. Хозяйка кормила, поила их, убирала туалет за ними, и гусыни опять усаживались на свои места. Так продолжалось три недели. Наконец, из яиц вылуплялись гусята. Уже был май, тепло на улице, и Евдокия Карповна выпускала гусынь с гусятами во двор на травку. Когда гусята немного подрастали, хозяйка разрешала им идти на волю. Взрослые гуси вели гусят на выпас за огороды, за амбары, где сейчас Новый Луговой. Там птицы паслись целый день, купались в «копанках», так в народе называли заброшенные капониры для танков, заполненные водой. К вечеру гуси приходили домой с полными зобами и даже пищеводами, так что, шеи у них надувались. Но они все равно требовали еды. Евдокия Карповна насыпала им зерна. К осени гуси сильно жирели.

Евдокия Карповна подверглась однажды нападению бодливой коровы. У соседней Шутько была вредная бодливая корова. Когда пастух пригонял стадо на отдых и дойку за амбары, хозяйки шли доить каждая свою корову. Евдокия начала доение, а в это время рядом проходила корова Шутько, и что-то вывело ее из равновесия. Она стала бодать Евдокию Карповну рогами, повалила на землю. Ведро с молоком опрокинулось. Сколько бы это продолжалось – неизвестно, если бы не пастух, отогнавший агрессивную корову. Евдокия Карповна с ушибами и синяками на теле вернулась домой. К вечеру распухло колено. Пришлось обращаться за помощью к костоправке Мищенчихе. После этого происшествия напавшей корове повесили деревянную дощечку на глаза – шоры, с которой она ходила на выпас. Дощечка не давала ей видеть, что находится впереди. Она могла смотреть только вбок и вниз. В то время бодливые коровы не были редкостью. Хозяев обязывали одевать шоры таким животным и вешать им на шею табличку с надписью: «осторожно, бодается».

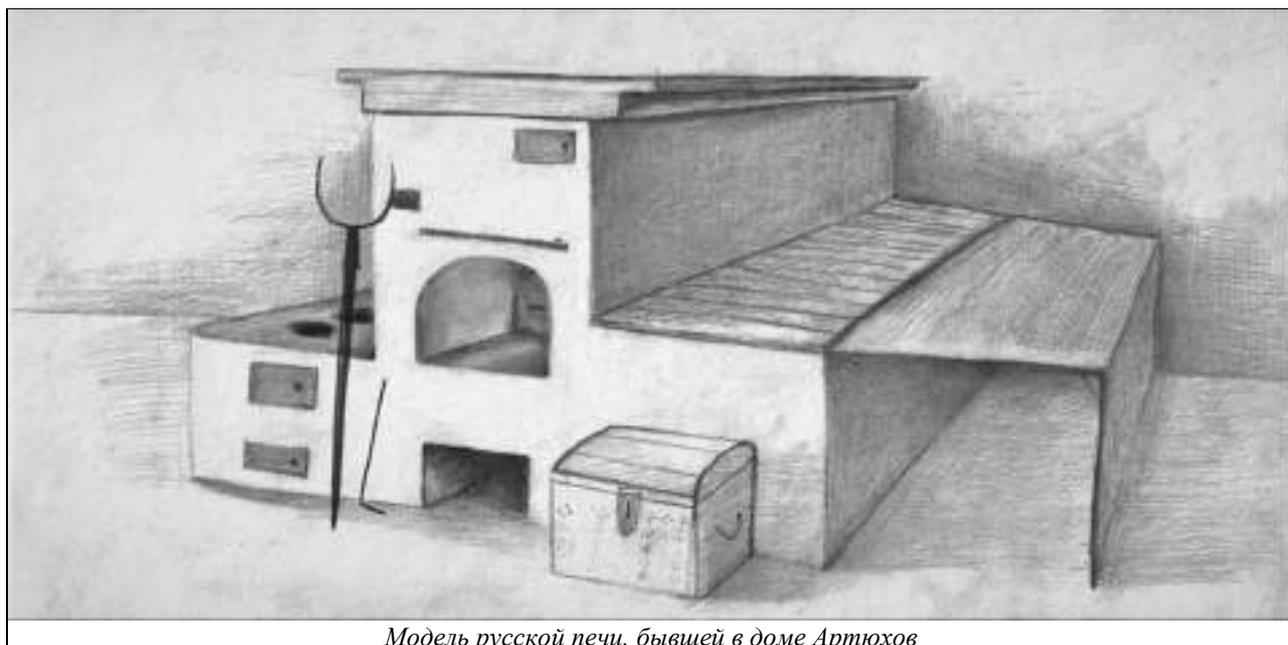
В доме Артюхов была одна большая комната и кухня с русской печью. На печи спали Валя и Вера с Раей. Там можно было разместиться и вчетвером, а то и впятером. Возле печки стоял сундук - тоже спальное место, когда было необходимо. Сундук был старинный кованный. Тяжелый, с ручками. В свое время он хранил приданое Евдокии Карповны.

Старинный сундук. Такой был у Евдокии Карповны

Дети забирались на сундук, потом поднимались на черень (черенку). Так называлась лежанка - самое теплое место печи. К черенке примыкали полаты - деревянный настил, пристроенный к стене кухни. Спали на полатах головой к стене, а ногами на черени. Ноги были в тепле, а голова в прохладе у стены. Под полатами было свободное пространство. Там хранилась домашняя утварь. А в холодное время зимой нередко жили гуси или ягнята.

Печь была небольшого размера, но состояла из плиты, которую можно было отдельно растапливать и готовить на ней, и устья, которое топилось в глубине печи. Пространство перед устьем называлось шесток. В устье помещали чугуны с помощью ухвата (рогач по укр.). В чугунах еда томилась. Плита и устье никогда не топились одновременно. Пользовались всегда чем-то одним. Устье, если не использовали, прикрывали ситцевой занавеской. Вверху справа от устья была выюшка трубы, которая прикрывалась по мере надобности. Слева вверху от устья – печурка - небольшая внутренняя полочка, где хранились спички.

Модель русской печи, бывшей в доме Артюхов

Русская печь - очень сложное сооружение. Мастера-печники были на вес золота в селе. Мастерство передавалось от отца сыну. Правильно построенная печь - залог тепла и уюта в доме. Русская печка просуществовала в доме Артюхов до 1968 года. Потом ее перестроили и оставили только плиту с обогревателем.

Пол в хате был из некрашенных деревянных досок. Специальным березовым веником, «дэркачом» по-украински, доски пола дети, по просьбе Евдокии Карповны, начищали до желтого цвета во время уборки. На Троицу пол устилали свежескошенной травой, стены украшали березовыми веточками. На праздник в хате приятно пахло зеленью.

Вместо ковра на стене над кроватью в большой комнате висела сатиновая ткань, украшенная по краю кружевом. На окнах штор не было. Висели задержушки из простой ткани или из крепленной бумаги. Из бумаги же над окнами Евдокия Карповна сделала подобие ламбрикена, украсив его бумажными цветами. В начале пятидесятых годов по улице ходил художник, предлагая жителям рисовать картины на заказ. Для изготовления картины он просил предоставить только простынь. Евдокия заказала у него картину. И художник вскоре принес ее хозяйке: белую простынь он превратил в полотно, крепко загрунтовав его. На картине была изображена спящая молодая прекрасная девушка с длинными волосами на фоне синего неба и цветов лотоса. Вокруг спящей красавицы летали маленькие хорошенькие ангелочки. Картину можно было бы назвать «Сон молодой девушки». Эту картину размерами 2 метра в ширину и метр тридцать сантиметров в высоту повесили над кроватью вместо ковра.

Валя перерисовала изображение ангелочков на бумагу, оттуда на ткань и вышила рисунок. Из капроновых нитей сделала ангелочкам волосы. Из вышитой ткани она смастерила газетницу, которую повесили на стену.

После войны дома сельчан начали радиофицировать. У Артюхов в доме появилось радио. Представляло оно из себя черного цвета картонную тарелку с катушкой. Проводили специальную электропроводку в дом. Радио подключалось к сети вилкой. Радио в доме им устанавливал родственник – Иван Петрович Козуб (Ванюха, как называла брата Евдокия), радиомонтер по профессии.

Швейная машинка фирмы «Зингер» стояла в комнате на столике возле стены, обогреваемой печью. Евдокия Карповна говорила, что для машинки требуется теплое место.

Швейная машинка «Зингер». Такая модель была у бабушки

Радио послевоенных лет

Как-то раз на столик с машинкой поставили кувшин с полевыми цветами. В этот день выносили воду из погреба, которая иногда скапливалась в нем после дождей, и поэтому погреб открыли. Рая, которой было тогда три годика, засмотревшись на цветы, побежала по комнате и упала в погреб, в воду. Евдокия Карповна кинулась - нет Раи в комнате. Начала везде искать

ее и вдруг увидела, что девочка в подполье. На поверхности воды плавало ее платье. Евдокия схватила кочергу, вытащила Раю за платье, и давай приводить дочь в чувство. Слава богу, все обошлось хорошо.

В комнате стояли вдоль стен кровати Коли, Кати и родителей. Возле окна - комод с фикусом и в кадке на полу китайская роза - Гибискус. Роза появилась в доме в 1937 году, в год рождения Коли. В начале пятидесятых годов это было уже большое дерево с толстым стволом у основания. Как-то Валя, отметив, что розе уже много лет, по-детски наивно спросила маму: «Интересно, кто дольше проживет на свете - Коля или роза?» Евдокия Карповна промолчала в ответ, но на следующее утро китайской розы в комнате не было.

Однажды Коля попался на воровстве огурцов с колхозного поля. В Хороле был колхоз имени Жданова. Колхозные поля начинались сразу за огородами жителей улицы Калининской. На полях колхоза уже созрели огурцы, а на домашних огородах еще нет. Коле, которому тогда было лет 12, захотелось огурцов, и он с мальчишками побежал их собирать на колхозное поле. Там его поймали колхозницы и привели в контору: «А, ну, сознавайся, кто твои родители?» Он долго отпирался: «У меня нет родителей. Я бэспризорник!» Работницы все-таки вынудили его открыться. Нашли Евдокию Карповну. Она забирала сына из конторы. Потом в семье долго вспоминали, смеясь, как Коля назвал себя беспризорником.

Колхозники очень бдительно следили за своим хозяйством. Охраняли поля, чтоб никто ничего не украл. Смотритель на лошади объезжал колхозные посеы в поисках нарушителей. Если скот случайно забредал на поля – заставляли жителей платить штрафы. Как-то пришлось Евдокии забирать свою корову из-под ареста. Колхозники закрыли несколько коров за то, что они зашли на посеы овса. Детям, пасшим коров, досталось от родителей за то, что недоглядели, «запасли коров». Колхозники заставили платить штраф.

В Хороле организовали Заготконтору, ее еще называли Продснаб. После войны сельские жители обязывались выплачивать государству продовольственный налог. Все домашнее хозяйство описывалось, вплоть до того, сколько на подворье куриц. Сдавать надо было шкуры забитых домашних животных - овец, быков, свиней, овечью шерсть, яйца и молоко. За сданную продукцию выплачивали небольшие деньги. Молока в срок от отела до отела коровы требовалось сдать на маслозавод 250 литров. Маслозавод размещался на месте современного рынка в центре Хороля. На маслозавод носили молоко дети Евдокии Карповны. Пока молоко у них принимали, они заглядывали в щелочку в стене, подсматривая, как делают из молока масло. Посреди большого помещения стоял огромный чан с маслобойкой. Маслобойка была с конным приводом. Вокруг нее ходила запряженная лошадка с шорами на глазах, приводя в движение механизм сбивания масла из молока. Шоры лошадке одевали, чтобы не кружилась голова.

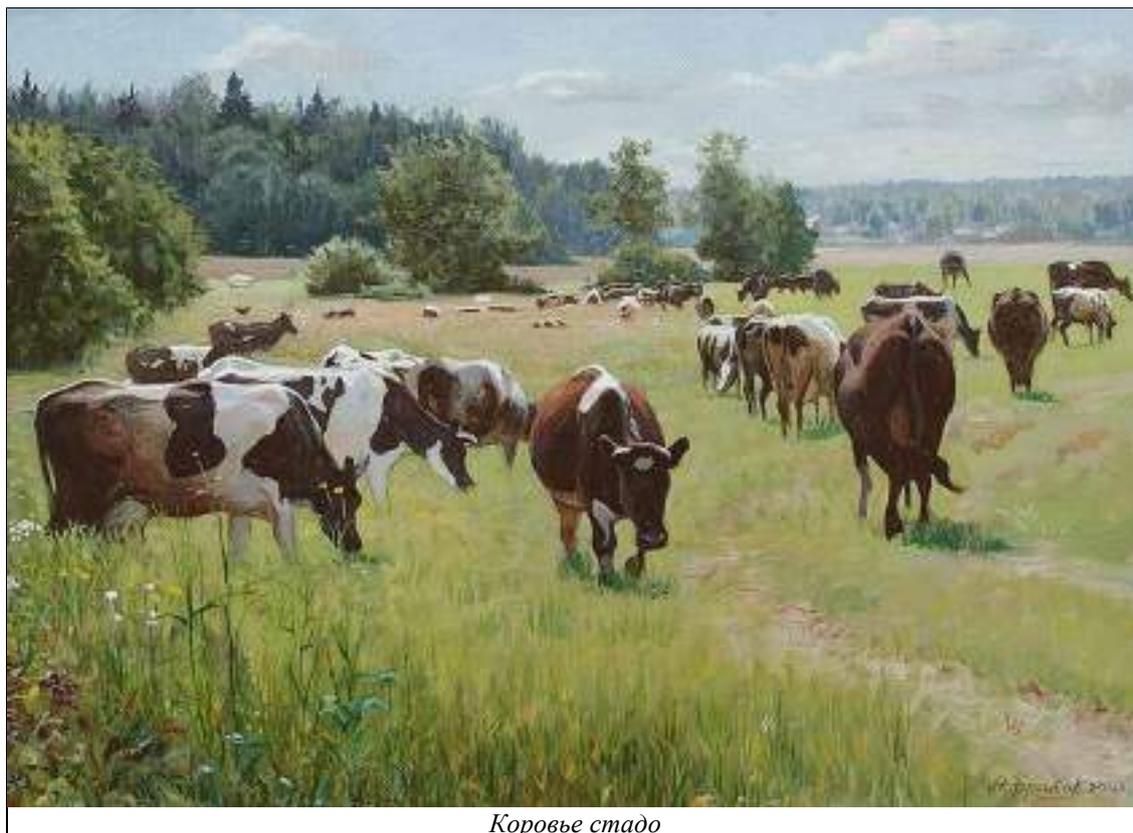
Молоко их коровы было большой жирности, доходившей до 6%. За жирность больше доплачивали. Но как-то дети принесли книжку, где фиксировалась сдача молока, в которой стояла жирность 2,6%. В следующий раз – 2,2%. Возмущенная несправедливостью Евдокия Карповна пошла разбираться к приемщицам: «Зачем обманываете? Молоко желтое, жирное!» Почему они ставили низкие цифры в книжку? Может, чтобы меньше заплатить денег, а может, чтобы потом разбавить жирное молоко водой для большего количества. Хозяйка отстояла свое молоко. Позже Евдокии Карповне, как многодетной матери, разрешили молоко оставлять в семье, а сдавать государству масло, которое она покупала в магазине.

Во дворе дома и по улице летом дети бегали босиком, но в лес или на пастбище родители никогда не отпускали ребят без обуви. Что-то находили одеть на ноги. Соседские дети тоже бегали босиком. У одной девочки были черные, блестящие на солнце подошвы ступней, она, видимо, не мыла ног на ночь, и на ее коже постепенно образовался земляной слой от каждодневной беготни босиком.

Коля и Валя уходили рано утром пастить корову. Иногда они чередовались: один день Коля, другой день Валя. Мама поднимала их в половине пятого утра. С собой выдавала еду: бутылку молока, хлеб, вареные яйца, кочан вареной кукурузы. Они собирались вместе с соседскими ребятами, тоже выведившими своих коров пастись.

Ребята водили коров на поля в сторону Поповки, в район Шевелевой сопки и на падь. Домов на пади в пятидесятые годы еще не было. Река, более полноводная, чем сейчас, широко разливалась, и дети бегали по мелководью, поднимая брызги, пока паслись коровы. По берегам рос лозняк. В реке плавали домашние гуси и утки.

В компании мальчишек - пастушков Валя была одной девочкой, лишь изредка их было двое - свою корову выводила на пастбище Нина Богатырева. У Нининых родителей была своя пекарня дома, и она приносила с собой самопеченый хлеб - так называли домашний хлеб. Очень вкусный, из гречневой муки или из пшеничной. Вале с Колей сильно нравился домашний хлеб, а Нине, наоборот, заводской, и дети обменивались хлебом, садясь на обед в поле. Прыжки по кочкам за коровами иногда приводили к тому, что в бутылке с молоком образовывалось масло и пахта. Приходилось выпивать эту смесь вместо молока.

Коровье стадо

Мальчишки научили Валу игре в ножичек. Ножик нужно было ловко кидать с пальцев, с кисти руки, с колена, с подбородка, даже со лба так, чтобы он воткнулся острием в землю. Игроку, которому не удавалась с какого-либо положения попасть острием в землю, говорили: «Все, стратил!» Он выходил из игры и наказывался – должен был зубами вытащить забитый в землю деревянный колышек. Игра в ножичек научила Валу меткости. Потом это пригодилось во взрослой жизни, когда требовалось выполнять точные движения во время работы.

Вале доставалось от проказливых мальчишек. Однажды ее с Ниной они закрыли в дзоте – устроили им «темную»: заложили телогрейкой амбразуру, и сели, подпирая ее спинами. Темнота, жара, внутри дышать нечем. Девочки начали плакать и кричать от страха. А мальчикам было в удовольствие попугать девчонок! Потом открыли амбразуру, выпустив перепуганных пленниц.

В следующий раз мальчишки нашли гнездо шмелей. Им очень захотелось отведать шмелиного меда. Но как прогнать обитателей гнезда? Они надели рубашки на головы, а Валу заставили палкой раскопать жилище шмелей. Она послушалась, расшевелила шмелиное гнездо, откуда незамедлительно вылетел рой шмелей. Крылатые насекомые набросились на Валу, начали жалить. У нее распухло лицо, и заплыли глаза от укусов.

Ребята по очереди бегали за коровами на поле, собирая их вместе, чтобы не разбрелись далеко. Очередь устанавливали жеребьевкой: брали длинную палку и каждый хватался за палку рукой до тех пор, пока чья-то рука не оказывалась на вершине палки. Этот последний жеребьевщик должен был оббежать стадо вокруг. К двум часам дня стадо пригоняли домой. Коров хозяйки доили, а потом животные отдыхали. Дети тоже ложились вздремнуть. В четыре часа опять коров вели на пастбище и приводили домой к десяти часам вечера. Это продолжалось каждый день, все лето, в любую погоду. В дождь, жару. В дождь дети надевали резиновые сапоги. Бегали по полям с хлюпающей водой в сапогах.

Коровы паслись, а ребята играли в капонирах для танков, оставшихся после подготовки к войне с японцами, купались во рвах, заполненных водой. Успевали облазить окопы. Если беспокоил голод - ели лепестки шиповника, какую-то траву, которую называли кисличкой. Соревновались между собой в том, насколько больше каждый найдет птичьих гнезд в кустах. Больше всего птичьих гнезд удавалось найти Коле.

Птиц в полях за огородами было множество. Бегали перепелки, жаворонки пели высоко в небе, ласточки летали стайками. Дети знали, что когда ласточки летают низко над дорогой - быть дождю.

Нередко ежиное семейство переходило дорогу в поле – мама ежиха и несколько ежат.

На одной из сопки было много звериных нор. Как-то в высокой траве Валя набрела на такую нору. Из темноты логова на нее смотрели два огромных зеленых глаза. Может лисьи, а может, волчьи. В страхе Валя быстро убежала оттуда.

Дети иногда видели волков. Они сопровождали стадо, широко прыгая по склонам сопки. Серых хищников тогда развелось так много, что они начали нападать на колхозные стада в Хороле и Поповке. Власти объявили охоту. Собрали охотников и за вознаграждение попросили отстрелять волков. Был такой охотник в Хороле по фамилии Дергач. Очень меткий. После охоты, возвращаясь из леса, шел по улице Калининской, неся на длинном шесте несколько свежих волчьих шкур. С волками вскоре было покончено. Нападения на колхозный скот прекратились.

Как-то раз пастушки «запасли» овец. Овец с коровами иногда выводили в одном стаде. Пока коровы отдыхали на траве в конце Калининской улицы, где начинались колхозные поля, дети играли в карты. Заигрались и не увидели, как овцы покинули стадо. Овцы были намного меньше коров по размеру, незаметнее, и когда паслись, не поднимая головы, шли и шли друг за другом, находя новую траву, делая небольшие переходы. Так и ушли потихоньку с места стоянки. Где их искать? Ребята привели домой коров без овец, предчувствуя нагоняй от родителей. Все тогда боялись волков, поэтому взрослые быстро собрались. Кто на лошадях, кто пешком пошли искать сбежавших овец. Нашли их в сопках в конце улицы Комсомольской. Все животные были целы.

В полях ребята обнаруживали оставленные военными боевые снаряды. Однажды Валю, как самую младшую и безотказную среди детей, мальчишки заставили нести в руках танковый снаряд на сопку в конце улицы Калининской. Там, в окопах, дети развели костер и бросили в него снаряд, а сами спрятались в кустах, наблюдая, что же будет. К счастью, снаряд не взорвался.

За сопкой в сторону Поповки было стрельбище. Часто слышались звуки выстрелов, потом над сопкой поднимались облака дыма. Мальчишки бегали и туда. Подбирали оставленные боеприпасы и поджигали их. Одному из мальчиков оторвало взрывом ногу. На всю жизнь он остался инвалидом, передвигался на костылях. Кому-то оторвало пальцы.

Маршрут выпаса коров пролегал рядом со стрельбищем, начинавшимся по правую сторону дороги на Поповку в конце улицы Калининской. Когда дети с коровами подходили близко к полигону, к ним бежал военный с флажками, требовал быстро уходить с этого места, так как здесь проходят стрельбы. Вале пришлось даже услышать свист пули рядом с собой. Опасно было находиться в районе стрельб, но юные пастушки не были виноваты: непослушные коровы могли так разбрестись по сопкам, что трудно их было собрать вместе.

Позже, для своего коровьего стада жители улицы Калининской наняли постоянного пастуха, с которым расплачивались ведром картошки за корову. По очереди хозяйки каждый день кормили пастуха обедом. Пастух приходил к Евдокии Карповне на обед не один, а брал с собой своего сына: «Там хорошо кормят». Евдокия Карповна старалась накормить рабочего человека повкуснее, пастух был ей очень благодарен за это.

Дети перестали пасти коров, но им находилась другая работа. В 13 лет Коля пошел работать на кирпичный завод. Помогал обжигать кирпичи. Завод был крупным для Хороля предприятием. Глину для кирпичей добывали тут же, в карьере. От карьера шли рельсы, по которым материал в вагонетках доставляли на завод. Рабочие готовили кирпичи в формочках, потом в специальных тележках готовый сырец отправляли в печи. Печи были большие, имели своды. Температура обжига очень высокая. Настолько, что мягкая глина превращалась в камень. Коля работал и в ночные смены.

Валя начала работать с 14 лет на полях колхоза. Таких домохозяек, как Евдокия Карповна, обязывали отработать в колхозе ежегодно на сельхозработах определенное количество времени. За маму работала Валя. На колхозных полях полола посевы, собирала огурцы и помидоры. В колхозе за трудодни платили деньгами или давали зерно, которое шло на корм домашним животным. Валя работала и в лесопитомнике (находился в районе современной автостанции). Полола сеянцы кедров и тополей, которые лесники высаживали потом в сопках. За огородами улицы Калининской, где сейчас начинается Новый Луговой, в те времена был зерноток и амбары. Зерно свозили с полей в огромные кучи, просеивали вручную специальными ситами. Валя и там подрабатывала. В конце дня или ночью, когда работа заканчивалась, работники, среди которых были подростки, садились сверху груза зерна в кузов грузовика и сопровождали его на ж.д. станцию Хорольск. Пока ехали - пели песни, нисколько не боясь высоты. Ребята работали, чтобы накопить денег себе на учебники, потому что за учебники в школе нужно было платить. Также, и за обучение в школе с восьмого по десятый класс платили 2 раза в год по 150 рублей (для примера отец Иван Игнатьевич зарабатывал 60 рублей в месяц).

В те годы только семилетняя школа была бесплатной. После четвертого, пятого, шестого, седьмого классов ученики сдавали экзамены. Это считалось базовым образованием. Продолжение обучения с восьмого по десятый класс было по желанию учеников и оплачивалось. Ребята, родители которых не могли оплачивать учебу после седьмого класса, устраивались на работу, либо поступали в училища в городах, чтобы получить профессиональное образование. Надо отдать должное Ивану Игнатьевичу и Евдокии Карповне - их дети закончили 10 классов, как бы тяжело не приходилось родителям. Исключение составила только старшая – Катя. Она закончила семилетку в далеком 1945 году. Отец тогда, год, как вернулся с войны инвалидом. Работал сторожем в госпитале. В семье родились сестренки-близнецы. Родители не могли платить за дальнейшее обучение Кати в школе, и она устроилась работать после седьмого класса. Катя училась в школе очень хорошо, получив аттестат о семилетнем образовании с большинством пятерок. Могла бы, конечно, учиться дальше, но тяжелое для семьи было время. Она стала помощницей для родителей.

Начальная школа из первого и второго классов была на Калининской улице напротив домов Михаила и Ивана Козубов (очевидно, в еще сохранившемся одноэтажном здании церковно-приходской школы). Валя начинала учиться в этой школе в первом классе. Классы тогда были переполнены. В Валином классе - тридцать три человека. Дети сидели за одной партой втроем. Парт не хватало. С третьего по седьмой класс ребята учились уже в другом здании на Ленинской улице (на месте бывшего КБО). Эта школа была одноэтажной, деревянной. Отопление печное. Одна печка-голландка обогревали сразу два класса. Раньше это была школа колхозной молодежи (ШКМ). Построили ее в 1936 году. К школе примыкал стадион и огород, где ученики выращивали овощи.

В школе с Валею произошел несчастный случай. Проходя с девочками-одноклассницами мимо стадиона, она получила удар учебной гранатой по голове. На стадионе ученики на уроке физкультуры в это время метали гранаты. Очнувшись она на земле, вокруг

стоят дети. Подняли ее. Разбирательства не было. Домой пришла после уроков с сильной головной болью, не могла открыть рот. Видимо, удар по голове вызвал сотрясение мозга. Евдокия Карповна как-то ее вылечила.

Еще один несчастный случай произошел, когда Коля с Валею пошли за водой на колодец. Коля попросил сестру держать двумя руками ручку барабана, а сам регулировал спуск ведра на дно колодца. Колодец был очень глубокий. Валя слабыми руками не удержала железную ручку и та, раскрутившись в другую сторону, ударила ее в живот. Барабан с цепью вырвало с креплений, он вылетел наружу, едва не попав в Колю. Валя потеряла сознание от боли. Мимо проходившие женщины принесли девочку домой, где она пришла в себя на кровати. Сколько в детстве возникало опасных ситуаций!

3-й «г» класс. Валя по правую руку от учительницы Марии Ильиничны Черненко

В школе Вале трудно давались задачи по алгебре с неизвестными - x и y . Учитель Калиниченко Владимир Харитонович ставил ей двойки. Придя домой, она плакала, когда готовила уроки по математике. Мама, Евдокия Карповна, спрашивала: «Что плачешь?» «Задача не получается» - отвечала Валя. «А ну, читай!» - просила мама. Валя читала условие, и Евдокия Карповна ей потом советовала: «А ты сделай так и так...». Валя решала задачу с ее подсказкой. Так её мама, Евдокия Карповна, которая окончила 4 класса школы, помогала дочери решать задачи для пятого, шестого класса. Как и ее отец, Карп Степанович, когда-то, спрашивая у Дуни, почему она плачет, подсказывал ей решение задачи. Так же просил: «Читай!» И разобравшись, находил верный ход решения.

Позже математик Владимир Харитонович применил новый способ решения задач, когда ребята расписывали свои действия словами на целую страницу. После такого подхода Валя научилась решать задачи, и у нее пошли одни пятерки по предмету.

Мальчишки-одноклассники приходили к ней домой списывать домашнее задание. «Иды, тебя высвистывают!» - звала Валу Евдокия Карповна. «Задачи решила? - спрашивали пацаны, - дай списать!»

Владимир Харитонович был очень хорошим учителем. Его родная сестра тоже была учительницей и жена, Зинаида Васильевна, работала в Хорольской школе учителем математики. А жили они с женой в одной из половин дома Рыбалок на Комсомольской улице.

Валя, закончив семь классов, захотела поступать в медучилище в Уссурийске за компанию с двоюродной сестрой. Отец Иван Игнатьевич даже отвез ее документы в Уссурийск для поступления. Но когда пришло время сдавать вступительные экзамены в училище, дочь наотрез отказалась ехать в город. Пришлось забирать документы обратно.

Уже был месяц август, и в среднюю школу в восьмой класс директор Пучкова Валентина Михайловна Валу не хотела принимать: нет мест. Классы сформированы. Уже было набрано 3 восьмых класса - «а», «б», «в». Но, помимо Вали, нашлись еще желающие учиться. Тогда сформировали четвертый восьмой класс «г», сборный. В него вошли дети из сел района - Бельмановки, Лучков, Поповки, Петровичей. И Валя Артюх попала в этот класс. Приезжие дети были из бедных семей, но, несмотря на это, учились все хорошо. Некоторые ребята, чтобы получить десятилетнее образование, в Хороле жили у своих родственников. По успеваемости класс оказался самым сильным из четырех. Валя была рада, что она уже не будет учиться в одном классе с Любой Лаврентьевой, соседкой по улице, в отношениях с которой вышел один курьезный случай. Семья Любы жила в большем достатке, чем Валина семья. Люба выходила поиграть на улицу с куском намазанного сливочным маслом хлеба, или ломтем арбуза, демонстрируя соседским детям, какие у нее есть вкусности. Отчим работал лесником и привозил арбузы с бахчи из леса. А соседи по улице арбузы не выращивали, для их детей такой овощ был диковинкой, да и масло сливочное в семьях было редкостью. Однажды Люба вышла на улицу в коротких штанишках с красивой отделкой, а сверху на ней было одето платье, тоже показывая детям, как красиво она одета по сравнению с ними. Вот такая она была хваста. Весной, в четвертом классе, Валя заболела ангиной. У нее была высокая температура и, как осложнение ангины, начали болеть суставы. Валя не ходила в школу. Люба Лаврентьева пришла к Артюхам домой и сказала, что Вале срочно нужно пойти на занятия, чтобы написать контрольную работу по математике, иначе ее не допустят к экзаменам, это приказала учитель по математике. Валя со слезами начала собираться на следующий день в школу еще не выздоровевшая. Когда она пришла на урок, учитель математики спросила, почему она вышла раньше времени, не долечившись. «Вы же меня не допустите к экзаменам! Так Люба передала мне» - сказала Валя. Учительница была удивлена и ответила, что она не говорила ничего Любе о том, что Вале нужно срочно приходиться в школу. Вот так девочка - соседка придумала историю, чтобы заставить больную Валу прийти в школу. А еще, ранее, Люба пожаловалась учительнице, что Валя очень плохо о ней отзывалась и говорила всякие гадости, хотя этого не было в действительности. Люба Лаврентьева после семилетки продолжила учиться в восьмом «б» классе, и больше они с Вале не пересекались.

С восьмого по десятый класс дети учились в школе, которая размещалась в двухэтажном здании недалеко от ДОСА в авиагарнизоне. Выше школы был учительский дом. В нем жили директор Валентина Михайловна Пучкова и учителя школы.

Валу избирали звеньевой в младших классах, потом членом совета дружины пионерской организации, а в старших классах членом комитета комсомола школы. Когда была звеньевой, носила одну нашивку на рукаве платья, в совете дружины уже две нашивки. А председатель Совета дружины в их школе носила три нашивки на платье, как знак высшей пионерской должности. Коля подшучивал над сестрой, когда она стала носить две нашивки: «Тебя повысили на службе - из сержанта в старшины!» Нередко приходилось задерживаться по вечерам на заседаниях совета дружины, а потом и комитета комсомола. Однажды в сентябре Валя вышла из школы в десятом часу вечера. Темно, светит месяц. Улицы пустынные. Она быстро пошла по кирзаводскому переулку, мимо пимокатной, кладбища, спустилась по Росляковскому переулку на свою улицу и только тогда свободно вздохнула. Подходя к своему

дому, Валя вдруг почувствовала, как сзади на нее надвигаются два огромных темных чудовища. Она обомлела от страха, но нашла в себе силы, чтобы обернуться назад и поняла, в чем дело: это поднимались с земли две лошади. Они дремали, лежа напротив дома соседа Василия Момота. У страха глаза оказались велики!

Ходить по темным улицам тогда жители побаивались. Бывали грабежи. Заключение, освобожденные после сталинской амнистии, грабили, нападали на людей. В народе их называли «урки». Такие случаи бывали под большим мостом через речку на улице Ленинской. В темноте Валя особенно боялась мостов. Ей казалось, что под ними кто-то прячется. И даже небольшой мост через ручей на Калининской улице напротив дома Меланьи Козуб в сумерках вызывал у нее страх.

*В первом ряду две учительницы и В.Х. Калиниченко.
Валя Артюх во втором ряду в светлом платье. 7 «В» класс, 1955 год.
Фото из семейного архива.*

Дети готовились к урокам по вечерам при свете керосиновой лампы или свечи. Электрическое освещение появилось в доме только в пятидесятых годах. Валя брала керосиновую лампу на печку. Ставила ее на крышу полки для одежды. Там на, печи, учила наизусть стихотворения, выполняла письменные задания. Внизу, в комнате, Коля учил уроки тоже со своей керосиновой лампой. Тетрадей не было. Дети писали на газетах, на креповой бумаге. Тетради появились позже.

Вале хорошо давалась учеба. Но в аттестат все-таки попала одна тройка – по трудовому обучению. На трудах тогда девочек, как и мальчиков, учили вождению трактора. Уроки проходили прямо в поле. Учитель труда Чех Николай Петрович (Чехи – первопоселенцы Хороля, их большой кирпичный дом стоял раньше на улице Первомайской) поставил ей двойку в конце года за то, что смеялась на уроке, болтая с подружкой. «Повтори, что я сказал!» - потребовал учитель. Она не смогла ответить. Двойка повлияла на оценку за год и на оценку в аттестате.

Во время подготовки к экзаменам Валя пошла домой к подруге Гале Радченко. Галя была родом из Петровичей и жила у сестры, работавшей медсестрой в детской больнице.

Детская больница располагалась тогда на месте здания Доротдела на Калининской улице. При больнице были жилые комнаты для медперсонала. В одной из них жили Галя с сестрой. Напротив детской больницы росла большая черемуха. Валя с Галей забрались повыше на дерево и разбирали экзаменационные билеты.

Керосиновая лампа

Девочки не заметили, как снизу к черемухе подошел теленок и стал жевать низ Валиного платья. Платье было пошито по фасону «полусолнце» и свешивалось с ветки. Теленок сильно посек зубами ее платье. Пришлось идти домой с рваным подолом.

*Валя Артюх перед началом урока химии. 10-й класс.
15.02.1958 г.
Фото из семейного архива.*

На выпускной вечер Валя шила себе платье сама. И захотелось ей к платью добавить голубой пояс, но нужной ткани в хорольском магазине не было. Тогда она, сев на велосипед, поехала в военный совхоз № 8, поля и хозяйственные постройки которого были в районе реки Мо. Не побоялась же ехать в такую даль! К сожалению, голубой ткани в военторговском магазине тоже не было. Но охота пуще неволи. Возвратившись в Хороль, Валя поехала на рейсовом автобусе в Вознесенку. Сидела на завалинке магазина, ждала, когда он откроется после перерыва на обед. В вознесенском магазине нужная ткань была. Из нее Валя пошила пояс и в, придачу, воротничок.

Младшие дети Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны - Вера с Раей - тоже в школе учились хорошо, несмотря на то, что не всегда успевали готовиться к урокам. Необходимо было помогать родителям по хозяйству.

Вера и Раиса нередко пользовались своим положением сестер-близнецов. Вера готовила домашнее задание, а Рая шла в сарай управляться по хозяйству. Потом они вместе разбирали домашнее задание, которое уже выполнила Вера.

«У девчат все горит в руках!» - так отзывалась Евдокия Карповна о Вере и Рае. Они быстро выполняли любую работу по дому, особенно если делали что-то вдвоем.

Иногда Коля на вопрос родителей, какие оценки получил в школе за учебный день, отвечал с юмором: «Международно!» Это значило, что были тройки.

Евдокия Карповна как-то на школьном собрании в Колином классе услышала от классного руководителя Ираиды Дмитриевны: «Ваш сын грязный!». Родители обернулись на ее слова в сторону Евдокии Карповны, которая покраснела от стыда: «Как грязный?». Она каждый день или через день стирала Колину рубашку, которая была единственная. На ночь вывешивала ее над печкой, чтобы высохла. Утром гладила и подшивала белый подворотничок. В школу мальчикам полагалось носить рубашки с подворотничками. Ираида Дмитриевна, видя ее реакцию, внесла ясность: «Он грязно написал в тетради по литературе!». Неприятный осадок от обвинения учительницы, произнесенного во всеуслышание, остался в душе у матери, Евдокии Карповны.

Валя Артюх и Галя Радченко на выпускном вечере в школе. 23.06.1958г. На заднем плане здание ДОСА. Фото из семейного архива.

Однажды Евдокию Карповну вызвали в школу. Оказалось, сын Коля прогулял целый учебный день, да еще не один, а с несколькими ребятами-одноклассниками. Они захотели попасть на сельскохозяйственную выставку в Уссурийске. Перед Уссурийском была большая площадь, куда съезжались труженики сельского хозяйства со всех районов края, демонстрируя свои достижения. Площадь была красиво обустроена. Ее украшали гипсовые скульптуры на

сельскохозяйственную тематику. Ребята решили, никого не информируя, посмотреть выставку. Они остановили грузовую машину из поповского колхоза имени Сталина, которая везла на выставку телят. Залезли в кузов и так, вместе с телятами ехали до Уссурийска. Погуляли на выставке, и так же обратно вернулись в Хороль. Потом над ними смеялись одноклассники: «Как же вы ехали вместе с телятами? Дорога, ведь, не близкая!» От Хороля до Уссурийска путь занимал тогда больше двух часов.

Дети Коля с Валею разносили молоко по квартирам военных из Хорольского гарнизона. В начале пятидесятых годов в авиагарнизоне построили сборные щитовые дома на три семьи с общей кухней и санузелом, впоследствии получившие название «финских домиков». В народе домики еще называли ульями, пасекой. Дома были однотипные, все пронумерованы. По таким домикам дети и разносили молоко. «А вам молока надо?» - стучали дети в двери квартир. Иные хозяева заранее ставили пустую банку у входа в квартиру и оставляли деньги, а кто-то прогонял детей, открывая двери. «Что будите, спать мешаете?» - как-то ругала их заспанная офицерская жена в ночной сорочке. В 9 или 10 часов утра некоторые жены военных еще спали. Если не все молоко удавалось разнести по квартирам, Коля с Валею шли на гарнизонный рынок, чтобы его распродать. Те, кто попробовали один раз их молоко, потом специально приходили на рынок и искали ребят. Молоко было очень вкусное. Однажды дети принесли творог на продажу. Одна из покупательниц брезгливо осматривая продукт, попробовала его на вкус, подцепив немного творога длинным наманикюренным ногтем. Коле с Валею стало очень неприятно и обидно, что с их продукцией так поступают. Длинные женские лакированные ногти они увидели впервые.

Продав молоко, ребята шли в гарнизонный магазин за хлебом. Очередь обычно начиналась на улице. Если возникала давка в толпе, взрослые оттесняли детей. Им не хватало сил вырваться. Такие очереди были тогда за хлебом.

С одной семьей военных, точнее с мамой жены военного летчика, Евдокия Карповна познакомилась близко. Женщину звали Анна Михайловна. Она была родом с Украины. В Приморье приехала вместе с дочерью и ее мужем-летчиком в 1946 году. Анна Михайловна помогала дочери растить двоих детей. Дочь работала учительницей в школе. Семья брала молоко у Евдокии Карповны, и Анна Михайловна приходила к Артюхам за молоком прямо домой. Женщины подружились. Анна заказывала у Евдокии Карповны еще и домашний хлеб. Приносила необходимые ингредиенты - муку, масло, дрожжи. Евдокия пекла хлеб в большой специальной форме для выпекания хлеба в русской печи. Хлеб получался очень высоким. В середине пятидесятых годов зятя Анны Михайловны перевели на другое место службы и семья уехала из Хороля. Евдокия с Анной долго переписывались.

Вале приходилось ездить на велосипеде на работу в поповский колхоз. Одевала шаровары, рубашку, кепку и ехала на велосипеде, не боясь большого расстояния. Дорога до Поповки пешком занимала целый час. На велосипеде, по тропинкам было намного быстрее.

Дети от школы ездили осенью на уборку урожая в Поповку. Поповский колхоз имени Сталина славился, был богатым. Школьники любили такие поездки. В колхозе их хорошо кормили во время перерыва на отдых. Угощали молоком, творогом со сметаной, оладьями с медом или вкусным деревенским хлебом. А вот ездить на поля хорольского колхоза имени Жданова не любили. Колхоз имени Жданова был беднее. И детям на перекус там давали только молоко и хлеб.

Полегче с продуктами питания в семье стало, когда старшая дочь Катя после окончания школы устроилась на работу. Сначала официанткой в столовой. Столовая была на месте здания современного Центра занятости населения и работала от Пищепрома. Было такое производство в Хороле. На его основе потом организовали хорольское Райпо. На Пищепроме пекли печенье, пряники, готовили масло из сои.

Позже Катя закончила курсы счетоводов и ее приняли на работу в штаб военной части в продовольственный отдел. Штаб размещался на улице Комсомольской, там, где сейчас здание Водоканала. Катя у военных получала паек продуктами. Давали на паек крупы, сливочное масло. Она в те годы была кормилицей семьи. Безотказную в работе и

трудолюбивую девушку жалели сослуживцы. Некоторые холостые офицеры, которым хватало объема пайка с избытком, отказывались от продуктов, предлагая их Кате. Они знали, что у нее большая семья. Пайки домой поручали доставлять Вале. Она брала велосипед отца, и ехала на улицу Красноармейскую.

А потом штаб перенесли в новое кирпичное двухэтажное здание, построенное на месте, где когда-то стояла хорольская церковь. Возле здания штаба возвели несколько двухэтажных жилых домов для военнослужащих. Сейчас в бывшем здании штаба располагается музей. Жилые дома для военных частично сохранились и используются до сих пор.

Воинскую часть перевели в авиагарнизон, изменилось и место работы Кати. Валя ездила на велосипеде за пайком теперь туда. Получат с Катей паек, повесят мешки с продуктами на руль с левой и с правой стороны. Валя поначалу ведет велосипед в руках. Дорога проходила мимо солдатских казарм. Солдаты, видя девочку-подростка, которая вела взрослый велосипед с мешками на руле, подшучивали над ней издали. Валя стеснялась, старалась побыстрее проехать это место, потом садилась на велосипед и ехала дальше.

Катя Артюх с подругами. 1950-е годы

Однажды начальник подсобного военного хозяйства Степовой предложил Кате взять домой выбракованного поросенка. У свиноматки родилось много поросят, а одному, самому маленькому и хилому, не хватало места возле матери. Собратья его отгоняли и топтали. Катя с Валей принесли поросенка домой. Надо сказать, поросята у Артюхов почему-то не водились. Доживут до двух-трех месяцев и погибают. А иметь свое домашнее свиное мясо и сало очень хотелось. Оказалось, что выбракованный поросенок еще и с грыжей. Евдокия Карповна опять расстроилась: «Не выживет!».

А потом, благодаря совету знающих людей, начала закармливать поросенка кашами. Он постепенно заплыл жиром, и грыжа у него перестала выпячиваться. Из маленького захудалого поросенка вырос большой кабан. После этого первого, удачно выращенного поросенка, свиньи стали водиться в домашнем хозяйстве Артюхов. Появилось собственное домашнее сало и мясо.

В пятидесятые годы у Артюхов жил пес по кличке Тузик. С длинной черной лохматой шерстью, похожий на огромную собаку водолаза. Несмотря на грозный вид, Тузик отличался добродушием и свободолюбием. Его невозможно было посадить на цепь. Раньше вокруг домов заборов не строили, а обносили дома изгородями. Тузик перебирался через изгородь и

каждый день провожал Катю на работу в авиагарнизон. Проводит и возвращается обратно домой. Почему-то нравилось ему так далеко прогуливаться. Такой был у Кати охранник.

Одно время у Артюхов была породистая охотничья собака по кличке Висла, очень умная. Иван Игнатьевич давал ей понюхать свое портмоне с документами, прятал его на лежанке печи и приказывал: «Ищи, Висла!». Собака в поисках документов бегала по хате, потом становилась лапами на припечек, пытаясь запрыгнуть наверх. Спрятанную вещь находила безошибочно.

1958 год. Катя Артюх с девушками-сослуживицами на Ханке. Слева с краю Валя.

*Ясенец розовый (Неопалимая купина).
Растение с облаком эфирных масел вокруг, издающее
сильный приятный запах.*

Летом на рынке Коля с Вале́й продавали полевые цветы – тоже зарабатывали деньги. У ребят был талант составлять красивые букеты. Они подбирали цветы по форме, размеру, окраске. Их букеты пользовались спросом у покупателей. Высокие цветы помещали в центр букета, цветы покороче по краям и добавляли снаружи вайи папоротника.

Хорольские поля всегда были богаты на красивые полевые цветы. Пржевальский Н.М., странствуя в этих краях («в степях между озером Ханка и рекой Суйфуном») в девятнадцатом веке, в книге «Путешествие в Уссурийский край в 1867-1868 годах», описывал очередность появления в весенне-летний сезон различных видов цветущих растений на равнинах Зеленого клина так: «Одними из первых появляются пионы, ясенец, касатик, красная лилия, желтовник, красоднев малый. В конце июня и июле здесь цветут ломонос, подмаренник, розовый мытник. В августе степь синееет от сплошных масс колокольчика, то желтеет полосами золотушной травы, вместе с которой во множестве цветет кровохлебка».

Синие колокольчики, красная лилия, ломонос дикий - прародитель садового клематиса, розовый мытник

Поля пестрели цветами, начиная с ранней весны и заканчивая поздней осенью. Дети приносили домой большие букеты. Особенно красивые лилии с плотными красными цветками росли повыше в сопках. Собрать их - была привилегия Коли.

В сопках часто встречались родники. Фонтанчики воды били из-под земли. Вода в них была холодная-холодная. Вокруг топкий грунт. От родника пробивался ручеек - искал дорогу. Родники наполняли водой ручьи, сбегаящие в падь - долину реки Песчаной.

Подмаренник, ирис (касатик), красоднев малый (лилейник), красная лилия

Соседи

После выселения зажиточной семьи Григория и Епистиньи Синенко, на бывшем их земельном участке, с правой стороны от дома Ивана и Евдокии Артюх построили еще один дом, закрепили за ним огород. В сороковые годы в этом доме проживала семья по фамилии Кавава.

Кавава - редкая фамилия армянского происхождения. Она распространена только в Ростовской области. Донские армяне являются потомками крымских армян, которых в 1779 году на Дон переселила Екатерина Великая. А те, в свою очередь, были потомками анийских армян.

По окончании войны с Японией в Хороле оставались на постоянное жительство бывшие военные. Обзаводились семьями, к кому-то приезжали родные с западных регионов страны. Так и Кавава появились в Хороле. Самым старшим в семье был дедушка. Немощный, слепой. Его выводили посидеть на лавочке перед домом. Валя почему-то любила наблюдать за дедом в щелку забора. Ее удивляло то, какой он старенький и слепой. Однажды она побежала к маме со словами: «Мама, мама, а у диды повылазыло-повылазыло то, чим бачить!»

Валя забыла слово «глаза». Сын и невестка старого деда, для Вали они тоже по возрасту выглядели как дедушка и бабушка, держали свиней. У них всегда водилось сало, мясо. Они угощали Евдокию Карповну мясом, когда резали свиней. Бабушка Кавава была очень добрая. Ее внучка Зина играла с Валею во дворе и на меже между огородами. Когда Зина приходила домой к Вале, Евдокия кормила ее обедом. Зина съедала все и даже вылизывала тарелку. А у своей родной бабушки ела плохо. «Ну почему она у вас хорошо кушает, а у меня нет?» - сетовала бабушка Кавава. Евдокия Карповна отвечала, что у нее в доме еда самая простая. Борщ она варила с фасолью и заправляла растительным маслом. Но, видимо, она умела это делать вкусно, так, что нравилось даже маленькой девочке. А еще Зине было интересно кушать за компанию с детьми Евдокии Карповны, это тоже способствовало ее аппетиту.

У соседей была собака овчарка по кличке Аза. Как-то приходит бабушка Кавава к Евдокии и жалуется: «Аза съела бугук!» На их языке так назывался свиной желудок, начиненный фаршем из мяса. Собака добралась до деликатеса и съела его весь, оставив хозяев без вкусного продукта. По-украински фаршированный свиной желудок назывался кендюх. Евдокия Карповна тоже умела его готовить. Для начинки желудка использовался фарш из свиного мяса, сырых яиц, лука и чеснока.

В середине пятидесятых годов Кавава уехали в Ярославку. Их зять Кантур, бывший в руководящих работах Хороля, получил работу на вновь организуемом горно-обогатительном комбинате. Соседский дом опустел, но ненадолго. В него поселили семью Пронько Петра Спиридоновича, партийного работника. Они с женой воспитывали приемную дочь. Артюхи вскоре сдружились с новыми соседями. Петр очень уважал Евдокию Карповну. Обращаясь к ней, называл «Докия». Пронько были украинцами. Как то поехали все вместе соседи за орехами в сопки на тарантасе, запряженном конем соседа Богомольского. Собирая орехи, жена Пронько вдруг как закричит: «Ой, людочки, людочки мои, подывытэсь, шо я найшла!» Показывает на грибы подосиновики с яркими шляпками на длинных ножках. «Это же такие знатные грибы!» - радовалась она. Артюхи тогда собирали только шампиньоны на полях. Другие грибы опасались брать по незнанию. Теперь, благодаря соседке, начали собирать и готовить подосиновики.

В доме Шевелей, который был левее дома Артюхов, родителей Ивана Игнатьевича, в одной половине жили Богомольские. Глава семьи работал лесником. По национальности он был белорус. Бывший военный. Его родные все погибли в Белоруссии, ему не к кому было возвращаться домой после окончания войны с японцами, поэтому и остался в Хороле, женившись на женщине с тремя детьми по фамилии Лаврентьева, маме девочки Любы, с которой у Вали вышел конфликт. В семье было еще двое детей - Валентин и Лидия. Жена Богомольского нигде не работала, ссылаясь на плохое здоровье. Все у нее болело сердце. Хорольское лесничество тогда базировалось на Верхотурихе - бывшем хуторе Верхотурова возле Лукашовки, куда Богомольский ездил на лошадке, запряженной в тарантас. На Верхотурихе были еще деляны для жителей Хороля - участки для покосов, закрепленные за семьями. Лесники выращивали на Верхотурихе арбузы, которые Богомольский привозил потом домой. Детям Евдокии так хотелось попробовать арбуз! Тогда Евдокия Карповна нашла выход из ситуации, чтобы удовлетворить желание детей: порезала тыкву на дольки и засолила вместе со свеклой. Свекла окрасила тыкву в красный цвет. Потом ее дети ели тыкву, имитирующую арбуз: «Не как люди, так хоть возле людей!» - у нее была такая присказка.

Валя часто ссорилась с Любой. Однажды во время ссоры Люба из-за забора кричала Вале: «Ты украинка, а я русская, потому что я из городу приехала!»

Тогда считалось, что все русские живут в городах, а украинцы в селах и поэтому разговаривают на украинском языке. Этот язык называли селянским. Люди, переехавшие из деревни в город, старались не разговаривать на украинском языке, чтобы не показать, что они приехали из деревни. Коля с друзьями как-то поехал погулять по Уссурийску. Решили купить пирожков с повидлом в киоске. Один мальчик из их компании, полагая, что он выражается по-городскому, заказал у продавца пирожки с «поведлом». Он думал, что слово «повидло» они дома, произносят на деревенский манер, а в городе будет правильнее сказать «поведло».

У Любы школьная форма была пошита из саржи. Платье получилось со складками, и ткань красиво переливалась на свету. Любе повяжут огромные банты в косички, и она идет в школу нарядная, в своем красивом платье. Вале так хотелось обладать таким же платьем! «Ну почему на моем платье нет блестящих складок?» - думала она про себя. Вале школьное платье Евдокия Карповна сшила из простого белого сатина и покрасила в коричневый цвет. Анилиновая краска разных цветов продавалась в пакетиках в магазине. Из покрашенной черной ткани Евдокия Карповна шила школьный фартук. Портфелей не было. Сумка тряпичная через плечо - вот и весь портфель.

Люба Лаврентьева видела, как Валя и ее брат Коля носили на рынок полевые цветы на продажу, и ей захотелось так же, как соседские дети, поторговать на рынке. Она нарвала целую миску спелого паслена, взяла стаканчик и пошла на рынок Хорольского гарнизона вместе с Валей и Колей. Одна из покупательниц, офицерская жена, увидев паслен, воскликнула: «Что это? Паслен? Фу-у! В наших краях это сорняк, его никто не ест!» Любе стало очень неловко. Так никто и не купил у нее паслен за целый день.

А паслен, действительно, был огородным сорняком, но сельчане его не выпалывали, а дожидались, когда поспеют ягоды. Евдокия Карповна ягоды паслена сушила, а зимой делала начинку для пирожков: сушеные тыкву, паслен и калину соединяла вместе, пропустив через мясорубку. Смесь тушила в печке. Выходило вкусно. Своих ягодных и плодовых деревьев в хозяйстве не выращивали. Весь прилегающий к дому участок занимал огород. Для семьи он был важнее сада. Но и такого огорода было мало, чтобы накормить большую семью. Картошку на грядках садили близко друг к другу, чтобы едва хватило земли окучить кусты. В междурядьях еще сеяли морковь и свеклу. Евдокия Карповна разрабатывала каждый клочок земли.

Во время коллективизации урезали наделы под огороды до пятнадцати соток на семью, сельские жители сады не оставляли, землю занимали под огороды. Поэтому и приходилось собирать дикоросы в лесу и паслен в огороде. Свои ягоды и фрукты выращивать было негде.

Когда наступало время летом качать мед, Иван Игнатьевич выносил на улицу миску меда с вошиной для соседских детей. К меду Евдокия Карповна нарезала хлеб, огурцы и помидоры. Дети налетали, ели мед с хлебом, огурцами и помидорами. Через много лет Валентин Лаврентьев, брат Любы, который стал ракетчиком, в своей книге «Далекое близкое» будет вспоминать, как дядя Ваня угощал детей на улице медом.

Потом Богомольские переехали в дом побольше на Первомайскую улицу. Но Валя с Любой Лаврентьевой по-прежнему встречались в школе, потому что учились в одном классе.

Пронько уехали, и вскоре появились новые соседи у Артюхов - семья Поповых: муж, жена и трое детей. Татьяна Попова, хозяйка дома, полюбила Евдокию Карповну, тетю Дусю - как она ее называла. Относилась к ней, как к матери. Евдокия помогала соседям продуктами с огорода. Если соседские дети заходили, обязательно их накормит. Татьяна Попова была очень полной. Приходя к тете Дусе, садилась на порожке кухни, занимая своей фигурой весь дверной проем. Соседки могли подолгу разговаривать. Однажды маленькая дочь Поповых, Тася, пришла к Артюхам, и Евдокия Карповна угостила ее пирожками. «А мама твоя печет пирожки?» - спросила Евдокия Карповна. «Не печет. У нас муков нет!» - ответила Тася. Поповы прожили пять лет на Калининской улице, потом построили большой дом на Октябрьской улице и переехали туда. Но Татьяна Попова издали приходила к Евдокии Карповне, а Тася, когда выросла, тоже навещала Артюхов. Ей все было интересно - как у них дела, как устроены их дети, вместе с которыми провела детство.

После того, как в начале тридцатых годов семью Игната Григорьевича Артюха выселили из Хороля, в его дом власти поселили других людей, разделив домовладение пополам. В конце сороковых, начале пятидесятых годов в левой половине дома жила семья Троценко - главного бухгалтера маслозавода, а в правой половине Настя Прохорович с дочерью Любой. Настя работала санитаркой в больнице. Жили они с девочкой очень бедно. Глинистый огород давал плохие урожаи. Когда появлялась первая молодая картошка, Настя выкапывала и варила ее, а соседям говорила, что она окучивала картошку и молодые клубни

выпали из кустов случайно. На самом деле они с дочерью голодали, и, не дожидаясь конца лета, выкапывали мелкую, чуть завязавшуюся картошку на еду. Настя Прохорович была крестной Вали. Детей тогда крестили дома. В Хороле церкви не было. Настя гордилась тем, что она крестная дочери Ивана Игнатьевича Артюха. Иван был видным, его уважали знакомые и соседи.

Как-то раз Евдокия Карповна белила сарай. Она это делала каждую весну. Сначала замазывала трещины, потом белила. Сарай для коровки выглядел всегда опрятно. Шестилетняя Валя бегала на улице за двором. Мимо пробежала большая рыжая собака, и Валя кинула в нее камень, чтобы прогнать. Собака вдруг неожиданно набросилась на Валю и покусала ее за живот. Евдокия Карповна, у которой все это произошло на глазах, растерялась от испуга. Хорошо, что рядом была соседка Настя. Зная, чем это грозит, Настя подхватила плачущую Валю на руки и побежала в больницу. Там раны зашили. И пришлось ребенку выдержать еще 40 уколов в живот от бешенства.

Когда дочь Насти, Люба, выросла, она устроилась работать уборщицей в райком комсомола. И постепенно оказалась на виду в комсомольской организации, стала продвигаться по комсомольской линии. Потом вышла замуж за военного летчика. Для любой сельской девушки тогда было очень престижно выйти замуж за военного. Это давало возможность хорошо устроить свою судьбу, вырваться из бедности. Так вышло, что Люба Прохорович отбила жениха у другой девушки, которая от того, что ее променяли на другую, наложила на себя руки. Погибшая девушка была из близнецов и после ее кончины оставшаяся сестра-близнец возненавидела Любу. Люба Прохорович стала Полетаевой и уехала с мужем в Ленинград, забрав с собой мать.

Возле общественного колодца на Калининской улице жили Лящевские. Глава семьи Николай Евменович работал директором маслозавода. Жена Лящевского Ефросинья Антоновна была учительницей немецкого языка. Семья воспитывала троих детей. С ними жила мама Николая. Приехали они с западной Украины, где Ефросинье Антоновне пришлось жить под немецкой оккупацией. Она детям в школе об этом рассказывала. Очень интересно Ефросинья Антоновна преподавала немецкий язык. Разучивала с учениками сказки и песенки на немецком языке. Была среднего роста, рыжеволосой, с веснушками. Очень уважала Валю, как лучшую ученицу. Вале хорошо давался немецкий язык. Она получала по предмету одни пятерки. Лишь один раз Ефросинья Антоновна поставила Вале единицу, за то, что та подсказывала мальчику, соседу по парте, во время ответа. Когда построили завод СОМ, Лящевский Н.Е. некоторое время был директором нового завода.

Часто бывала у Евдокии Карповны Мария Федоровна Коробко. Тоже соседка по улице. У нее было трое детей – Саша, Витя, Володя. Мужа забрали на фронт. После войны он домой не вернулся, как оказалось, женился на другой и остался с новой семьей на западе. Мария с детьми жила очень бедно. Огород был скудным. Работала она в пошивочном цехе в военном гарнизоне. Денег не хватало. Дети голодали. Это ее сына Витю одноклассники подкармливали в школе. Приходила она к Евдокии занять продуктов, оставалась поговорить, пожалиться. Евдокия Карповна напоит ее чаем, даст продуктов. Мария ее очень уважала. Двое сыновей – Саша и Володя решили поехать к отцу в новую семью. Нашли его на западе. Пожили с ним около года, потом вернулись в Приморье. Саша поступил в 14 лет в ФЗУ в Арсеньеве, Витя после службы остался в Славянке. Володя работал в автоколонне в Хороле. Вдруг возвращается отец. Просится обратно в семью. Но дети его не простили: «Ты нам не отец. Ты нас предал. Мы тебя не знаем». Коробко поселился на Колхозной улице в Хороле. Жил один. Ни бывшая жена, ни дети с ним не общались. Так и помер в одиночестве.

В конце пятидесятых на Калининской улице появились Макрышевы - Павел и Прасковья. Павел работал в Продснабе (Заготконторе). В семье было четверо детей. Самая младшая, Люба, – будущий врач-терапевт хорольской больницы, заслуженный врач РФ, Крылач Любовь Павловна. Люба в детстве росла болезненной. Ее усиленно лечили молоком. Когда коровка у Прасковьи отдаивалась, она брала молоко у Евдокии Карповны, хотя у соседей в каждом дворе была корова. Молоко у коровки Евдокии Карповны было самым

лучшим. Вера с Раей дружили с Людмилой Макрышевой, учились в одном классе. Когда Людмила выучилась и уехала из Хороля, она, приезжая к родителям, всегда заходила к Артюхам.

Иван Игнатьевич и Евдокия Карповна дружили с Шепелюками - Кузьмой и Ярыной. Жили Шепелюки в проулке, который ведет к метеостанции. Кузьма был высокого роста, с лицом, побитым оспой. Прошел всю войну. Кузьма имел лошадку с повозкой, и часто помогал соседям по улице, если нужно было что-то перевезти. Работал он тоже в лесничестве, как Богомольский. Кузьма с женой, приходя в гости к Артюхам, приносили с собой большой шмат сала. Евдокия Карповна ставила на стол свое угощение. Иван и Кузьма, разговаривая, за ночь могли выпить бутылку водки, закусывая салом, и при этом не пьянели. Евдокия говорила с Ярыной. Не замечали, как проходило время. Им интересно было друг с другом общаться. У Шепелюков было трое детей. Сын Иван, старший, 1933 года рождения, закончил всего три класса школы, так получилось, что только к семнадцати годам. Это не помешало ему в будущем стать богачом - хорольским ростовщиком, дававшим займы под проценты деньги. Иван очень хорошо рисовал. На воротах родительского дома он нарисовал красивого коня. А когда появился свой дом, тоже по Калининской улице, зарисовал и его крупными цветами, а на воротах нарисовал пару лебедей. Иван Шепелюк закончил после школы водительские курсы и стал водителем ЗИСа в Хорольской автоколонне. Машина была старенькая, с плохими тормозами. Уличные мальчишки подсмеивались над старой машиной Ивана. Когда Иван Шепелюк приезжал домой на обед, они кричали: «Народ, разбегайся, сейчас Шепелюк ногами тормозить будет!» Иван был высокого роста и имел большой размер ступни. Родители с трудом подбирали ему обувь. Поэтому в детстве Иван бегал босиком, и в более старшем возрасте тоже ходил босым. Корову в стадо по утрам выводил босиком.

Работая водителем, Иван стал собирать в полях металлолом, сдавал его на Вторчермет. И так, постепенно, за годы, скопил большую сумму денег. Денег у него было столько, что ПМК-593 в конце 1960-х годов занимала у него определенную сумму на зарплату рабочим. Несмотря на наличие больших денежных средств, Иван Шепелюк жил скромно. Наш дедушка, Иван Игнатьевич, вспоминал, как небрежно хранил Иван Шепелюк деньги. Однажды дедушка пришел к Шепелюку попросить в долг денег. Иван взял в руки кочергу, встал на колени и достал кочергой денежные купюры из-под кухонного стола.

Иван Шепелюк в начале 1970-х годов поступил работать в ПМК-593 и его отправили учиться на курсы крановщиков в город. На занятиях учеников обучали математическим формулам и схемам, необходимым в управлении крана. Ивану трудно давалась учеба. Он говорил преподавателям: «Не нужны мне ваши формулы! Вы руками покажите, как нужно - я все пойму». Курсы Иван все же закончил, начал работать на кране. Работал до тех пор, пока не произошло несчастие. Во время разгрузки строительных материалов из вагонов на железнодорожной станции девушка-стропольщица получила смертельную травму. За рычагом крана был Иван Шепелюк. Суд посчитал, что крановщик виновен, но Ивана оставили на свободе, присудив выплачивать денежное содержание престарелым родителям погибшей девушки.

У Ивана Шепелюка в начале шестидесятых была семья. Родилась дочь. Жена работала медсестрой в больнице. Во время вторых родов жена умерла. Женился Иван второй раз. Жена работала продавцом, помогала воспитывать детей. Но и во второй раз семейная жизнь не задалась. Иван нашел жену мертвой в сарае возле дома. Скончалась она от травмы головы. Следствие не установило - то ли это был несчастный случай, то ли ее убили. Больше Иван не женился. По-прежнему собирал и сдавал металлолом, давал людям займы деньги. Работал на машине-хозяйке в районо и еще был внештатным инспектором ГАИ. Инспектором был строгим. Водители на дорогах его боялись и уважали за неподкупность.

Соседи по улице оказывали помощь друг другу. Если кому-то нужно было поштукатурить дом или сарай, или построить что-нибудь, собирались вместе и помогали. В следующий раз сообщая помогали другому соседу по улице. И праздники отмечали всей улицей. Организовывали столы и лавочки у чьей-нибудь хаты. Приносили еду - кто что может

и спиртное – водку или домашнее вино. Пели украинские песни, танцевали. Хорошими певуньями были Настя Прохорович и жена Богомольского. Иван Артюх аккомпанировал им на балалайке и бубне. Евдокия Карповна вела себя скромно на застолье, долго не засиживалась, а Иван Игнатьевич иногда приходил заполночь. Евдокия его ругала: «Что ты там сидишь допоздна? Пока все до дна не выпьешь - не придешь!»

Иван Игнатьевич работал в промкомбинате завхозом, но после одного происшествия уволился. Выявилась недостача ткани. Работники, когда брали материал на складе для пошивочного цеха, отмеряли больше, чем требовалось, и записывали в журнал меньшую цифру. Обвинили завхоза в недостаче. Пришлось Ивану Игнатьевичу вкладывать свою зарплату, чтобы возместить потери. Работать в промкомбинате больше он не хотел. Сосед Богомольский забрал его к себе в СОБЕС, куда он перешел работать после лесхоза. Так Иван Артюх стал инспектором СОБЕСа.

Шли годы. Жизнь налаживалась. Страна постепенно восстановила народное хозяйство, разрушенное во время войны. В магазинах появились разные продукты, одежда, обувь. Дети Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны выросли. Колю проводили в армию. Во время проводов мама и сестренки плакали. Дядя Митя, который приехал на проводы из Манзовки, успокаивая их, попросил Колю своими руками закрыть ключом замок на двери хаты, когда все выходили на улицу, и отдать ключ родителям. Замки тогда были большие, навесные. «Это, шоб вин вэрнувся!» - сказал дядя Митя.

Когда Валя и Коля уже были студентами, они приезжала домой на праздники и каникулы. Собирались вместе с друзьями детства дома у родителей - Ивана Игнатьевича и Евдокии Карповны. У них была своя компания: Володя Яценко, Володя Антоненко, Витя Сердюк, Леша Шепелюк - все жители улицы Калининской. Виктор Сердюк был баянистом. Хорошо пел. Евдокия Карповна наготовит им густого киселя или вареников, или простой отварной картошки с соленой капустой поставит на стол. Кто-то из парней мог принести бутылку вина. Ребята засиживались допоздна. Общались, пели песни под баян. «Тетя Дуся, какой у вас вкусный кисель!» - отзывался о десерте Евдокии Карповны Леша Шепелюк. Она была рада, что молодежь собирается у них дома: «Лучше здесь сидите, не ходите по темным улицам и задворкам». Больше всего Евдокия боялась конфликтов в общественных местах. На слуху еще было происшествие с Николаем Гавриком, племянником. Молодые парни задрались вечером возле клуба. Прохожие вызвали милицию. Когда милиционеры приехали, зачинщики драки разбежались, а Коля Гаврик один остался с потерпевшим и его, невиновного, привлекли к ответственности за учиненную драку. Николай Гаврик отсидел целый год в заключении.

Побыв дома у родителей Коли и Вали, компания молодых людей шла в клуб. По дороге громко пели песни под баян, шутили, смеялись. В клубе по выходным и праздникам были танцы. Хорольская молодежь танцевала. Очень красиво танцевала Вера Гаврик. С вьющимися светлыми волосами, в платье-полусолнце, хорошенькая Вера кружилась в вальсе на площадке.

Витя Сердюк, Володя Антоненко и Яценко и Коля Артюх организовали вокальную группу. Они выступали на сцене клуба в Хороле, даже ездили с концертами по селам района. В их репертуаре были песни из кинофильмов тех лет про дружбу и любовь.

Когда наступало время колядок на Рождество, друзья наряжались в смешные костюмы, одевали бумажные маски со звериными мордочками и обходили всю улицу Калининскую с баяном. Заходили в дома, распевали колядки, сыпали шутками, прибаутками, посеяли зерно.

Уже будучи взрослыми семейными людьми, четыре друга собирались вместе, ходили в гости на дни рождения и праздники друг к другу. Виктор брал с собой баян и песни, с которыми они выступали в молодые годы, хорошо отрепетированные еще тогда, в молодости, опять звучали за праздничным столом.

Гражданская война

Грянула революция, потом гражданская война. Настали трудные времена для хорольчан, поломавшие не одну судьбу. В детстве Евдокия Карповна мечтала стать

учительницей, но ее мечта не сбылась. Так и не пришлось получить профессию. Нужно было помогать отцу по хозяйству. Когда она попросила отца отправить ее на учебу, он отказал ей со словами: «Иды работай». Он не хотел лишаться такой помощницы. Дуня трудилась, как пчелка - и в поле, и на ферме.

До 1918 года крестьяне жили мирно, никто не беспокоил. После свержения власти Советов в Приморском крае возникло партизанское движение. Были свои партизаны - защитники Советской власти в Хороле, Поповке и Лукашовке. Белые организовывали рейды по поимке партизан и активистов Советской власти по всему краю. Налеты белоказачков испытывали на себе и жители Хороля. «То каппелевцы, то калмыковцы!» - так говорили сельчане. Возникали перестрелки белых с партизанами. Как-то Карп Степанович Козуб, возвращаясь с сельского схода, попал в перестрелку. Пуля прострелила ему козух.

Вот, что пишет о партизанах села Поповка автор книги «За судьбой в Приморье: история хоролевских переселенцев» Ищенко С.А.: «До революции село Поповка не было богатым, поэтому большинство селян поддерживало Советскую власть. Жители села отличались социальной и жизненной активностью. Поповка стала центром партизанского движения в районе. Братья Иван и Алексей Лузан, отец и сын Синенко, Тарас Василенко, Яков Сесько, Степан Квач, Захарий, Григорий и Максим Криницкие были партизанами.

Когда в селе появились каппелевцы, ни один партизан не был выдан жителями. Белые никогда не чувствовали себя в Поповке свободно. «Сколько, хлопцы, не ходите, хвост сгубите!» - сказал каппелевцам старый крестьянин Глушак, за что был зверски порот плетками. Во время боя с белыми на Пепеливщиной сопке в Поповке был убит партизан Василенко Тарас, а в бою под Вознесенкой Владимир Вовк. Хоронили их всем селом. Именем Ивана Лузана, партизана и чекиста, названа сопка в селе Камень-Рыболов».

Сопка высокая, расположена на въезде в село. К сопке примыкает улица Больничная. Когда я была маленькая, мои отец Виктор Маркович и дедушка Марк Николаевич Чкан водили меня на эту сопку. Мы доходили до самой ее вершины. Дедушка Марк Николаевич и бабушка Полина Анисимовна Чкан, родители моего отца, жили на улице Больничной. С вершины сопки открывался красивый вид на село и окрестности Камня-Рыболова.

В селе Лукашовка были тоже партизаны. Когда в Лукашовку пришли белые, чтобы мобилизовать молодых парней в свои ряды, девятнадцатилетний Марк Костюк вместе с четырьмя ребятами бежал из села. Марк организовал с товарищами небольшой партизанский отряд и стал его командиром. Чтобы белые не отомстили его родителям, он взял себе псевдоним «Марк Решетников». Марк пользовался авторитетом и славой среди жителей Ханкайского и Гродековского районов, где действовал его отряд, а также среди горняков Сучана. В 1922 году Марк Решетников добровольно вступил в пограничный эскадрон и стал первым советским начальником КПП на станции Гродеково (Пограничный). Он хорошо знал местность, прекрасно ориентировался в тайге, поэтому и на новом месте службы ему часто поручали ликвидировать скрывавшиеся в лесах банды. Длительное время Решетников гонялся за бандой Овечкина, совершавшей налеты на мирные советские села, убивавшей активистов, грабившей крестьян. В 1925 году в бою с пришедшим из-за кордона отрядом полковника Овечкина Марк погиб, но в ходе боя главарь белогвардейцев был ликвидирован. Марка Решетникова по праву считают первым пограничником советского Приморья.

Евдокии Карповне, как и многим жителям Хороля, глубоко врезалась в память жестокая расправа белогвардейцев с партизанами села в 1918 году. В село вошли белоказачки, начали искать партизан, открыли стрельбу. Партизаны отстреливались, потом им удалось скрыться в направлении Камня-Рыболова. Нескольких казаков послали в Девицу, как рассказывает Катерина Арнаут. Девичанцы все ушли в камыши. Когда посланные в Девицу казаки вернулись в Хороль, белые собрали сход в конце села по тракту на Камень-Рыболов и стали допытываться, кто командир партизанского отряда. Все молчали. Стали бить Дмитрия Петровича Козуба, отца Катерины, сильно избили. А потом нашелся предатель по фамилии Чернюк, который выдал троих партизан: Дениса Старуна, командира отряда, Якова Костюка - начальника почты (оба из местных жителей) и Григория Комиссаренко - комсомольца,

прибывшего в Хороль из Уссурийска. Партизан схватили, долго пытали, потом привязали к лошадям веревками за руки и погнали к Шевелевой сопке (сопка напротив Вторчермета, на которой у жителей Хороля были заимки) и там живых порубили пашками. Деревенская девушка, случайно наблюдавшая за происходящим, сошла с ума.

Затем белоказаки снова поскакали в Девицу. Они думали, что люди пришли, но никого по-прежнему в селе не было. Жители боялись возвращаться. Тогда белые подожгли Девицу и скрылись.

В июле 1918 г. деревни Григорьевка, Абрамовка, а также Хорольская подверглись грабёжам со стороны шаек наемных китайских солдат, служивших в российских войсках полосы отчуждения КВЖД генерала Хорвата. Китайские солдаты под командованием белых офицеров были отправлены по окрестным деревням для водворения законного порядка и вылавливания разбежавшихся красноармейцев, но повели себя как хунхузы, занимаясь грабёжом и притеснением местного населения. В результате их действий была сожжена часть деревни Новодевица, оставшаяся часть разграблена.

С 4 по 13 сентября 1922 года Отряд Омской пешей дружины подполковника Торопова обследовал деревни Владимиро-Петровка, Стародевица, Новодевица, Сиваковка, Вадимовка, Хорольское, Петровичи, и во всех указанных пунктах партизан не было обнаружено. Только при въезде в Поповку головного дозора белых из нее бежали 5 всадников.

«В 1922 году пришли каппелевцы. Они тоже искали партизан, но в село не стали заходить, а засели за Даценковой сопкой и оттуда начали стрелять. А наши партизаны в это время проводили совет в доме Гаврика Антона на Козубиевке. Они огонь не открывали, так как их было мало. Каппелевцы постреляли–постреляли и уехали. В том же году пришли японцы. Они появились со стороны Поповки, прошли по нашей улице, в дома заходили, но никому ничего плохого не сделали. С ними был переводчик. Они поговорили с местными жителями и ушли. Видимо, им не понравилось тут. Позже еще были набеги белых на село. Но партизаны имели уже достаточно сил, чтобы отбивать их», - рассказывала Катерина Дмитриевна Арнаут (Козуб).

Столкновения белогвардейцев с красными партизанами происходили в Приханкайской низменности между Хоролем и Камнем-Рыболовом. Расправы белых над активистами Советской власти и партизанами были жестокими. Над озером Ханка есть утес, на котором белогвардейцы расстреливали партизан и сбрасывали тела в воду.

Коллективизация

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором устанавливались жёсткие сроки завершения коллективизации. В 1930–1937 гг. начался процесс сплошной коллективизации. Лучшей формой колхоза была признана сельскохозяйственная артель, в которой обобществлялись труд крестьян, их наделенная земля и все основные средства производства (инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктовый и рабочий скот и др.), но образовывались и коммуны, основанные на совместном труде и обобществлении всех средств производства и землепользования.

В полутора километрах севернее села Старо-Бельмановка были поля коммунаров – 12-ти демобилизованных красноармейцев из Харькова, служивших в Третьем полку связи Украинского военного округа. По приезду в Старо-Бельмановку они организовали коммуну и назвали ее в честь своего полка – «Коммуна имени Третьего полка связи».

В 1930 г. из Харькова в Хороль прибыла новая партия демобилизованных красноармейцев из Третьего полка связи – около 700 человек. В это время в Хорольской коммуне было уже несколько участков – в Старо-Бельмановке, Ново-Бельмановке, Благодатном, Поповке. На базе коммуны было создано несколько колхозов. В Ленинском был организован колхоз «Имени III полка связи» (в 60-е годы колхоз стал называться им. Ленина). В Старо-Бельмановке колхоз имени Андреева, в Ново-Бельмановке имени Аникеева, в

Благодатном – «Красная искра», в Поповке – «1 Мая» и «Труженик», в Старо-Девнице – имени Второй пятилетки. В Хороле демобилизованные красноармейцы поселились в районе хутора Рыбалкиевка, построив дома на улице, получившей название - 3-й Полк связи (сейчас – ул. Комсомольская). Прежнее название улица сохранила до 1945 г.

В 1930-е годы на территории Хорольского р-на организовывались военные совхозы на месте бывших крестьянских хозяйств. Через район началась прокладка дороги от Никольск-Уссурийского до Турьего Рога. На строительстве были заняты не только гражданские люди, но и заключенные. Для последних, на месте корейской деревни построили лагерь. Позже его реорганизовали в Военный совхоз №24, на полях и фермах которого работали солдаты. В 1938 году селу дали название Луговое. На базе индивидуальных хозяйств и организованного в 1930 году в с. Прилуки колхоза был создан совхоз им. Китайской коммунистической партии (по данным исторической справки - 16.11.1931). Совхоз объединял села Прилуки, Василье-Егоровское, Лукашовка, Усачево, Сунь-Ят-Сен. В 1932 году после гибели от пули кулацкой банды секретаря комсомольской организации совхоз был переименован в «Комсомолец». Со временем совхоз разукрупнялся, на его базе организовались новые совхозы: в селе Василье-Егоровское - совхоз «Приозерный», селе Лукашовка - Военный совхоз № 2, селе Сунь-Ят-Сен - совхоз им. Сунь-Ят-Сена. В 1947 году совхоз «Комсомолец» был переименован в племенной совхоз «Комсомолец», в 1959 году - в государственный племенной завод «Комсомолец». К этому времени завод занимается разведением крупного рогатого скота симментальской породы (той самой, коров которой когда-то привел в Хороль из под Самары Козуб Карп Степанович) и племенных свиней, кроме того выращивает зерновые и сою.

На территории Хорольского р-на в 30-е года находилось 4 лагеря для заключенных: на станции Хорольск (лагерное отделение № 4, где отбывали наказание работники органов внутренних дел, суда, прокуратуры, а также бывшие самоохранныки), в с. Приозерное (лагерное отделение № 16, в последствии переименованное в ИК-16 и далее в УЦ-267/16, ликвидирована эта с/х колония была только в феврале 1960 г.), в с. Новодевица, с. Лукашевка. Самый крупный лагерь был в с. Приозерное. Женщины занимались преимущественно сельскохозяйственными работами, выращивали продукцию для заключенных лагерей Магадана. Мужчины были задействованы в тяжелой физической работе: дробили камни, рыли кюветы, сооружали оборонительные укрепления.

В июле 1942 г. Хорольскому району за достигнутые успехи вручено переходящее Красное Знамя Ленинградского фронта. На полях района в то время трудились около двух тысяч заключенных.

На месте нынешнего села Приозёрного было поселение Василье-Егорьевское, основанное в 1875 году казаками из Забайкалья, относящееся к Гродековскому казачьему округу. Село имело статус казачьей станицы. В 1930 году село стало отделением совхоза «Комсомолец». Во время коллективизации многие покинули село, и след их затерялся. До того, как стать Приозёрным, бывшее Василье-Егорьевское много лет именовалось Совхозом № 5. В войну и до середины конца 50-х годов здесь был лагерь для заключённых. В лагере сидели уголовники, изменники Родины, получившие по 20 лет. Много было и проходивших по 58-й статье пункт 10 Уголовного кодекса, так называемые «болтуны», сказавшие что-то лишнее в присутствии доносчика. Сидели и «бытовики»: опоздал на работу на несколько минут — пять лет, унёс с поля немного зерна и несколько картофелин — столько же. Заключённые выращивали картофель, овощи для лагерей Магаданской области. Они же посадили и вырастили большой грушевый сад, дававший большие урожаи. Время от времени навещалось северное начальство, которому очень нравилось небольшое, окружённое сопками село, с чистым воздухом, хорошей водой. Заключенные построили в 1955 году красивое двухэтажное здание средней школы, такой не было ни в одном селе. Вот как рассказывает о том времени жительница села Приозёрное Ключевская Е.Ф.: «В окрестностях села находились многие гектары угодий Совхоза № 5, который обслуживали заключенные. Проживали они в шести бараках (2 мужских и 4 женских). Все они работали на полях добросовестно, кроме уголовников». Совхоз № 5 – это отделение Дальстроя - так именовалось

«Приозёрное» до того, как получило свое нынешнее красивое название. В военные годы и до конца 50-х за словом совхоз скрывался лагерь для заключенных. Совхоз №5 сбросил с себя «колючку» в середине пятидесятых годов. Лагерь ликвидировали в феврале 1960 г. С 1958 года совхоз стал подчиняться Магаданскому областному агрокомитету. С 1966 года совхоз стал называться «Приозёрным», село получило название Приозёрное. После этого он продолжал исправно поставлять Магадану сельхозпродукцию до самого конца 90-х годов. Работа «хорольских магаданцев» была стабильной, северное начальство было довольно и регулярно жаловало их грамотами и премиями. Когда не было средних школ в Петровичах, в Благодатном и Прилуках, после девятого класса ученики учились в Приозёрнской средней школе, а жили в интернате — на территории бывшего лагеря. Ну а сегодня у «Приозёрного», перебравшегося в 1997 году из магаданского подчинения под крыло хорольского районного управления сельского хозяйства, все так же, как и у других: производство сворачивается, зарплата людям не выплачивается... Здесь был построен добротный типовой дом культуры, детский сад, столовая и торговый центр. В 1973 году начал работать АВМ — завод витаминно-травянной муки. В 2010-е гг. уже не было ни завода, ни детского сада, ни столовой, ни бани.

Коллективизация в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. сопровождалась политикой раскулачивания (конфискацией имущества наиболее зажиточных или сопротивлявшихся коллективизации крестьян с последующей высылкой, тюремным заключением или расстрелом). Составной частью механизма внесудебной репрессии как средства экономических преобразований в деревне стали органы государственной безопасности. Всего раскулачиванию подверглись 1,1 млн хозяйств (4–5 % от общего числа), насчитывавших 5–6 млн человек, из них 2,140 млн человек были депортированы в 1930–1938 гг.

А как повлияла коллективизация на первопоселенцев села Хороль? Как рассказывает Катерина Дмитриевна Арнаут (Козуб), в 1928 году была организована коммуна. В 1930 г. организовался колхоз «Червоный труд». Тогда из коммуны все записались в колхоз, отдавая свое хозяйство. Оставляли себе одну корову, да кое что по мелочи. Кто не хотел вступать в колхоз - того выселяли из Хороля. А победнее остались здесь жить, так они и в колхозе плохо работали. Много семей выслали: Сенчуков, Шевелей, Сыняговских, Рыбалок, Найдено, Синенко, Гавриков, Ковтунов. Всех не перечислить. Их дома остались бесхозные. Когда позже организовали райкомхоз, дома взяли на баланс. Огороды урезали. Люди стали сады вырубать, потому что сказали: «Или сад, или огород!» Конечно, оставляли огород. Огорода полагалось 15 соток. На освобожденной территории от порезанных участков строили новые дома.

Дома высланных крестьян поступали в распоряжение сельсовета. Если дом был большой, его делили на две половины - на двух хозяев. Заселяли другими людьми. Это могли быть партийные работники, специалисты сельского хозяйства или учителя, то есть люди, приезжавшие в Хороль на работу, которым требовалось жилье. Так поступили с домом Рыбалко на Комсомольской, с домом Синенко на Калининской улице и другими. В доме Синенко в одну половину поселили семью Яценко с двумя детьми, а в другую половину специалиста МТС. Синенко выселили в дом победнее, дальше по Калининской. Татьяна Синенко позже вышла замуж за Яценко, когда после смерти жены он остался один с двумя детьми. Так она вернулась в родной дом. Выселили Гаврик Антона и Петра (отца и сына). Дом Антона Гаврика был добротный, кирпичный. В нем сделали больницу.

В памяти наших родных осталось воспоминание о случае, когда в одну семью пришли представители сельсовета. На тот момент во дворе работали трое приглашенных человек, помогали хозяевам. Хозяев записали в кулаки, потому, что посчитали, что на них работают батраки, хотя на самом деле это были добровольные помощники.

И Карпа Степановича Козуба вызвали в сельсовет для разговора. Он пришел оттуда только на следующее утро. Всю ночь его продержали под замком. Родным ничего не рассказывал о том, что было в сельсовете. Через некоторое время он отдал дом и все имущество в колхоз. Карпа Степановича отнесли к середнякам. Работников в его хозяйстве не было. Его не постигла участь крестьян, которых, выселяли с семьями из Хороля, но дом

реквизировали. Карп Степанович, лишившись жилья, перешел жить к старшей дочери Александре Гаврик (Козуб). Пристроил к ее дому с северной стороны еще один дом для себя и жены. В новом доме была кухня с печью и одна комната. Пол был земляной. Дома дочери и отца сообщались между собой крытым переходом с окнами. Колодец оставался на территории бывшей усадьбы Карпа (через дорогу) в хорошем состоянии, и семья Александры пользовалась иногда водой из колодца дедушки Карпо (так называли его внуки). Дедушка Карпо продолжал трудиться, помогая детям и внукам. Держал пасеку, выращивал пшеницу. Возил ее в снопах на сельскохозяйственную выставку в Уссурийск. Валя Артюх смутно помнит дедушку Карпа: седенькая длинная борода, добрая улыбка, глаза с прищуром. В молодые годы он не носил бороду и с юмором вспоминал, как однажды на постоялом дворе его приняли за человека более младшего возраста, по сравнению с другим бородатым постояльцем, хотя фактически он был младше Карпа. «Располагайтесь, дедушка внизу, - обращалась хозяйка к мужчине с бородой - а вы, помоложе, полезайте спать выше» - говорила она Карпу Степановичу. Его не стало в 1947 году. Вторая жена Карпа - Елена Степановна прожила до 1958 года. Когда не стало Карпа, ее забрал к себе домой сын в село Лучки. Вера Филипповна Гаврик и Валентина Ивановна Артюх - внучки, ездили в Лучки навестить бабушку Елену Степановну Козуб (Любарец).

То, что предпринималось в отношении крестьян и их хозяйств в период коллективизации, было процессом раскулачивания. Одних лишали земельных наделов, домов, имущества и выселяли за пределы населенного пункта. Других оставляли в селе, но реквизировали дома и имущество и переселяли в жилье победнее. У третьих урезали земельные наделы, но дома не забирали. Судьба зажиточных крестьян и их семей решалась в зависимости от того, какие признаки кулацких хозяйств у них наблюдались.

21 мая 1929 года вышло Постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде». При установлении признаков кулацких хозяйств, в которых применяется кодекс законов о труде с изменениями и дополнениями, предусмотренными постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 февраля 1929 г., Советы народных комиссаров союзных республик и краевые (областные) исполнительные комитеты должны исходить из того, что к кулацким хозяйствам относятся все крестьянские хозяйства, обладающие одним из следующих **признаков**:

а) если хозяйство систематически применяет наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах и предприятиях - за исключением случаев применения наемного труда в тех пределах, в которых оно, согласно законодательству о выборах в советы, не влечет за собой лишения избирательных прав;

б) если в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие - при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также если в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя или более поставами;

в) если хозяйство систематически сдает в наем сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями;

г) если хозяйство сдает в наем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жилье или предприятие;

д) если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

Советам народных комиссаров союзных республик и краевым (областным) исполнительным комитетам предоставляется право видоизменять указанные признаки применительно к местным условиям.

Все кулацкие хозяйства разделялись на **три категории**:

1) с земельным наделом от 3,6 до 502 десятин (как правило, это были люди, активно помогавшие врагам Советской власти, или сами боровшиеся с нею);

2) с земельным наделом от 10 и более и до 100 десятин;

3) с земельным наделом от 9 до 80 десятин.

Категория - это не признак для отнесения к кулацкой категории, а по факту сколько земли было у тех кто попал под раскулачивание. Кулак первой категории мог иметь всего три десятины земли, но он был активным борцом против советской власти (состоял и участвовал - всё припомнили), а кулак третьей категории по факту мог иметь надел от 9 до 80 десятин.

В зависимости от категории кулацкого хозяйства к крестьянам применялись репрессии: 1-я категория подлежала аресту и суду; 2-я категория выселению вместе с семьями в отдаленные районы страны; 3-я категория расселение специальными поселками в районах прежнего своего проживания.

А на местах как? **Район решал** и должен был представить в область списки по всем трем категориям, на которые были разделены раскулаченные крестьяне. В итоге:

Первое: перегибы были как в одну сторону, так и в другую - в сторону необоснованного смягчения тоже.

Второе: в колхоз люди шли добровольно. Даже раскулаченные. Да, их (раскулаченных) ставили в неудобные условия (самое мягкое наказание - расселение внутри своего же района + облагали трудовой повинностью), и оказывалось, что лучше идти трудиться честно в колхоз, чем стоять в оппозиции.

Какова была судьба выселенных из Хороля семей? Очевидно, их отправляли на спец. поселение в Амурскую область или Сибирь. Кого-то оставляли в Приморье, но разрешали поселяться за пределами своего района.

В годы коллективизации для жителей Хороля ввели продналог. Если в хозяйстве была корова, то полагалось на одного члена семьи оставлять на день по стакану молока, а остальное сдавать государству. Евдокия Карповна с горечью рассказывала, как работники сельского совета ходили по дворам и конфисковывали «излишки». Людей лишали продуктов питания, если учесть, что молочные продукты были основными в рационе сельских жителей.

«В 1932 году церковь закрыли, колокола и хресты сняли. Иконы потоптали, побили. Какую красоту уничтожили! Церковь простояла бы и до нашего времени, если бы не те злодеи, которые все порушили. В здании церкви сделали клуб. Там показывали кино, ставили постановки. В 1938 г. церковь совсем разобрали. После этого поп и дьяк уехали в Ворошилов (Уссурийск)» - рассказывала Катерина Арнаут.

В 1938 году хоролецы стали свидетелями депортации корейцев из села.

Корейцев депортировали в среднюю Азию из приграничных районов Приморья ввиду угрозы военного вторжения Японии. Японские шпионы вели подрывную деятельность среди корейского населения с целью настроить корейцев против советской власти, а после нападения на Советский Союз иметь от них поддержку.

Евдокия Карповна вспоминала, что, действительно, корейцы в Хороле держали себя недружелюбно по отношению к славянскому населению, часто устраивали потасовки в очередях за продуктами. Потом выселили и китайцев.

Дома зажиточных крестьян

Крестьяне, чей достаток был выше среднего, могли позволить себе строительство домов из кирпича. Прошло более ста лет с момента основания Хороля, а эти дома стоят и используются до сих пор. Некоторые претерпели изменения: в них современные пластиковые окна, но кирпичную дореволюционную кладку стен время не испортило. Повезло двум домикам, которые используются под магазины. Выглядят ухоженно и симпатично.

Дом на улице Комсомольской. Сейчас в нем продуктовый магазин.

Красивые узорчатые наличники на окнах

Дом мельника Рыбалко на Комсомольской улице. Родной дом Меланьи Рыбалко (Козуб.)

Дом Рыбалко

На нынешней Советской улице сохранились два старинных богатых кирпичных дома. Один из них Тура, другой - Стояна, тоже первопоселенцев села Хороль.

Дом Синенко на Калининской улице

Дом Старунов на улице Пугача

В середине улицы Калининской в восьмидесятые годы был продовольственный 13-й магазин. Размещался он в бывшем богатом кирпичном доме зажиточных крестьян. Напротив этого дома, через дорогу жила бабушка Олэна Сенчук, для нас детей, в восьмидесятые годы она выглядела бабушкой. Это был дом ее родителей Сенчуков. Олэна в нем родилась, а ее семью после раскулачивания выселили из дома в жилье попроще.

Дом Синенко на улице Пугача

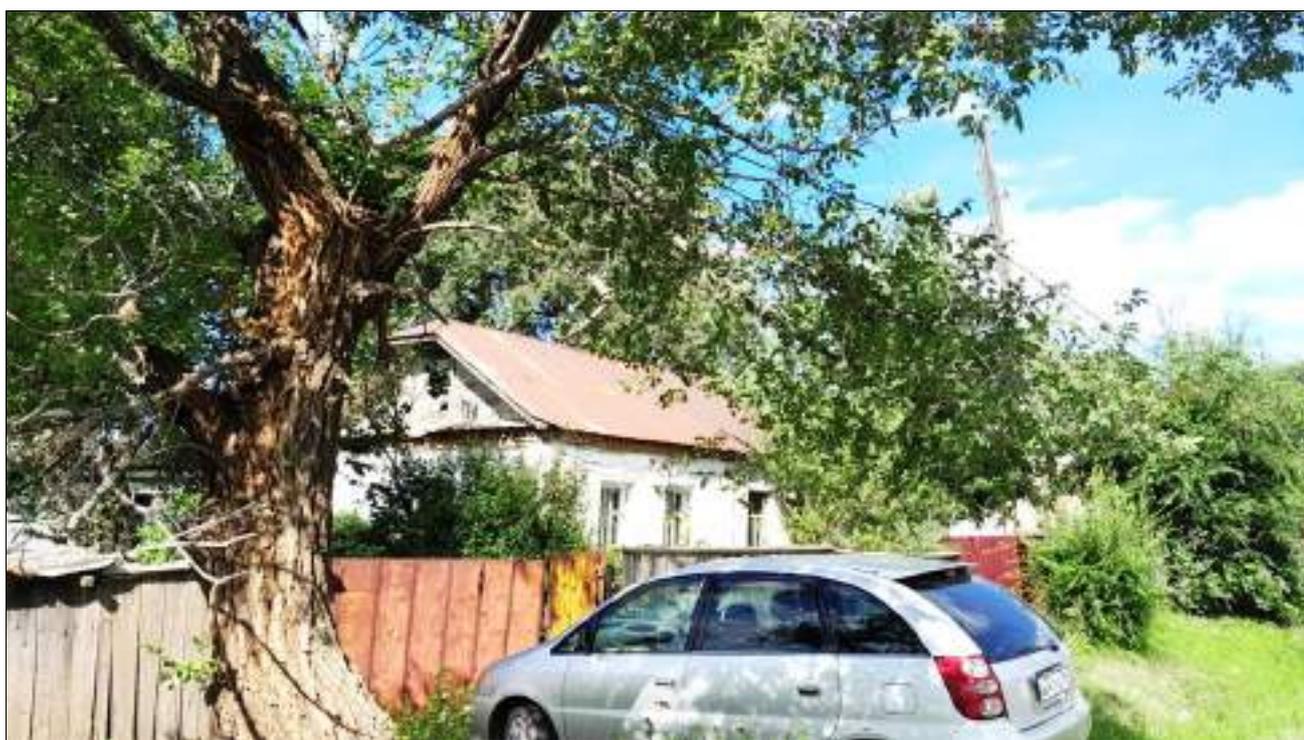

*Дом Синенко на улице Пугача вблизи.
По такому же проекту построен дом брата Синенко на Калининской улице*

Олэна Сенчук жила на Калининской улице и ходила в свой бывший отчий дом за продуктами в магазин. Сейчас на месте дома (магазина) построили новый жилой дом.

Старинный дом на Советской улице

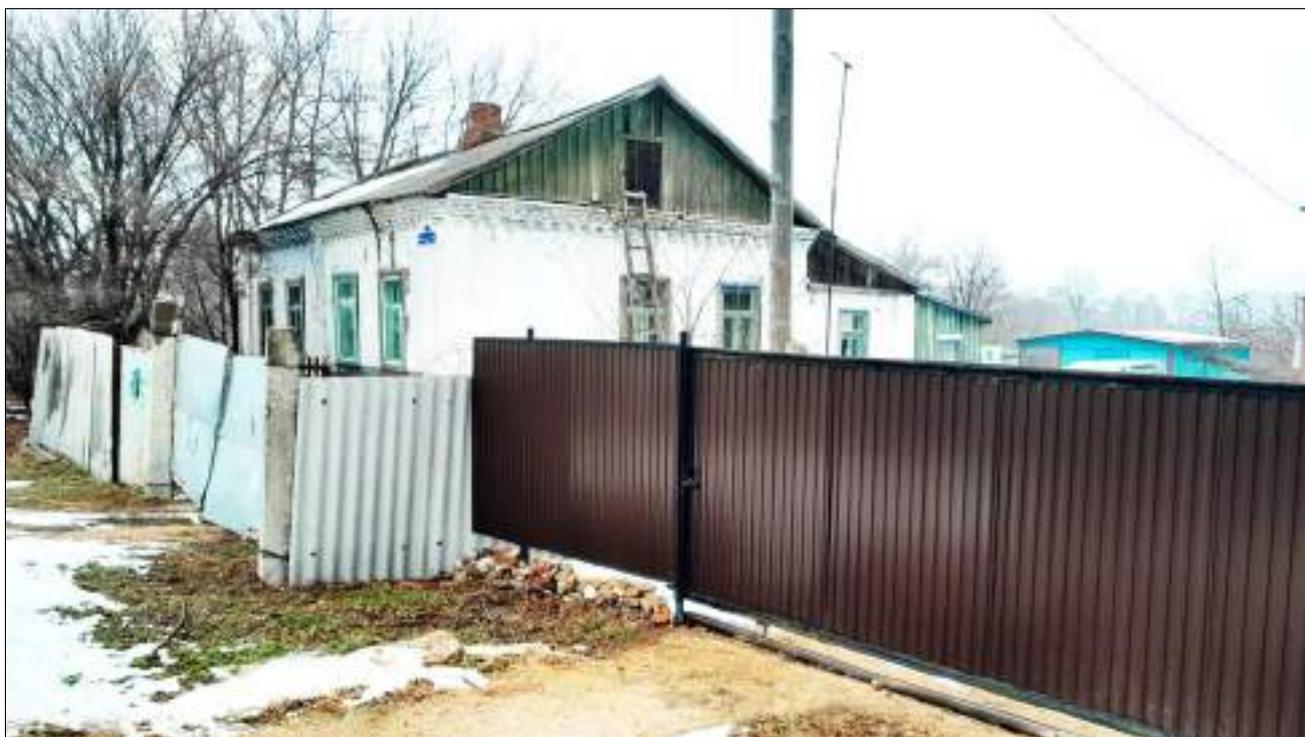

Еще один кирпичный старинный дом на Советской улице

До того, как из дома Сенчуков сделали магазин, в нем была инфекционная больница. Дом был просторным, с высоким крыльцом, выходящим на восток.

Старинный дом на Советской улице. Сейчас в нем магазин

Дом первопоселенца Гроб Евстихия Саввича на Комсомольской улице

В Хороле на улице Пугача и улице Ленинской сохранились добротные деревянные дома с красивыми резными наличниками, имеющие четырехскатные крыши - признак их строительства крестьянами-старожилами. Они так строили. Почему крыши четырехскатные? На Украине в старину на домах были четырехскатные крыши, только они покрывались соломой. Переселенцы тоже строили дома с четырехскатными крышами, как на своей родине,

но покрывали их деревом и оцинковывали. В этих домах и сейчас живут люди. Эти дома - наша история, свидетельства прошлой богатой крестьянской жизни в Хороле.

На Трактовой улице Хороля в 1912 г. поселились муж и жена Проценко. Дом их стоял, где сейчас находится пятиэтажный жилой дом (ул. Ленинская, 92). Дом Проценко был деревянный, двухэтажный, очень красивый, похожий на терем. Семья богатая. Имела своего работника. Жена торговала в лавке, а товар - мануфактуру и обувь - возила из Маньчжурии. Муж и работник трудились по хозяйству. Как-то весной глава семьи уехал во Владивосток, а жена дома рано утром месила тесто в дже (деревянная кадка по-украински), чтобы хлеб печь. Стол стоял у раскрытого окна и в женщину выстрелили из ружья с улицы через окно. Она погибла. Убийцу не нашли, так и осталось тайной - кто и зачем свел счеты с женой Проценко. Это событие взволновало жителей Хороля, надолго осталось в памяти. Потом Проценко, муж убитой женщины-предпринимательницы, навсегда уехал из Хороля во Владивосток. В их большом доме после революции был райком партии.

Топонимы Хороля

Первопоселенцы строили дома, где хотели. Постепенно в селе образовались улицы. Чтобы ориентироваться в разрастающемся селении жители нарекали улицы и географические точки Хороля по фамилиям проживающих на них людей. Так, улица, где стояли дома братьев Козубов называлась Козубиевка (улица Калининская), небольшой хутор в сторону дороги на Поповку, где проживала семья Даций, назывался Дациивка. Дациивка насчитывала двадцать дворов. Сопка, на которой построили свои дома братья Поляницы, получила название Поляничина сопка (в середине улицы Калининской). За Поляничиной сопкой начиналась Чайкина сопка. Там жили братья Чайки. Была сопка Рыбальчина, где жили Рыбалки (улица Комсомольская) и улица Рыбалкивка, сопка Брижанка, где жили Брижаны (улица Советская), Шевелева сопка, где имели заимку Шевели (напротив Вторчермета). Улица Турилка (улица Советская), где поселились Туры. Самая дальняя улица получила название Сахалин (Красноармейская улица). Сахалиновкой еще называли улицу Кипарисовскую. Была даже улица, выделяющаяся из общего ряда необычным наименованием - Чубокрутылка (Садовая). Такое название улица получила из-за населяющих ее мужчин и парней, любителей отращивать чубы. Получали название даже переулки по фамилиям людей.

Рыбальчина сопка

Долина речки (современная улица Луговая) называлась в народе падью. Падь долго не застраивалась. Дома там начали строить в пятидесятые годы, когда в Хороль приехали семьи из западной Украины по переселению. В Хороле тогда появились фамилии Пашинских, Красуцких, Луц, Сорочинских. Новым переселенцам, выделяли по пятьдесят соток огорода на семью, тогда как местные жители имели по пятнадцать соток.

Центральной улицей Хороля был Тракт (потом улица Ворошиловская, улица Ленинская), на котором стояли административные здания. Фактически, это была дорога на пути следования из Никольска в Камень-Рыболов. На углу, где сейчас редакция, была волость, рядом сельпо, а неподалеку маслобойня. Селение пересекала небольшая река. С сопки бежали ручьи, впадающие в реку.

«Речка называлась Песчаная, Песчанка. В ней ловили карасей даже зимой. Вода чистая была. Текли еще две речки поменьше. Одна бежала по Красноармейской улице с гор, другая по Зеленой улице, там, где МТФ, из крупного родника. В этом большом роднике на Зеленой улице поп и прихожане ходили святить воду на Крещение. Дальше в сопках тоже были родники», - рассказывала Катерина Дмитриевна.

Фетагуровки и УНРовцы

Как рассказывает Катерина Дмитриевна Арнаут, переселенцы с Полтавы были аккуратные, вежливые, поделчивые. А когда наехали разные люди, все перемешалось. Раньше ничего не боялись, не закрывали двери на замки. А потом приехали «фетагуровки» (хетагуровки), «УНРовцы» из Москвы, - тут стало воровство.

Хетагуровками называли молодых девушек, откликнувшихся на призыв Валентины Хетагуровой в 1932 году приехать на Дальний Восток, вложить свои силы и энергию в его развитие. Валентина Хетагурова приехала на строительство Комсомольска-на-Амуре по комсомольской путевке. Вышла замуж за военного командира. Далеким край осваивали в те времена военные и гражданские, среди которых были одни мужчины. Требовались женские руки, женский труд. В ответ на призыв в августе 1937 году в Приморский край прибыло 5000 девушек. Они распределялись по гарнизонным поселкам и береговым рыбокомбинатам. Хороль был тогда гарнизонным поселком, поэтому хетагуровки приехали и сюда.

УНРовцы - работники УНР (Управления начальника работ) в вооруженных силах СССР. Так называли строительные организации, где начальниками и их замами-инженерами были офицеры, все остальные - обычные гражданские люди - мастера, прорабы, каменщики, штукатуры, плотники. Для широкомасштабного производства строительных работ каждому УНРу придавалась рабочая сила из военных строителей стройотрядов.

В Хороле была такая организация – УНР, где и работал десятником мой дедушка – Артюх Иван Игнатьевич в 1930-е годы. Военные строители возводили гарнизон Хороль.

Хорольский укрепрайон

Как рассказывает Катерина Дмитриевна Арнаут, в Хороле в 1932 году в районе улицы «Сахалин», в будущем получившей название «Красноармейская», появилась военная часть. Построили штаб и казармы, лазарет и два двухэтажных жилых дома для офицерского состава на улице Комсомольской. Дома были деревянные, щитовой сборки. Снаружи дома оштукатурили. После войны они были выкрашены в бледно-розовый цвет. В одном из домов организовали даже продовольственный магазин, в который Валя Артюх ходила за хлебом. Вдоль Комсомольской улицы соорудили деревянные тротуары. Улица затапливалась весной, поэтому тротуары поднимали повыше. Военные крутили кино местным жителям прямо на улице.

На улице Красноармейской, бывшем «Сахалине», которая и получила свое название из-за размещения в этом районе воинской части, построили военные продовольственные склады, ледниковые хранилища для мяса. В землю зарывались огромные деревянные бочки диаметром около 5 метров. В бочках осенью солдаты солили капусту. Им помогали жены офицеров. В каждой бочке была лестница. Когда Катя получала на паек квашеную капусту, она шла с солдатом к бочке. Он в специальных резиновых сапогах спускался по лестнице вовнутрь бочки, набирая капусту. Квашеная капуста, полученная на паек, детям Евдокии Карповны очень нравилась на вкус. Может, потому что своей такой же дома не было?

Катя с подружкой Герой и сослуживцами. 1953 год.

Готовясь к войне с Японией, в сопках в сторону Поповки и в самом Хороле на сопках улиц Лесной, Советской военные сооружали дзоты и капониры для танков, по склонам

выкапывали траншеи и окопы. В настоящее время остатки оборонительных объектов мы можем встретить в окрестностях села.

Местность, где сейчас стоит Новый Луговой, также, была испещрена окопами и капонирами. На Каменную падь за Хоролем и за Рыбальчину сопку самолеты авиаполка, базирующегося в гарнизоне «Хороль», сбрасывали учебные бомбы. Звуки разрывов и пикирующих штурмовиков доносились до Калининской улицы, и жители видели, как над деревьями поднимаются клубы дыма. На Чайкиной сопке военные организовали стрелковый полигон. Слово «полигон» вошло в обиход местных жителей. Когда кого-то спрашивали, где собирал грибы или шиповник, тот отвечал: «Та, на полигоне!» На полигоне стояло множество мишеней для стрельбы.

У подножья Шевелевой сопки вырыли капониры для самолетов. Дети, когда пасли коров, заходили вовнутрь этих сооружений. Капониры были просторными, соответствующими размерам самолетов, с засыпанным щебенкой полом.

*Реконструированный Ил-2. Такие самолеты базировались в Хороле.
Выставка ретро-авиатехники, организованная авиакомпанией «Авиалифт Владивосток», г. Артем.
9 мая 2020 год*

9 ноября 1944 года в ходе учебного полета за селом Хороль потерпел катастрофу штурмовик Ил-2. При выполнении виража самолет потерял скорость и, сорвавшись в пикирование, с углом 80 градусов, врезался в болотистый грунт. В катастрофе погибли летчик лейтенант Болотский Анатолий Кузьмич и стрелок-радист младший сержант Овчинников Николай Иванович. Жители близлежащих улиц услышали сильный взрыв и почувствовали сотрясение земли. Весь бронекорпус самолета с двигателем и двумя членами экипажа оказался глубоко в грунте на глубине около пяти метров. Попытки сослуживцев сразу раскопать самолет не привели к успеху. Экипаж так и остался захороненным на глубине вместе с

обломками самолета, «в 3 километрах юго-западнее Хороля», как было зафиксировано в книге учета потерь 78-го штурмового авиаполка. Местные жители по-своему решили вопрос, куда же делись тела погибших. Они предположили, что останки экипажа растащили волки, которых тогда в лесу было очень много.

*Военный летчик в форме времен Великой Отечественной войны.
Выставка авиакомпании «Авиалифт Владивосток», г. Артем. 9 мая 2020 г.,*

Современные жители Хороля ничего не знали бы об этой авиакатастрофе, помимо старожил, конечно, если бы не приморские поисковики ПРОО «ПО «АвиаПоиск» имени майора Романа Филипова» во главе с руководителем объединения Ярославом Ливанским, которые в начале мая 2020 года начали раскопки на месте гибели самолета. Группа извлекла из грунта обломки самолета, двигатель, личные вещи, а также останки погибшего пилота и стрелка-радиста, которые потом были перезахоронены с почестями.

За 56 лет на месте авиакатастрофы вырос лес. А в 1944 году здесь было сплошное поле. Сейчас рядом проходит лесная дорога. Никто из современных хорольчан не представлял себе до недавнего времени, что лесная дорога проходит рядом с захоронением потерпевших крушение летчиков.

В начале пятидесятых годов по улице Калининской на учебный грунтовый аэродром, который находился в районе с. Поповка, проезжали военные машины с закрытыми бортами, заполненные корейскими летчиками. Корейцы, как на подбор, были все невысокого роста, щуплого телосложения. Они проходили обучение по пилотированию советских самолетов. Шла война между северной и южной Кореей, в которой негласно участвовал Советский Союз, помогая северокорейцам самолетами и подготовкой летных специалистов, в том числе, и на базе Хорольского авиагарнизона. Корейские летчики жили в общежитии летного профилактория на втором этаже здания бывшего штаба Гвардейской Краснознаменной Николаевской стрелковой дивизии, сформированной в Хорольском районе в 1941 году, где сейчас располагается Хорольский историко-краеведческий музей им. Бронниковой И.Д.

На улице Калининской через каждый километр стояли столбики с цифрами километража от дороги, как сейчас говорят, общего пользования регионального значения

Михайловка – Турий Рог (05 ОП РЗ 05К-188), проходящей по улице Ленинской. Дорога по улице Калининской выполняла роль рокадной дороги. За дорогой власти постоянно ухаживали – грейдеровали и подсыпали.

*Раскопки на месте авиакатастрофы 1944 г. в с. Хороль. Май 2020 года.
Экскаватор поднимает двигатель самолета.*

После окончания войны с Японией в Хороле некоторое время находились японские военнопленные. Их привлекали к хозяйственным работам в селе - нарезке кюветов дорог, строительству. Зимой они замерзали на улице, не привыкшие к низким температурным условиям. Кутались, кто во что. Когда проходили мимо строя, жители зло иронизировали, бросая им вслед: «Что захотели холодненькой водицы испить? А она-то сильно в зубы заходит!» Как-то по весне большая группа пленных японцев в сопровождении конвоиров прошла по Калининской улице в сторону Поповки. Японцы были одеты в длинные плащи

*Здание штаба и общежития летного состава.
Сейчас в здании на втором этаже находится районный краеведческий музей*

цвета хаки, за плечами несли ранцы. Валентина Ивановна Артюх была еще ребенком в то время, но хорошо запомнила конвоирование японцев.

Там, где построен сейчас поселок Новый Луговой, стояли солдатские казармы. Дети, жившие на Калининской улице, бегали по вечерам в расположение солдат, которым крутили кино прямо под открытым небом, и ребята смотрели кинофильмы вместе с воинами, сидя в траве. Солдаты угощали их картошкой с селедкой – своим ужином. Каждый день на ужин военным выдавалась вареная картошка с селедкой.

Красноармейские части базировались в Хороле и до начала Великой Отечественной войны. Но перед войной с Японией присутствие военных было усилено частями, переброшенными с западного фронта. Жизнь хорольчан, простых жителей, проходила совместно с военнослужащими.

Когда военные ушли из района Комсомольской и Красноармейской улиц, два жилых дома, где они размещались, стали заселяться гражданскими. Дома простояли до середины восьмидесятых годов. На такое длительное существование они не были рассчитаны. Тем не менее, люди в них жили долго. Строения постепенно ветшали. Эти дома назывались в народе «шестнадцатой республикой». Очень разношерстная публика в них проживала. Потом на месте старых, уже непригодных для жилья домов, построили панельные трехэтажки.

Послесловие

Когда я училась в школе, бабушка часто рассказывала о прошлом своей семьи. Начнет вспоминать, - и у нее получается целое повествование. Я слушала, мне было интересно, но не приходило в голову записать ее рассказы. Ведь тогда бы они сохранились во всех подробностях. По происшествии многих лет тема прошлого семьи стала снова интересовать меня. Где наши корни? Кто они, наши предки? Какими они были? Чего достигли в жизни? Что мы, потомки, от них унаследовали? Оказалось, что заниматься своей родословной – очень интересное занятие. Это похоже на то, как будто каждый день открываешь страницу за страницей в новой увлекательной книге, но то, о чем в ней написано - никем не придумано. Автор книги - сама жизнь, которую проживали родные люди. Жизнь, тесно переплетенная с разными этапами в истории России. Я думаю, что у меня получилось заглянуть в прошлое, собрав сведения о родных не только по линии моей бабушки Евдокии Карповны Артюх (Козуб), но и о наших далеких родственниках из рода Козубов. Много, конечно, остается нераскрытым. Хотелось бы узнать, как жили братья Козубы в Малороссии до переезда в Приморье? Что их заставило покинуть родной дом? Я не думаю, что бедность, ведь они переселялись на новые земли за свой счет. Кто были родственники нашей прабабушки Анны Митрофановны, первой жены Карпа Степановича Козуб, которая рано ушла из жизни? Эти вопросы требуют продолжения поиска сведений.

Наши предки достойны того, чтобы мы о них знали и помнили. Мы - их продолжение и обязаны им тем, что имеем. Низкий поклон и вечная им память!

Притчина Светлана
Июнь 2024г.

Использованная литература

1. Арнаут (Козуб) К. Д. Воспоминания о прошлом Хоролья. Рукопись, 1984.
2. Горчаков А.А., Жевна Е.В. Из истории заселения Хорольского района. Документы и материалы. Владивосток: ИД «Рея», 2014.
3. Ищенко С.А. За судьбой в Приморье: история хорольских переселенцев. Владивосток. ИД «Рея», 2019.
4. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего востока России 1855-1917гг. Владивосток. ИД ВГУЭС, 2006.
5. Рыжов И. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918. Уссурийский фронт. Владивосток. ИД «Рубеж», 2020.
6. Рыжов И. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922. Последний поход. Владивосток. ИД «Рубеж», Дальнаука, 2020.
7. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869г. М., ОГИЗ, 1947.
8. Кокунина Н.С. Хорол-Хороль связующая нить истории. Газета «Рассвет» за 26.07.2011.
9. Кокунина. Н.С. Село в воспоминаниях первых жителей. Газета «Рассвет» за 30.08.2011.
10. Кокунина Н.С. Полтавский Хорол стал Приморским. Газета «Рассвет» за 1.09.2011.
11. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. Три года в Уссурийском крае. СПб., 1897.
12. Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД: анфас и профиль. Том 1, 2. Владивосток. ИГ Восток-Контракт, 2011.
13. Пыцкий Е.И. Переселенческая политика государства в Приморский край и Хорольский район. МКОУ СОШ № 3 с. Хороль.
14. Фонд № 7. Общество с ограниченной ответственностью «Комсомолец» с. Прилуки Хорольского района Приморского края 16 ноября 1931 года - 26 июля 2013 года. Архивный отдел администрации Хорольского муниципального района.
15. Шумкин В. «Колючее» прошлое Приозёрного. Газета «Рассвет» за 6.01.1998.

Оглавление

Прибытие в Уссурийский край.....	4
Родословная первопоселенцев Козуб.....	12
Строительство Хороля.....	8
Семья моих дедушки Ивана Игнатьевича и бабушки Евдокии Карповны Артюх (Козуб).....	39
Соседи	96
Гражданская война.....	101
Коллективизация	103
Дома зажиточных крестьян.....	107
Топонимы Хороля	114
Фетагуровки и УНРовцы	115
Хорольский укрепрайон	115
Послесловие.....	120

ПРИТЧИНА С.В.

В ЦЕНТРЕ ЗЕЛЁНОГО КЛИНА

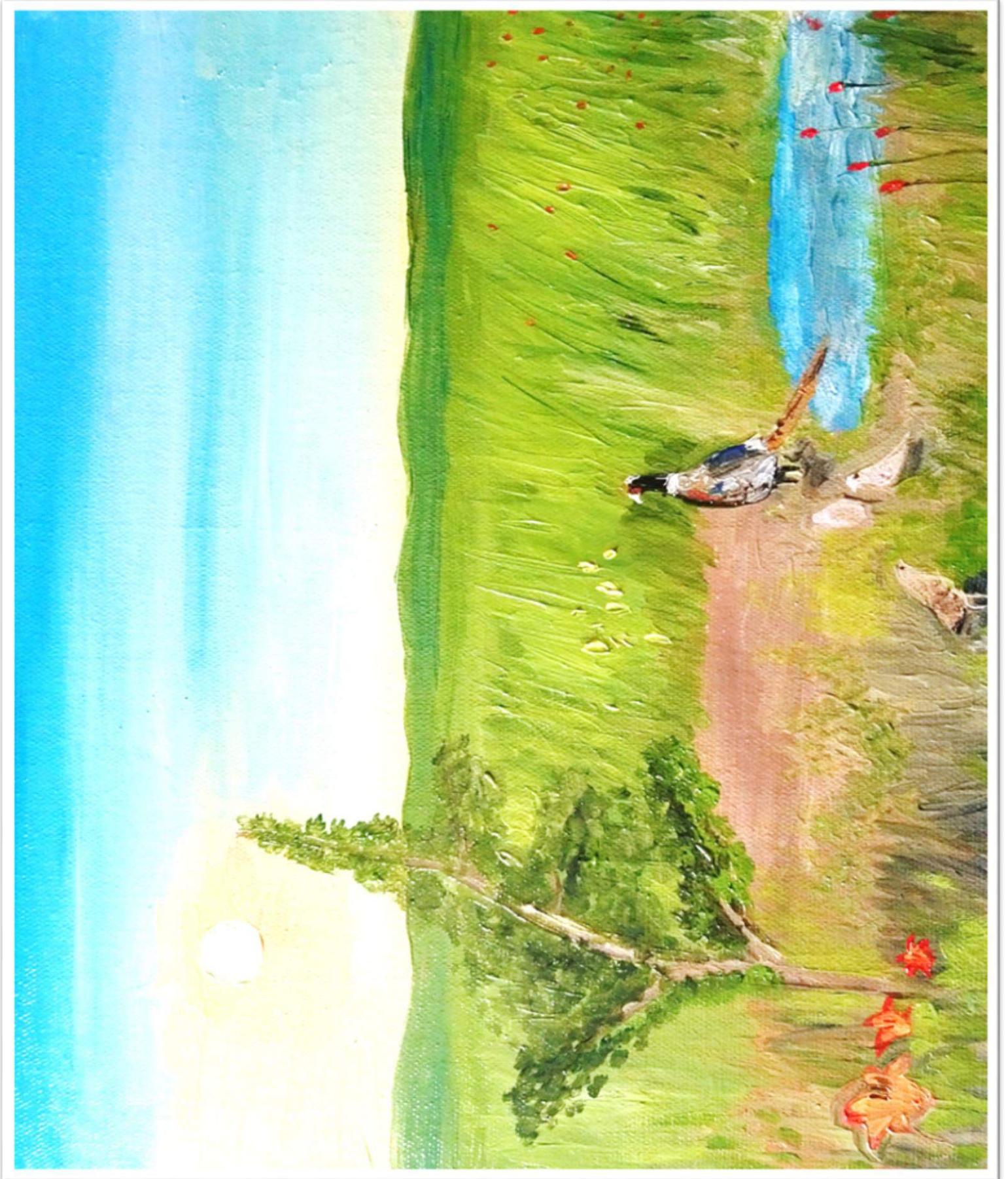
**история семьи Артюх Евдокии Карповны,
дочери Козуба Карпа Мефодьевича,
первопоселенца села Хороль**

Под общей редакцией Притчина АА

**Художественное оформление и
компьютерная вёрстка
Александр ПРИТЧИН**

Притчин Павел. Картина «Хорольские луга».

Формат 60x80/8. Печать офсетная.
Усл.печ. л. – 23,25. Бумага офсет, 80г.
Гарнитура Times New Roman
Тираж 15 экз.
Отпечатано в типографии «Винсент Ван Гог»
690001, г. Артём, пл. Ленина, 7/1

Автор книги Притчина (Чкан) Светлана Викторовна родилась 1970 г. в с. Хороль Приморского края. Потомок первопоселенцев села Хороль. Окончила биолого-почвенный факультет ДВГУ в 1994 году, по специальности биолог, преподаватель биологии и химии. Работала в Хорольском Центре ГосСанЭпиднадзора в бактериологической лаборатории, в Хорольской Центральной районной больнице в клинко-диагностической лаборатории. В настоящее время проживает в г. Владивосток. Работает в клинко-диагностической лаборатории медицинского центра «Асклепий».